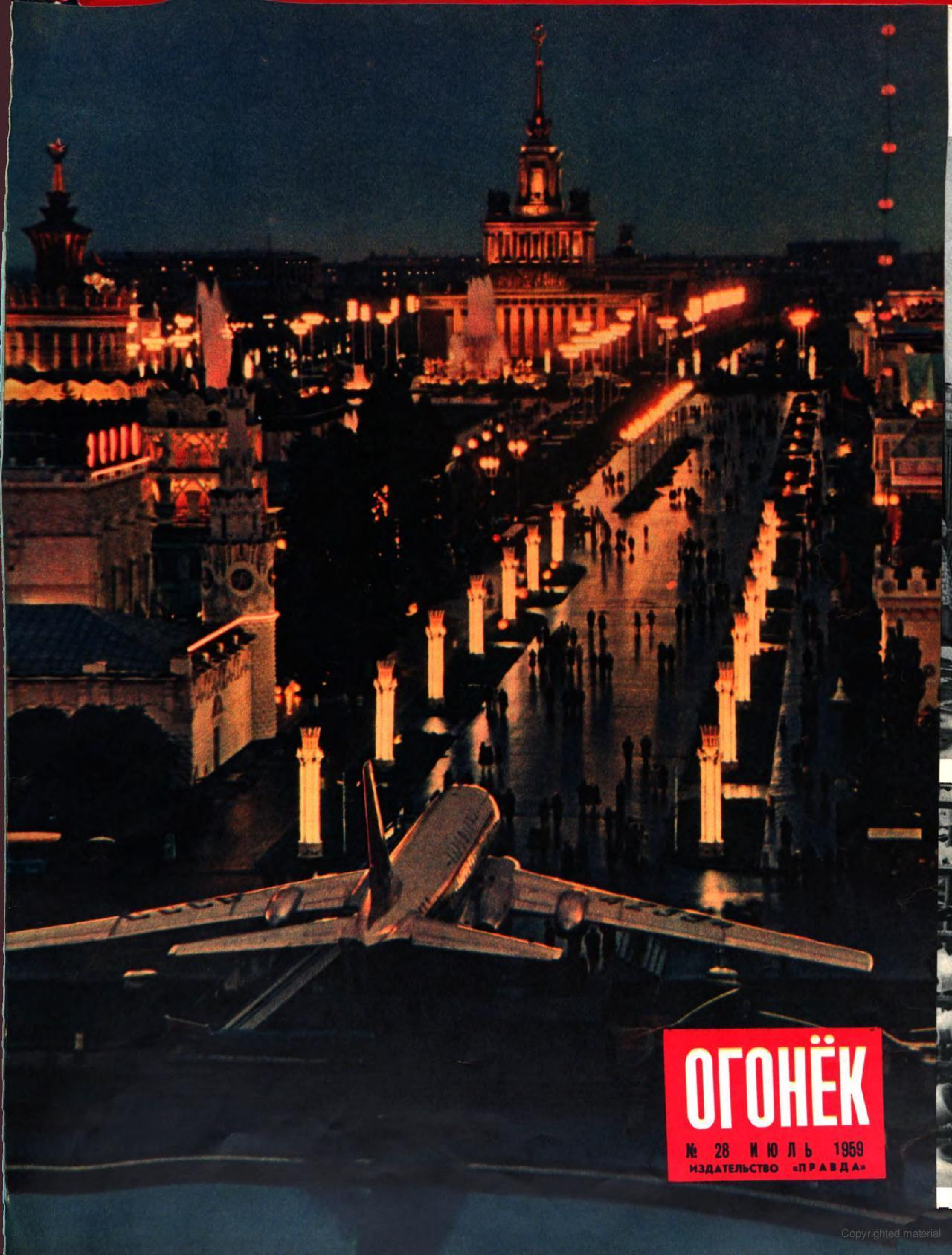

ОГОНЁК
№ 28 ИЮЛЬ 1959
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Валентина ГАГАНОВА.
Фото С. Фридлянда.

ЭТО СДЕЛАЛА ВАЛЯ ГАГАНОВА

Укрытый летней зеленью Вышний Волочек, живописные берега рек издавна привлекали художников удивительной красотой. Но сейчас сюда зачастили корреспонденты столичных газет и журналов. Почтальоны, шутя, сетуют на внезапно увеличившийся вес своих сумок. Сотни писем слетаются в маленький городок текстильщиков со всех концов страны: люди шлют сердечные слова горячего одобрения в адрес бригадира Валентины Гагановой.

Валентина — прядильщица хлопчатобумажного комбината — предложила и самолично совершила дело, о котором поэтично кто-то сказал: оно, как хорошая песня, полетело от человека к человеку, от коллектива к коллективу по всей советской земле. Суть его в добром товариществе, в «чувстве локтя», в хорошей человеческой дружбе — лучших чертах молодого человека наших дней.

Руководитель передовой бригады прядильной фабрики Валя Гаганова обратила внимание на невысокую производительность бригады, работающей рядом. Оборудование одинаковое, такие же старательные и любящие свое дело вышневолоцкие текстильщицы, а выработка и, стало быть, заработки невелики. Почему же так?

И бригадир все внимательнее присматривается к порядку работы, все чаще по-дружески беседует с девушками и их бригадиром Люсей Шибаловой. И скоро созревает всеми одобренное решение: молодая коммунистка Гаганова переходит в отстающий коллектив с твердым и ясным намерением помочь ему. Приходит, как товарищ, как друг, неся подругам весь свой опыт организатора и отличную рабочую выучку.

Закономерно пришли и результаты. Они не только в том, что недавно еще «хвостовая» бригада додает к плану 1 700 килограммов пряжи, и не в том, что сдельная оплата поднялась примерно на 300—400 рублей в месяц. В цифрах не выразить чудесной дружбы в труде между Гагановой и девушками. Каждая из них может теперь с законной гордостью сказать о себе: я хорошая работница! А Люся Шибалова, временно утратившая пост бригадира, сейчас с помощью Вали снова готовится занять его.

Славный почин быстро подхватили все цехи комбината. Примеру последовали лучшие бригадиры, и сейчас уже не хватает для них отстающих бригад. Из Вышнего Волочка дело Вали Гагановой, как хорошая песня, понеслось по стране.

...У входа в прядильную фабрику Вышневолоцкого хлопчатобумажного комбината висит нарядная доска. На ней золотыми буквами отмечены новаторы производства, чьи мысли и дела далеко переступили стены фабрики и границы города и верно послужили многим предприятиям страны. Теперь среди новаторов названа и Валя Гаганова, возглавившая движение за подтягивание отстающих бригад до уровня передовых.

На первой странице обложки: На Выставке достижений народного хозяйства СССР. Поздний вечер. Только что прошел дождь, но посетителям не хочется уходить отсюда.

Фото Б. Кузьмина и В. Тарасевича.

НАРОД ТВОРИТ ПОДВИГИ В ТРУДЕ

Ярной демонстрацией могущества нашей Родины явился закончившийся на днях пленум Центрального Комитета КПСС.

В речи Первого секретаря ЦК КПСС и председателя Совета Министров СССР товарища Н. С. Хрущева, в принятых решениях дана развернутая программа дальнейшей успешной борьбы за технический прогресс в промышленности и строительстве, программа ускоренного движения советского общества вперед, к коммунизму. В Обращении Пленума ЦК КПСС все труженики советского общества призываются к новым славным подвигам.

Коллективы передовых предприятий нашей Родины рапортовали пленуму о перевыполнении полугодовых заданий, торжественно принимали обязательства о досрочном завершении семилетнего плана. Рационализаторские предложения рабочих и инженеров, творческая инициатива простых тружеников позволяют находить новые резервы, повышать производственные возможности цехов, заводов, фабрик и тем самым обеспечивать скорейшую реализацию мероприятий, намеченных партией.

Одним из примеров такой самоотверженной всенародной борьбы могут служить успехи Глуховского хлопчатобумажного комбината имени Ленина. Досрочно выполнив полугодовую программу и выпустив продукции на 31 миллион сверх плана, текстильщики обязались завершить семилетку в пять с половиной лет, резко улучшить использование оборудования, с каждым годом давать народу все больше красивых и добротных тканей.

Своими повседневными трудовыми делами глуховцы претворяют в жизнь принятые решения.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 28 (1673)

5 ИЮЛЯ 1959

37-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

На снимках:

Вверху слева — установлено новое оборудование на Глуховском комбинате. Три узловязальные машины заменяют теперь тридцать два проборных станка. Слева направо: помощник мастера И. Ф. Черников, узловязальщики Б. М. Бойко, А. А. Крутов и С. Т. Самсонова.

Справа — у проходной после смены.

В приготовительном цехе: мастер Л. С. Никулова (слева) и сновальщица О. В. Бородакина. →

Фото В. Тарасевича.

РЕШЕНИЯ ПЛЕНУМА ЦК КПСС—

МЫШЦЫ ИНДУСТРИИ

Г. БАБАТ,
доктор технических наук

В прежние времена на статистических таблицах рисовали индивидуума, окруженного пирамидами хлеба, картофеля, стадами коров, свиней. Количество продуктов питания, рассчитанных на душу населения, символизировало богатство страны. Теперь статистика, помимо того, подсчитывает на душу населения количество стали, цемента и вырабатываемой энергии.

Уровень развития страны определяется многими показателями, но важнейший, пожалуй,— это энергетика. Развитие энергетической техники обеспечивает высокий уровень развития остальных отраслей народного хозяйства.

Из всех видов энергии особое место занимает электрическая. Она передается на большие расстояния, легко распределяется и дробится, может быть преобразована в любые другие виды энергии. Царская Россия по развитию электроэнергетики стояла на одном из последних мест. Экспонаты павильона на ВДНХ «Электрификация» показывают, что Советский Союз выходит на первое место в мире.

Эта высоковольтная линия подает ток с Иркутской ГЭС на строительство Братской ГЭС.
Фото А. Гостева.

Привлекают внимание посетителей выставки современные тепловые электростанции. Вот макет паротурбинной электростанции на 2 400 тысяч киловатт. Если вспомнить, что мощность, которую может развить человек за счет физической силы своих мышц, меньше одной десятой доли киловатта, то можно сообразить, что мощность одной такой электростанции соответствует физическим усилиям нескольких десятков миллионов людей. А таких электростанций в ближайшие годы в Советском Союзе будет построена не одна. Рядом — макет электростанции на 600 тысяч киловатт. Эта электростанция замечательна тем, что ее основное оборудование размещено под открытым небом. Это удешевляет и ускоряет строительство. Зарубежная практика еще не знает таких решений.

На центральных электростанциях электроэнергия вырабатывается в виде переменного тока, но многие потребители требуют других видов электроэнергии. Разнообразны преобразователи тока, применяемые в промышленности СССР. Для выработки алюминия необходим постоянный ток. Его получают при помощи мощных ртутных выпрямителей. А вот установки для превращения обычного переменного тока в ток высокой частоты (ТВЧ). Двадцать лет тому назад мне довелось участвовать в создании первых промышленных установок ТВЧ на ленинградском заводе «Светлана». Многие тогда не верили, что высокочастотные токи могут быть практически использованы в производстве. Тогда Ленинградский горком партии устроил своеобразную «складчину». Заводы, которые хотели внедрить в свое производство высокочастотные установки, подсчитывали одновременно, какие материалы они могли бы предоставить для их сооружения. Таким образом, благодаря кооперации ряда заводов были выпущены первые десятки установок ТВЧ.

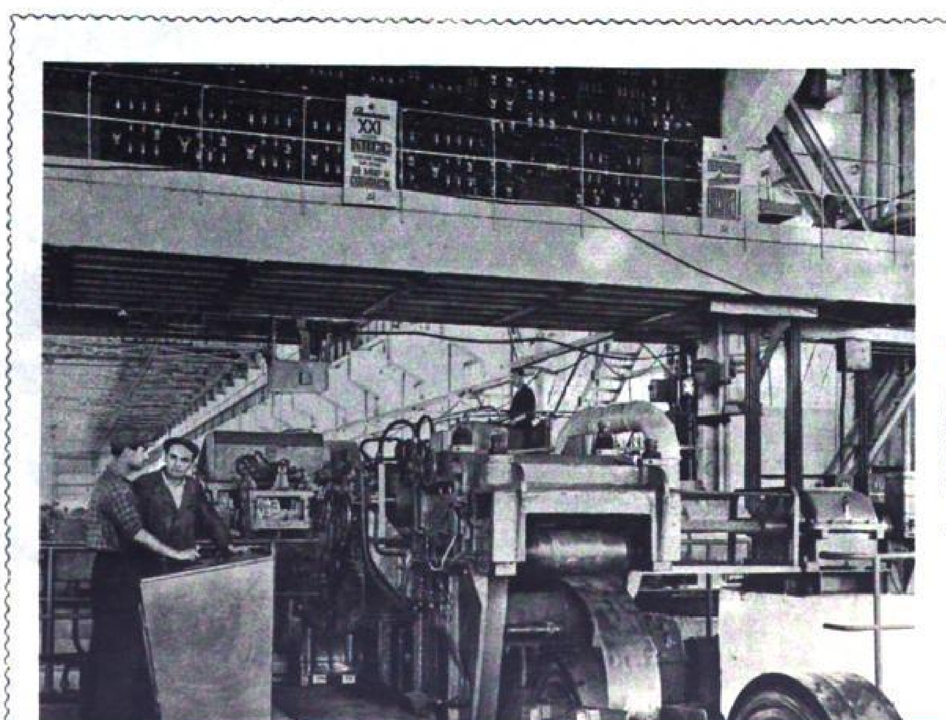
Теперь уже многие тысячи установок ТВЧ работают в промышленности СССР. Они закаливают сталь, выплавляют особо чистые металлы и сплавы, варят оптическое стекло, работают в промышленности пластмасс.

Возникает вопрос: каковы далекие перспективы энергетики? Запасы горючих ископаемых для тепловых электростанций хотя и велики, но не безграничны. Что же дальше? В Советском Союзе уже строятся электростанции, в которых энергия получается за счет расщепления ядер урана. Но ведь и запасы расщепляющихся материалов также ограничены. Наука открывает новый путь: получать энергию за счет реакции слияния ядер водорода в ядра гелия. Именно так «возникает» энергия в недрах звезд, в том числе и в нашем Солнце.

Нельзя еще сказать, как конкретно будет выглядеть станция, вырабатывающая электроэнергию за счет реакций слияния водородных ядер, будет ли здесь использована плазма, нагретая до температуры во много миллионов градусов, или будут применены еще какие-то новые способы высвобождения запасов энергии водородных ядер. Одно бесспорно: промышленные ядерные водородные реакторы будут созданы в ближайшие десятилетия, энерговооруженность человечества возрастет в огромной мере, запасов энергетического сырья хватит на многие тысячелетия.

И в павильоне «Электрификация» и особенно в павильоне «Радиоэлектроника» показано множество современных устройств, решающих задачи управления производственными агрегатами, автоматического ведения различных технологических процессов. Электродвигатели могут быть названы мышцами современной индустрии; различные усилители, реле, датчики — это нервные клетки.

Наша энергетика вышла на широкий путь. И в дни, когда проходил пленум ЦК КПСС, где обсуждались коренные вопросы технического прогресса, особенно явственно все мы увидели, какие грандиозные перспективы открываются перед нами.

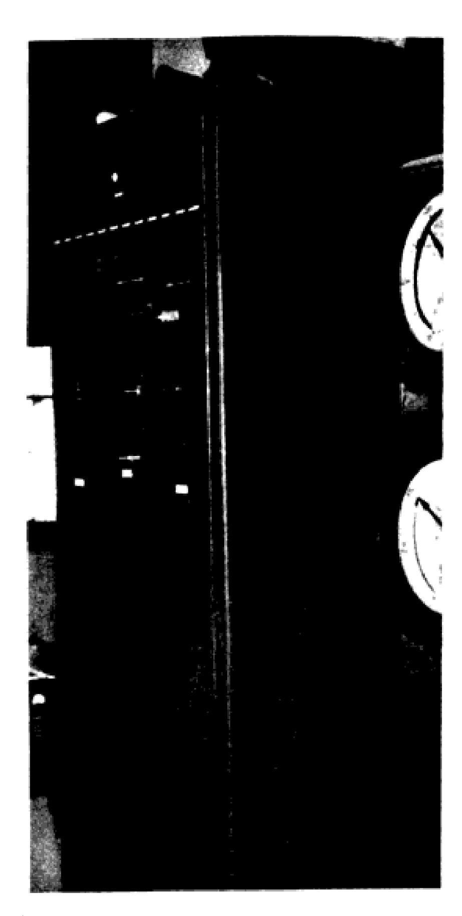
ЦЕХ АВТОМАТИЗИРОВАН ПОЛНОСТЬЮ

На заводе «Запорожсталь» построен специализированный цех гнутых профилей. Он предназначен для массового производства профилированного металла. Новый цех полностью автоматизирован.

На снимке: в цехе гнутых профилей.

Фото А. Красовского.

Трижды рожденный

Пульт автоматического управления переключением контактной печи.

М. АНГАРСКАЯ

Главный инженер, взглянув на часы, встал из-за стола и прошел в диспетчерскую. В просторном зале, залитом лучами яркого июньского солнца, не видно людей. Вдоль стен выстроились в ряд длинные шкафы, на их полированных панелях мелькали разноцветные лампы, светились надписи: «реле», «вычислитель», «распределитель», «память». Все это огромное сооружение с молниеносной быстротой производило сложные математические расчеты, над которыми еще недавно трудился многочисленный коллектив.

Тихон Васильевич, взглянув на движение стрелок циферблатов, подошел к пишущей машинке. Словно под умелыми и быстрыми пальцами машинистки-невидимки стучали ее клавиши. На листе бумаги появлялся длинный ряд слов и цифр. Вот щелкнул регистр — и под черными знаками отпечаталась красная строка. Машинка смолкла, и тогда Башкатов вытащил из каретки составленное донесение. Оно с предельной точностью информировало о ходе процесса в различных звеньях гигантского предприятия.

Как человеческий мозг с помощью нервной системы получает различные сведения об окружающей среде, так этот электронный мозг, соединенный проводами-нервами с цехами, знает обо всем, что в них происходит.

Изучая очередную сводку, главный инженер отчетливо чувствовал биение пульса большого и сложного заводского организма. Пульс был ровный, лишь только в цехе выделения дивинила наблюдались незначительные перебои, о них-то механический помощник и сигнализировал красной строкой. Башкатов вызвал по селектору начальника производства Кудрявцева.

Далеким, невозвратным прошлым казались главному инженеру те времена, когда руководители предприятий получали информацию о работе заводов, как правило, в конце месяца, после многодневных подсчетов на арифмометрах. Тогда невозможно было на ходу исправлять недоделки и зачастую приходилось штурмовать в конце месяца, квартала, чтобы наверстать упущенное.

Теперь каждые два часа поступают необходимые и абсолютно точные сведения о деятельности завода в целом. По этим данным можно сразу судить об экономичности процесса и направить его по наиболее выгодному руслу.

Вы спросите: где все это происходит? Сознаемся сразу: мы заглянули вперед, но очень на немного.

Электронный мозг приступит к своим обязанностям на Воронежском заводе синтетического каучука имени С. М. Кирова через два года. Сейчас этот вычислительный могучий автомат сооружается.

На письменном столе Тихона Васильевича Башкатова лежит точный график работ по полной автоматизации завода. Согласно ему, все будет закончено в июне 1961 года. Тот день можно будет смело считать третьим рождением Воронежского завода синтетического каучука.

Впервые его торжественный пуск состоялся 19 октября 1932 года.

В первом отряде комсомольцев, пришедших возводить завод синтетического каучука, был и светловолосый худощавый юноша Тихон Башкатов.

В невиданно короткий срок был построен второй в мире завод синтетического каучука (первый на несколько месяцев раньше вступил в строй в Ярославле). Это была огромная победа для нашей страны. С этого знаменательного времени Советский Союз перестал зависеть от импорта дорогого натурального каучука.

В военные годы Воронежский завод СК был значительно разрушен, но как только город очистили от оккупантов, Башкатов вместе с группой кадровых работников приступает к его восстановлению.

Три года напряженного труда, и, наконец, в сентябре 1947 года завод имени Кирова выдает первую послевоенную партию каучука. Это было его второе рождение.

А теперь главный инженер Т. В. Башкатов руководит новым этапом заводской истории — комплексной автоматизацией всего производственного цикла.

Воронежское предприятие СК готовится стать одним из первых в мире заводов-автоматов по производству синтетического каучука.

Тихон Васильевич ведет меня по заводской «плантации».

Мы заворачиваем по аллее вправо и входим в контактный цех. Здесь в огромных высоких печах происходят сложнейшие химические реакции. Спирт становится дивинилом — продуктом, необходимым для получения каучука. Этому превращению спирта помогает катализатор — вещество, в обязанности которого входит способствовать реакции, но в ней самому не участвовать. Через каждые 12 часов у катализатора появляется усталость, для восстановления сил его надо отправить на отдых — переключить работу печей. Еще совсем недавно аппаратчики вручную отвинчивали и завинчивали 12 тяжелых вентилей. Сейчас почти всю эту трудоемкую работу взяла на свои могучие плечи автоматика. Рабочему надо только вовремя подойти и нажать кнопку, а дальше все пойдет само собой. Четыре печи свободно обслуживает один аппаратчик, а раньше было наоборот: одна печь требовала, чтобы около нее трудилось четыре человека.

Идем по цеху, и заведующий производством Леонид Дмитриевич Кудрявцев говорит:

— Сейчас наша самая насущная задача — автоматический контроль. Все дело в этом. Цеховая аналитическая лаборатория не поспевает за темпами автоматики. Мы не можем несколько часов ждать, пока аналитики сообщат нам сведения о ходе реакции, о качестве и составе рождаемых продуктов. С такой медлительностью пора кончать: она тормозит процесс производства.

Пришло время, когда труд аналитика должен взять на себя автоматический анализатор. Вот сейчас над созданием таких приборов и трудятся воронежцы. Предполагается, что эти «механические лаборанты» будут не только производить молниеносно анализы, но и тут же, в зависимости от качества отбираемых проб, корректировать технологический процесс.

Видали ли вы такую машину, которая бы брала уроки, получала, так сказать, образование? Фантазия? О, нет, самая настоящая действительность. Пройдемте в цех выделения каучука.

Из машины выходит длинная лента готового каучука. Чтобы он получался наивысшего качества и с максимальным выходом, требуется пристальное внимание и сноровка опытнейшего мастера, который может вовремя уловить своим наметанным взглядом и, если хотите, особым чутьем, когда нужно изменить дозировку поступающей кислоты, хлористого кальция, поддержать нужную влажность, увеличить скорость движения ленты.

Но ведь человеческой натуре свойственно ошибаться. Даже у самого квалифицированного работника могут быть отдельные промахи. Глядишь, подвели нервы, рассеялось внимание — и все это тут же сказалось на качестве каучука. Необходим «механический помощник» без человеческих слабостей. Вот тут-то и придет на выручку самообучающаяся машина. Она сначала «понаблюдает» за работой человека, «запомнит», как он корректирует процесс, что предпринимает в тех или иных случаях, и отберет в свое запоминающее устройство самые лучшие приемы, отбросив допущенные ошибки.

После того как курс учебы будет закончен, машина вступит в действие. Получив информацию о ходе процесса, она молниеносно «вспомнит», чему обучал ее человек, что предпринимал в данном случае, и выберет самое правильное решение.

Такая машина намного улучшит качество каучука и снизит его себестоимость. А это значит, что один только завод сможет дать государству 300 миллионов экономии в год. Вот что такое машина, перенявшая лучший опыт человека.

...В глубине заводской территории не так давно выросло новое двухэтажное здание. Здесь находится ОКБА — опытное конструкторское бюро автоматики. Тут и рождается новая техника, о которой мы рассказали.

Товарищ Хрущев на открытии Выставки достижений народного хозяйства говорил о том, что выяснилась возможность за счет резервов производства увеличить задания семилетнего плана по синтетическому каучуку на 130 тысяч тонн, что соответствует строительству одного крупного завода.

Третье рождение химического предприятия имени Кирова будет во многом способствовать решению этой задачи.

В СОВЕТСКИЙ СОЮЗ С ОФИЦИАЛЬНЫМ ВИЗИТОМ прибыл император Эфиопии Хайле Селассие I. На снимке: встреча на Внуковском аэродроме.

Фото А. Гостева.

Глезос, с тобой весь мир!

Как и во всех странах, в Греции есть конституция. В этой конституции, вступившей в силу с 1 января 1952 года, есть целый раздел «О публичных правах греков». Прав этих, если верить основному закону страны, у греков великое множество. Среди них есть и такие: срок предварительного заключения за политические преступления ни в коем случае не может превышать трех месяцев; никто не может быть изъят без его согласия из подсудности суда, предусмотренного для него законом; учреждение особых судов и чрезвычайных трибуналов не допускается ни под каким названием.

Так говорят греческие законы. Но, словно в насмешку над ними, словно издеваясь над традициями страны, где родилось само понятие «демократия», греческие власти по вымышленному обвинению вот уже семь месяцев держат в тюрьме национального героя Манолиса Глезоса. Как сообщают из Афин, в самое ближайшее время его предадут суду военного трибунала, того самого, какого не должно быть, согласно греческой конституции. И вот такому суду хотят предать Манолиса Глезоса. Конечно, это будет не суд, а расправа. Честного, законного суда Глезосу нечего бояться: в первом же заявлении своим защитникам он камня на камне не оставил от предъявленных ему обвинений.

Два года тому назад по приглашению советских журналистов Глезос приезжал в нашу страну. Мне довелось несколько раз встретиться с ним. Прощаясь, он подарил мне маленькую вазочку. Ее выточил из дерева товарищ Глезоса по тюремной камере. На ней раскаленной проволокой выжжен силуэт Акрополя и развевающееся над ним знамя. Ниже дата: 31. V. 1941. В этот день Глезос сорвал с Акрополя фашистское знамя. Его подвиг явился искрой, из которой зажглось пламя греческого сопротивления гитлеровским оккупантам.

Эта вазочка, подарок Глезоса, стоит у меня на письменном столе. И каждый раз, когда я гляжу на нее, передо мной возникает образ несгибаемого борца за свободу и независимость своей родины, против фашизма, за мир.

Таким знают Глезоса миллионы людей. Вот почему из всех стран мира идут в Грецию тысячи писем и телеграмм с требованием освободить национального героя греческого народа.

— Свободу Манолису Глезосу! — требуют советские писатели и цейлонские профсоюзы, Всемирная Федерация демократической молодежи и бывшие узники фашизма. В ряде стран по инициативе общественности возникли комитеты в защиту Манолиса Глезоса. Видные общественные, политические и культурные деятели пятнадцати стран создали в Париже Международный комитет в защиту Манолиса Глезоса.

Вырвать Глезоса из рук палачей — таково требование миллионов людей.

В. ФЕДОРОВ

В защиту брата

Манолис Глезос —
по духу нам брат!
Нам любо, как смело и гордо
С вершины Акрополя
вражий штандарт
Сорвал он и вышвырнул к черту.

Он стал как Геракл и как Прометей!
Но жизнь его — нету суровей:
Он узник.
Знать, в жилах его палачей —
Ни капли греческой крови.

Да как они смеют Свободу судить!
Над кем замышляют расправу!
Убить Глезоса —
значит убить
Честь Родины,
Гордость и Славу!

Игорь **КОБЗЕВ**

Фото А. Сербина.

ВО ИМЯ ЖИЗНИ

Когда-то английское воскресное утро считалось забронированным за господом богом. По традиции, и сейчас с утра закрыты все магазины, только после полудня начинают сеансы кинотеатры. Но в воскресенье 28 июня Лондон был не похож на себя. Непривычно яркое солнце освещало фешенебельную Оксфорд-стрит, по которой с песнями и музыкой шли колонны молодежи. Солнце согревало летним теплом тысячи людей, собравшихся в Гайд-парке под транспарантами «Во имя жизни».

Лондон проснулся. Он вышел на улицы. К полудню, пройдя через разрушенный войной Ист-энд, молодежь присоединилась к тем, кто собрался в Гайд-парке.

Отсюда начался грандиозный марш, на который приехали люди со всех концов Британии. Рабочие, педагоги, ученые, священники, артисты — казалось, представители всех профессий собрались здесь.

Участники движения не принадлежат к какой-нибудь одной партии, большей частью не состоят ни в какой партии. Их объединяет то, что они живут в стране, которая стала «непотопляемым» и, как теперь стали говорить, «беззащитным авианосцем». Этих людей объединяет несогласие с политикой национального самоубийства. «Англия предпочитает жизнь», — так было написано на одном из плакатов.

...Чем ближе к Трафальгарской площади, тем больше народу. Люди на тротуарах снимают шляпы, машет из окошка шофер автобуса, приветствуя участников марша. Множество людей — на ступенях Национальной галереи, у церкви святого Мартина, на углах Стрэнда и Уайтхолла. Тот самый полицейский, который с достоинством шагал впереди демонстрантов от самого Гайд-парка, и еще несколько «бобби» пытались помешать демонстрантам обойти вокруг площади. Но шествие двигалось дальше под бурные аплодисменты собравшихся.

В 3 часа 15 минут видный юрист и общественный деятель Деннис Притт открыл митинг. Но почти два часа еще колонны вливались на площадь. Голуби кружились над статуей Нельсона: им негде было сесть.

Запомнилась речь Дика Бимеша, который от имени ста тысяч уэльских шахтеров заявил: «Мы, шахтеры, знаем, что такое опасность. Мы видим ее каждый день. Но если правительство вздумает пойти по пути войны, мы ответим: без нас!»

Профессор Джон Бернал говорил:

— Когда вы вернетесь в свои города, на свои фабрики и заводы, вы должны делать все, чтобы поток требований поступал в парламент, в парламентские фракции и партии, непосредственно в Женеву.

Предложение послать в Женеву двух делегатов к моменту возобновления переговоров министров иностранных дел было единодушно одобрено.

И вот десятки железных кружек пошли по толпе: нужно было собрать тысячу фунтов для посылки делегации. Много ли это? Тысяча фунтов расходуется в Англии на гонку вооружений всего за одну секунду. Для того, чтобы заработать один фунт, нужно простоять день у станка. С возвышения, на котором я стояла, было видно, как в руках, поднятых над головами, передавали к трибуне одну бумажку за другой. На трибуну бросали монеты; со звоном падали они в кружки сборщиков — фунты, шиллинги, пенсы...

...Вот уже к концу подходят два часа митинга. У микрофона появляется Поль Робсон. На площади — не менее 30 тысяч человек. Все смолкает. Робсон говорит негромко, медленно. Каждое его слово падает в толпу, словно добрые зерна в согретую солнцем землю. Робсон говорит, что горд присутствовать в этой стране на таком грандиозном митинге. Он говорит, что был во многих странах, посетил Советский Союз и Чехословакию и знает: эти страны не хотят войны.

Тридцать тысяч человек ответили Робсону овацией. И когда он запел «Я не хочу больше войны», все пели вместе с ним.

Л. БОРОЗДИНА

Лондон.

Во время митинга на Трафальгарской площади.
Фото И. Верина.

В РАБОЧЕМ ПРЕДМЕСТЬЕ ПАРИЖА — ИВРИ — с 24 по 28 июня проходил XV съезд Французской коммунистической партии, на котором была представлена вся Франция, ее рабочий класс, передовые силы нации.

Съезд обсудил и единогласно одобрил доклад Мориса Тореза «Объединение рабочих и республиканских сил в борьбе за восстановление и обновление демократии», принял Обращение к французскому народу. Съезд продемонстрировал монолитность и стальное единство рядов партии. Он займет заслуженное место в развитии международного коммунистического движения.

На XV съезде братской Французской компартии присутствовала делегация Коммунистической партии Советского Союза в составе члена Президиума, секретаря ЦК КПСС М. А. Суслова (глава делегации), кандидата в члены Президиума ЦК КПСС, первого секретаря ЦК КП Украины Н. В. Подгорного, члена ЦК КПСС Б. Н. Пономарева.

«НЕДЕЛЮ МИРА В ПРИБАЛТИКЕ» отмечали с 27 июня по 5 июля жители Германской Демократической Республики вместе с народами миролюбивых стран Балтийского бассейна.

Две белокрылые чайки — эмблема «недели» — парили над городом Ростоком, куда съехались люди из разных стран, чтобы сказать то, что волнует сейчас их народы: «Превратить Балтийское море в море мира, создать здесь зону, свободную от атомного и ракетного оружия!»

Тысячи жителей Ростока заполнили площадь имени Эрнста Тельмана. С трибуны звучали слова Первого секретаря ЦК СЕПГ Вальтера Ульбрихта, руководителя советской делегации министра морского флота СССР В. Г. Бакаева, депутата финского парламента В. Свинхувуда, говорившего от имени общественности стран Северной Европы.

На снимке: Росток, площадь имени Эрнста Тельмана. На трибуне — Вальтер Ульбрихт.

Фото Центральбильд.

М. А. Суслов, М. Торез и Ж. Дюкло в перерыве между заседаниями съезда.

В БРЮССЕЛЕ СОСТОЯЛИСЬ КОННО-СПОРТИВНЫЕ СОРЕВНОВАНИЯ, где было разыграно четыре международных приза для сильнейших рысаков Европы.

Большого успеха добились лошади Центрального московского ипподрома. Оба главных приза — советско-бельгийской дружбы и имени города Москвы — выиграли рысаки Приятель и Вышка.

Приятель (наездник — А. Зотов) оказался первым в беге на 1 600 метров. Результат — 2 минуты 09,2 секунды. Вышка обогнала всех в беге на 3 600 метров (наездник — В. Ратомский) с итогом 5 минут 03,5 секунды.

Бельгийские рысаки выиграли призы имени города Киева и имени фламандских провинций.

Г. НЕЧИПУРЕНКО

Брюссель (по телефону).

Рысак Вышка на Московском ипподроме.

ГРУППА ГУБЕРНАТОРОВ ШТАТОВ США гостит в Москве. В ее составе: Л. Коллинс (штат Флорида), Дж. Клайд (штат Юта), Дж. Дэвис (штат Северная Дакота), С. Мак-Николс (штат Колорадо), Р. Мейнер (штат Нью-Джерси), У. Стрэттон (штат Иллинойс), С. Андервуд (штат Западная Виргиния), Р. Смайли (штат Айдахо), Л. Ходжес (штат Северная Каролина).

Гости знакомились с системой советского образования, с принципами городского управления нашей столицы, побывали в московских театрах.

О развитии культурных контактов прибывшие беседовали с председателем Государственного комитета по культурным связям с зарубежными странами при Совете Министров СССР Г. А. Жуковым.

На снимке: американские гости на Красной площади.

Фото В. Соболева.

РАДОСТНО ОТПРАЗДНОВАЛИ ДЕНЬ СОВЕТСКОЙ МОЛОДЕЖИ МИЛЛИОНЫ ЮНОШЕЙ И ДЕВУШЕК. Песни, смех звучали в этот день на стадионах, в парках, клубах, дворцах культуры.

На снимке: шествие колонн на Центральном стадионе имени В. И. Ленина.

Фото А. Бочинина.

«Балтик Мэрчент» в Ленинграде

Это был обычный день Ленинградского торгового порта. На причалах стояли суда, могучие стрелы кранов выхватывали из трюмов тонны грузов, юркие автопогрузчики доставляли их в склады, железнодорожные составы подвозили товары, которые должны уйти морем за границу. В 16 часов 30 минут диспетчер зарегистрировал приход очередного иностранного судна. Это был «Балтик Мэрчент» из Лондона, открывший регулярную линию Лондон — Ленинград. Рейсы по этой линии будут поддерживать два судна: советское — теплоход «Грибоедов» и английское — «Балтик Мэрчент».

Англичане привезли около 2 тысяч тонн различного груза: стальные трубы, машины, жидкий каучук и другие товары.

— Торговля — великое дело,— сказал капитан «Балтик Мэрчент» Георг Нокс, сойдя вместе с механиком Томом Донохофом на берег.— Ничто так не укрепляет взаимопонимания между народами, как торговые связи. Я счастлив, что мне первому довелось открыть эту линию.

Спустя три дня «Балтик Мэрчент» покидал Ленинград. В его трюмах лежали цветной металл, спички, солодковый корень, смола и другие товары. В море английское судно встретил теплоход «Грибоедов», шедший из Лондона.

Торговое соглашение между СССР и Великобританией, подписанное в мае этого года в Москве, уже дает свои результаты.

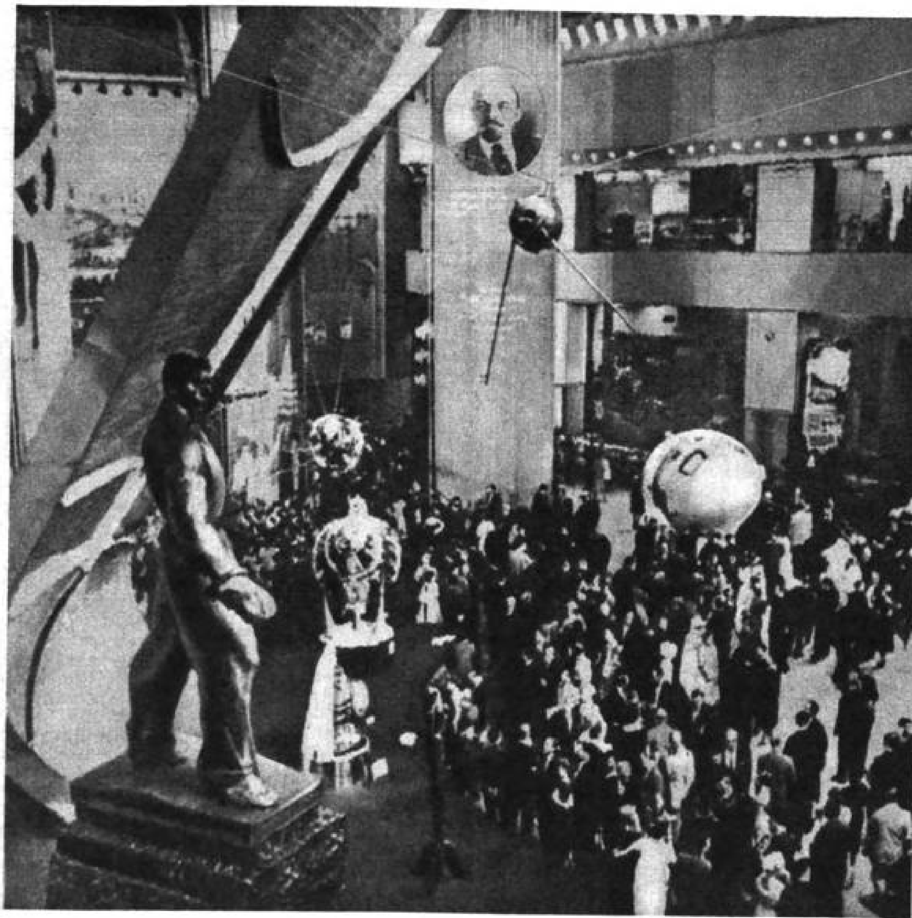
А. БРОДСКИЙ

ОБЛИК СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ЭПОХИ

Вот «герой дня» — «ТУ-114» — перед отлетом в США на Внуковском аэродроме.

СОВЕТСКАЯ ВЫСТАВКА В НЬЮ-ЙОРКЕ

В центральном зале выставки.

Фото специального корреспондента ТАСС В. Егорова.

Снимки приняты по фототелеграфу.

Президент Д. Эйзенхауэр и Ф. Р. Козлов после осмотра выставки.

Фотографии «Колизея» — крупнейшего выставочного зала в Нью-Йорке,— где размещена советская выставка, давно мелькали в американской печати. И американские журналисты уже заранее, видимо, готовили сообщения о том, что должно, по их мнению, произвести на посетителей наиболее сильное впечатление.

Но вот зачеркнуты первые абзацы подготовленных статей, брошены в редакционные корзины все предусмотренные сенсации.

Стрелокрылый гигант «ТУ-114», стремительным росчерком перечертивший континенты, не только заставил американскую печать изменить первые страницы рассказа о выставке, он открыл новую страницу в животворной книге «узнавания народами друг друга».

И газеты наперебой говорили о самолете, доставившем на открытие выставки первого заместителя Председателя Совета Министров СССР Ф. Р. Козлова: «Беспрецедентный перелет!», «Москва — Нью-Йорк за 11 часов 6 минут!», «Самый крупный самолет, когда-либо приземлившийся в Соединенных Штатах!».

Советская выставка перешагнула порог «Колизея» и началась прямо на поле аэропорта Айдлуайлд. И отсюда, с аэродрома, покатилась по Соединенным Штатам волна восхищения и интереса к творениям наших рук.

«Смотрите, чем занят наш народ,— говорила выставка.— Вот наши спутники Земли, они встречают вас в первом же зале. Вот легендарная ракета «Мечта», она уносила в космос первого астронавта, нашу Лайку. Вот атомный ледокол «Ленин», его крепкое тело раздвинет торосы, чтобы открыть миру тайны ледового молчания. Вот макеты нашего стадиона в Лужниках и строительства московского Юго-Запада. Вот наша скульптура и живопись, она воспевает человека и радость его существования». Но выставка говорила еще и другое: «Мы открываем перед вами не только эти павильоны, мы открываем наши сердца — загляните в них, там нет места ненависти к другим народам».

Именно этому, миру и дружбе, посвятил свою речь открывавший выставку Ф. Р. Козлов. Более 1 200 приглашенных слушали советского гостя и вице-президента США Ричарда Никсона. Триста репортеров передали миру их слова и свои впечатления об увиденном.

Корреспондент агентства Ассошиэйтед пресс А. Эверетт написал лаконично и выразительно: это выставка «красоты, вкуса, уверенности и гордости». Питер Кисс в «Нью-Йорк таймс» подчеркивал слова Ф. Р. Козлова: выставка показывает, что Советский Союз настолько поглощен делом мирного развития, что не может иметь никаких дурных намерений в отношении других стран.

Простые американцы предпочитали в эти дни прислушиваться не к мрачным вещаниям служителей «холодной войны», а к новостям, сулящим мир и спокойствие их домам. Такой добрый знак видели они и в том, что выставку до ее официального открытия посетил президент США Д. Эйзенхауэр, специально прибывший из Вашингтона.

Из уст в уста передавали американцы рассказы о том, что президент заявил Ф. Р. Козлову: «Я уверен, что советская выставка будет иметь большой успех»,— что президент интересовался нашими работами в области мирного применения атомной энергии, нашим жилищным строительством и особенно культурными достижениями.

Американцы — давние монополисты автомобилестроения. Поэтому здесь не могли не вызвать сенсации дружеские слова господина Эйзенхауэра, сказанные о нашем «Москвиче»: «Когда я уйду со своего поста, я приобрету такую машину». И уж, конечно, почитатели абстракционизма немало пошумели, узнав о том, что президент, сам любитель-художник, рассматривая нашу реалистическую живопись, говорил, что, по его мнению, советские художники проявляют смелость в искусстве и силу в изобразительных средствах.

Сегодня Америка всматривается в черты нашего советского мира. Она видит на выставочных стендах облик нашей социалистической эпохи. Он вобрал в себя стремительность полетов наших спутников и самолетов, свободу кисти наших художников, уверенный ритм нашей жизни.

«8 000 квалифицированных рабочих лишены работы» — гласит надпись на плакате, который несут безработные автомобилестроители США.

Филипп БОНОСКИ,
американский писатель

Нищета в США

«Обнищание в Соединенных Штатах кануло в прошлое» — таков излюбленный мотив некоторых американских экономистов, шумно рекламирующих так называемый «народный капитализм», якобы существующий в моей стране. Один из них, Джон Кеннет Голбрайт, написал книгу под претенциозным названием «Процветающее общество», в которой признает для Америки наших дней только два вида «еще оставшегося» обнищания: первый — «случайная нищета», второй — нищета «локализованная». Случайная нищета, вещает Голбрайт, обусловлена индивидуальными особенностями: умственной недостаточностью, слабым здоровьем, многодетностью. Локализованная же нищета — это некие «очаги бедности», районы, где «все или почти все» бедны («почти все», видимо, должно означать: кроме небольшого числа миллионеров, обитающих в том же районе).

Если вы бедны, рассуждает далее Голбрайт, повторяя казуистику богачей всех времен и народов, то виноваты в этом вы сами. Либо же вам просто не повезло. Быть может, вы недостаточно сообразительны, больны, обременены семьей. Или же вы оказались в таком месте, где промышленность замерла и все вокруг подверглось запустению. В любом случае вы не типическое явление и никоим образом не нарушаете представления о «процветающем обществе».

Что можно ответить на подобные «исследования», в которых природное ханжество перемешано с рассчитанной фальсификацией? Лучше всего обратиться к реальным примерам, взятым из жизни. Они красноречивее, чем мои собственные высказывания, покажут, сколь велико и реально бедствие обнищания в Соединенных Штатах и насколько извращают истину те, кто считает нищету у нас «социальной случайностью».

Статистика суха, это бесспорно. Но данные ее, даже если они «причесываются» официальными учреждениями, говорят о многом. Перепись 1958 года показала, что свыше одной трети американских семей имело годовой доход менее чем в 3 тысячи долларов. Между тем министерство труда Соединенных Штатов утверждает, что семье из четырех человек для поддержания «приличного жизненного уровня» требуется 4 300 долларов в год. Не будем вдаваться в официальное понятие «приличного уровня»: известное Бюро рабочих бюджетов Геллера утверждает, что прожиточный минимум для такой семьи составляет 6 086 долларов. Но факт остается фактом: одна треть всего населения Америки не в состоянии достичь даже официального уровня. Так реальность обнищания встает из тумана рассуждений о «сплошном процветании».

Здесь требуется некоторая оговорка. Печать, радио, официальные органы годами внушают американцу, что национальное бедствие начинается только тогда, когда оно затронет белых американцев, родившихся в Америке, и притом представителей среднего класса.

Но вот когда американец, англосакс, принадлежащий к среднему классу, обнаруживает, что он лишился работы, автомобиля, дома (как это случилось с миллионами таких людей в 1929—1934 годах), тогда скрепя сердце начинают говорить о национальном бедствии.

Вся тяжесть беспросветной жизни лежит на плечах рабочих-негров. Большинство неквалифицированных и полуквалифицированных рабочих Соединенных Штатов — негры. Их последними берут на работу и первыми увольняют. Они живут в худших жилищных условиях, но платят более высокую квартирную плату. Продолжительность жизни рабочего-негра в среднем на 4 года меньше белого. Их средний годовой доход в 2 раза ниже. Негритянки составляют подавляющее большинство домашней прислуги и получают за свой труд чрезвычайно низкую плату. Меньше всего платят пуэрториканцам (а их только в Нью-Йорке 600 тысяч). Они живут в перенаселенных трущобах, платят непомерную квартирную плату; среди них свирепствуют болезни, наркомания. Нищета здесь неописуемая.

Но как обстоит дело с основной массой американцев, живущих на заработную плату? Канул ли для них в прошлое призрак обнищания? Какова картина сегодня, в дни, когда печать возвещает конец спада и наступление новой эры процветания?

Обратимся к источнику, который едва ли кто-нибудь может заподозрить в склонности к зловредной пропаганде.

С 25 по 27 февраля этого года в сенате Соединенных Штатов обсуждался «законопроект о восстановлении». Цель законопроекта была сформулирована так: «Установить эффективную программу, в какой-то мере облегчающую условия постоянной безработицы и частичной занятости в отдельных районах, находящихся в состоянии экономической депрессии».

Одним из первых выступил губернатор промышленного штата Пенсильвания Д. Лоуренс:

«Несмотря на то, что мы занимаем третье место по населению и второе по промышленному производству и добыче угля, в настоящее время более одной десятой части всех рабочих лишено работы. В некоторых районах безработица охватила почти четверть шахтеров... Существуют сотни и сотни семей, где шахтер, глава семьи, не может получить работу. В результате жена поступает на текстильную фабрику, в ателье и т. д. Мужчина остается дома. Кандидат одного из избирательных округов северо-восточной Пенсильвании даже выдвинул предвыборный лозунг: «Извлечем мужчин из кухни!».

В штате Пенсильвания, как заявил губернатор Лоуренс, безработных насчитывается 508 тысяч человек.

Мистер Майкл Шонджейнз, руководитель профсоюза рабочих текстильной промышленности в штате Мэйн, сказал:

«Средний часовой заработок промышленного рабочего в нашем штате составляет 1,67 доллара, для всей Америки он равен 2,17 доллара, а для рабочего текстильной промышленности — всего 1,41 доллара.

Вот снимки,— заявил сенаторам Майкл Шонджейнз,— показывающие, что произошло, когда наш союз закупил цыплят на две тысячи долларов, чтобы раздать их рабочим накануне Дня благодарения. Вы видите очереди, которые выстроились с 7 утра, несмотря на двадцатиградусный мороз, хотя распределение должно было начаться в одиннадцать часов. А вот еще одна фотография. На ней изображено шестеро детей, которые готовят уроки при свете керосиновой лампы, так как семья не может заплатить за электричество. И это в великих Соединенных Штатах Америки, которыми все мы гордимся!»

Выступая в тот же день, сенатор Роберт Бэрд из Западной Виргинии заявил:

«Говорят, что преступники обходятся нашей стране в двадцать миллиардов долларов в год. Меня попросили навестить семью одного из моих избирателей во время рождества. Жена главы семьи сказала, что ее муж был недавно арестован и заключен в тюрьму вместе с шестнадцатилетним сыном за кражу со взломом. Многие месяцы отец был без работы. Семья голодала. Я не оправдываю этого человека, но до преступления его довело отчаяние. Он проник в бакалейную лавку, заставив своего сына пойти с ним, чтобы помочь перенести продукты из лавки домой».

Сенатор Бэрд сказал далее в своей речи:

«Я глубоко сожалею, но с чувством горечи вынужден сообщить вам, что ежедневно получаю письма, говорящие о страданиях людей. Мне пишут врачи из больниц о том, что больные часто умирают в приемных от голода. Мне пишут, что у детей нет пищи, нет одежды...»

Но, может быть, все это лишь «случайные», преходящие явления? Сенатор Джон С. Купер из штата Кентукки думает иначе:

«Утверждают, что безработица и нищета в некоторых районах — временное явление и что естественный процесс экономического возрождения со временем исправит положение. По-моему, это неверно. То, что большое количество районов «излишней рабочей силы» числится в списке с 1953 года, то есть с тех пор, когда министерство труда ввело эту классификацию, показывает, что положение это отнюдь не временное.

За последние три — четыре месяца я несколько раз побывал в

разных округах штата Кентукки. Совершенно очевидно, что в большей части этих округов положение хуже, чем в годы большой депрессии. Тысячи и тысячи людей не имеют работы, существуют только на пособие. В эти районы присылают одежду и пищу из других штатов и даже из-за границы».

В этих несельскохозяйственных районах, главным образом шахтерских и текстильных, доход на душу населения чрезвычайно низок и уже в течение многих лет не достигает среднего национального и не поднимается выше тысячи долларов в год. Когда шахты или текстильные фабрики закрываются, рабочие или уезжают из города, или пытаются найти другую работу, или существуют на жалкий случайный заработок, что приводит к истощению и общему ухудшению здоровья. На этих людей не обращают внимания.

Член конгресса от штата Пенсильвания Даниел Дж. Флад заявил в сенате:

«Я хочу отметить, что в моем округе 25 тысяч человек не имеют работы. Это из 300 тысяч жителей! Может быть, трудно поверить, но 32 тысячи взрослых существуют только на продукты, выдаваемые в качестве пособия...»

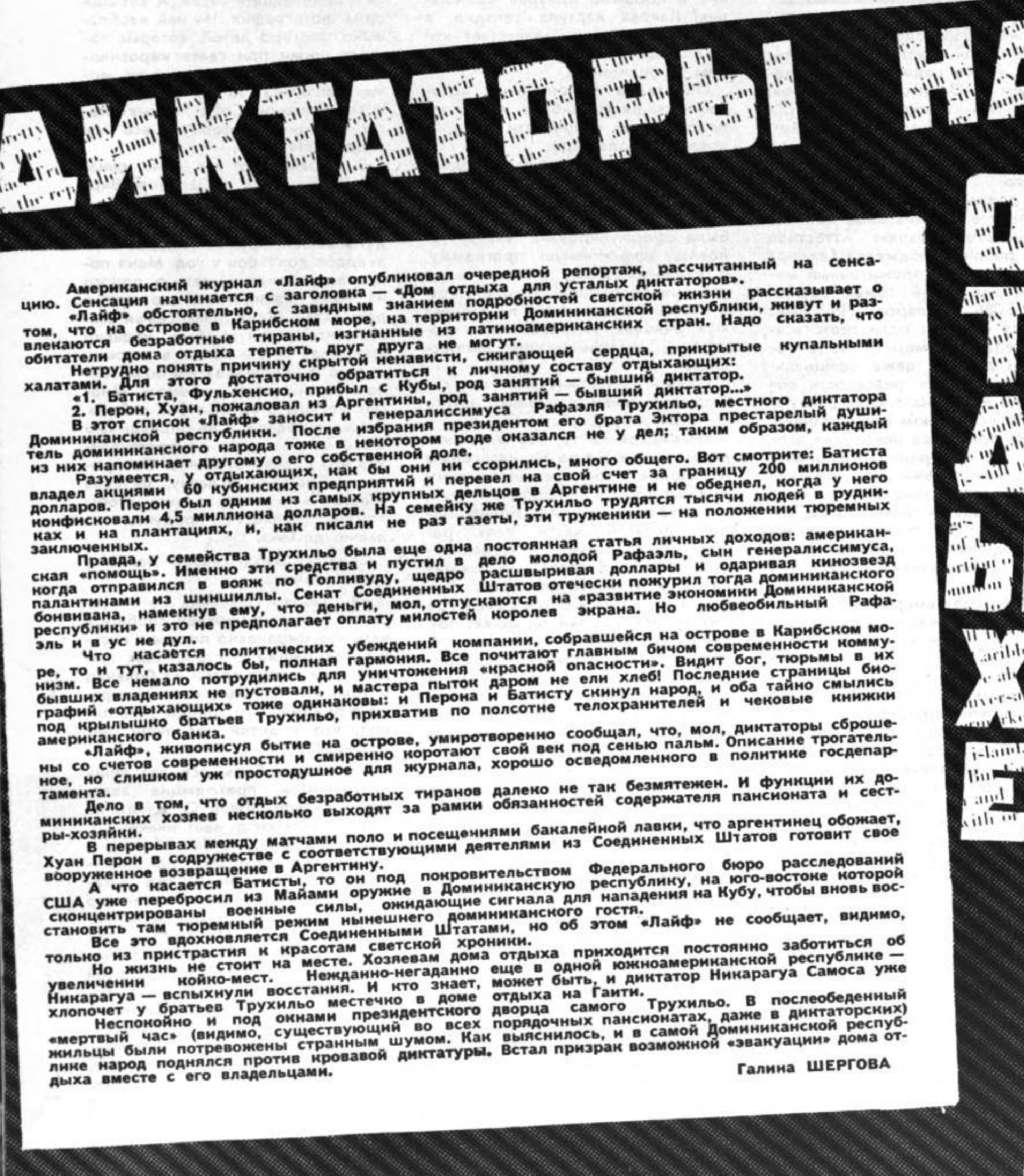
Может быть, стоит привести еще свидетельство одного сенатора, завоевавшего печальную известность в качестве председателя подкомитета по расследованию антиамериканской деятельности. Это член конгресса Фрэнсис Э. Уолтер. Вот его мнение:

«С чувством горечи я вынужден признать, что некоторые районы моего избирательного округа удерживают рекорд, который не был побит ни в одном округе Америки: у нас 15,8 процента безработных в той части угольного округа, в который входят Лансфорд, Саммит-Хилл, Джим Торп и район Мауч Чанк Таунжип. А в районах, включающих Мингтон, Несквечонинг и Палмертон, процент повышается до двадцати... Поэтому Пенсильвания вообще и мой избирательный округ в частности не могут удовлетвориться ни оптимистическими заверениями об «окончании спада», ни любыми другими полумерами. Мы должны быть включены в долгосрочную программу, предусмотренную для районов, находящихся в состоянии депрессии, для того, чтобы наши жители могли жить там, где поселились их предки, чтобы перед ними не стоял страшный призрак голодной смерти или необходимость собрать свой скарб и переехать в другое место...»

Таковы свидетельства, исходящие непосредственно из сената США, зафиксированные в официальных протоколах конгресса. Но фактами, подобными приведенным выше, полны и страницы печати. Они доказывают воочию, что обнищание захватило огромные районы Соединенных Штатов, включая такие индустриальные штаты, как Пенсильвания, Огайо и Мичиган, сельскохозяйственные — Оклахому, Алабаму и многие другие.

Треть населения Америки еле сводит концы с концами. А большая часть, составляющая вторую треть, живет только на недельный заработок и на то немногое, что удалось отложить.

Утверждение, что в Америке нет нищеты,— чистейшая ложь. Нищета существует, она растет. Неуверенность в завтрашнем дне, как чума, поражает массы американцев, и прежде всего тех, у кого есть лишь один товар — мускулы собственных рук.

ДИКТАТОРЫ НА ОТДЫХЕ

Американский журнал «Лайф» опубликовал очередной репортаж, рассчитанный на сенсацию. Сенсация начинается с заголовка — «Дом отдыха для усталых диктаторов».

«Лайф» обстоятельно, с завидным знанием подробностей светской жизни рассказывает о том, что на острове в Карибском море, на территории Доминиканской республики, живут и развлекаются безработные тираны, изгнанные из латиноамериканских стран. Надо сказать, что обитатели дома отдыха терпеть друг друга не могут.

Нетрудно понять причину скрытой ненависти, сжигающей сердца, прикрытые купальными халатами. Для этого достаточно обратиться к личному составу отдыхающих:

«1. Батиста, Фульхенсио, прибыл с Кубы, род занятий — бывший диктатор.

2. Перон, Хуан, пожаловал из Аргентины, род занятий — бывший диктатор...»

В этот список «Лайф» заносит и генералиссимуса Рафаэля Трухильо, местного диктатора Доминиканской республики. После избрания президентом его брата Эктора престарелый душитель доминиканского народа тоже в некотором роде оказался не у дел; таким образом, каждый из них напоминает другому о его собственной доле.

Разумеется, у отдыхающих, как бы они ни ссорились, много общего. Вот смотрите: Батиста владел акциями 60 кубинских предприятий и перевел на свой счет за границу 200 миллионов долларов. Перон был одним из самых крупных дельцов в Аргентине и не обеднел, когда у него конфисковали 4,5 миллиона долларов. На семейку же Трухильо трудятся тысячи людей в рудниках и на плантациях, и, как писали не раз газеты, эти труженики — на положении тюремных заключенных.

Правда, у семейства Трухильо была еще одна постоянная статья личных доходов: американская «помощь». Именно эти средства и пустил в дело молодой Рафаэль, сын генералиссимуса, когда отправился в вояж по Голливуду, щедро расшвыривая доллары и одаривая кинозвезд палантинами из шиншиллы. Сенат Соединенных Штатов отечески пожурил тогда доминиканского бонвивана, намекнув ему, что деньги, мол, отпускаются на «развитие экономики Доминиканской республики» и это не предполагает оплату милостей королев экрана. Но любвеобильный Рафаэль и в ус не дул.

Что касается политических убеждений компании, собравшейся на острове в Карибском море, то и тут, казалось бы, полная гармония. Все почитают главным бичом современности коммунизм. Все немало потрудились для уничтожения «красной опасности». Видит бог, тюрьмы в их бывших владениях не пустовали, и мастера пыток даром не ели хлеб! Последние страницы биографий «отдыхающих» тоже одинаковы: и Перона и Батисту скинул народ, и оба тайно смылись под крылышко братьев Трухильо, прихватив по полсотне телохранителей и чековые книжки американского банка.

«Лайф», живописуя бытие на острове, умиротворенно сообщал, что, мол, диктаторы сброшены со счетов современности и смиренно коротают свой век под сенью пальм. Описание трогательное, но слишком уж простодушное для журнала, хорошо осведомленного в политике госдепартамента.

Дело в том, что отдых безработных тиранов далеко не так безмятежен. И функции их доминиканских хозяев несколько выходят за рамки обязанностей содержателя пансионата и сестры-хозяйки.

В перерывах между матчами поло и посещениями бакалейной лавки, что аргентинец обожает, Хуан Перон в содружестве с соответствующими деятелями из Соединенных Штатов готовит свое вооруженное возвращение в Аргентину.

А что касается Батисты, то он под покровительством Федерального бюро расследований США уже перебросил из Майами оружие в Доминиканскую республику, на юго-востоке которой сконцентрированы военные силы, ожидающие сигнала для нападения на Кубу, чтобы вновь восстановить там тюремный режим нынешнего доминиканского гостя.

Все это вдохновляется Соединенными Штатами, но об этом «Лайф» не сообщает, видимо, только из пристрастия к красотам светской хроники.

Но жизнь не стоит на месте. Хозяевам дома отдыха приходится постоянно заботиться об увеличении койко-мест. Нежданно-негаданно еще в одной южноамериканской республике — Никарагуа — вспыхнули восстания. И кто знает, может быть, и диктатор Никарагуа Самоса уже хлопочет у братьев Трухильо местечко в доме отдыха на Гаити.

Неспокойно и под окнами президентского дворца самого Трухильо. В послеобеденный «мертвый час» (видимо, существующий во всех порядочных пансионатах, даже в диктаторских) жильцы были потревожены странным шумом. Как выяснилось, и в самой Доминиканской республике народ поднялся против кровавой диктатуры. Встал призрак возможной «эвакуации» дома отдыха вместе с его владельцами.

Галина ШЕРГОВА

ЖИВОПИСНЫЕ ПОЭМЫ

В начале нынешнего века в картины лучших живописцев словно ворвалось солнце. Живопись засверкала, стала яркой, сочной. Спокойный, переливчатый, как перламутр, свет и прозрачный воздух пейзажей Саврасова, Левитана и Поленова сменился в картинах молодых тогда художников Архипова, Грабаря, Жуковского, К. Коровина, Серова, Юона потоками солнечных лучей. Их творчество определило новый этап в истории русской живописи. Тесно связанные с заветами предшествующих мастеров, они обогатили отечественную реалистическую живопись. И нашим современным художникам решение многих живописных задач подсказано их произведениями.

В числе живописцев, которые входили в творческое объединение «Союз русских художников», заслуженное положение занимали П. И. Петровичев и Л. В. Туржанский. Недавно Академия художеств СССР устроила большую выставку их произведений.

Время, отделяющее нас от творчества Петровичева и Туржанского, не уменьшило ни интереса зрителей к произведениям этих живописцев, ни их значения в истории русского искусства.

Петр Иванович Петровичев и Леонид Викторович Туржанский учились в Московском училище живописи — первый у И. И. Левитана, а второй у А. С. Степанова, Константина Коровина и В. А. Серова.

Оба художника получили от своих блестящих учителей поразительное умение без нарочитой декоративности, правдиво отобразить то, что воспринимал их глаз и чувствовало сердце.

Они видели красоту, волнующее очарование и поэзию в самых обыденных, на первый взгляд неприметных явлениях окружающей действительности.

П. И. Петровичев с глубокой искренностью запечатлел поэтические образы природы средней полосы России, архитектурные ансамбли старорусских городов, интерьеры подмосковных музеев, цветы.

Л. В. Туржанского привлекали туманные утра и тихие вечера северной уральской природы.

Художники не создавали своих картин по законам классической композиции; они с вниманием писали то, что видели, часто ограничивая свою работу этюдами. Но их этюды передают бросившийся в глаза и пленивший художника тот или иной кусочек жизни. И даже в них художники стремятся найти образное истолкование природы. Поэтому этюды Петровичева и Туржанского смотрятся как целостное картинное изображение.

Произведения художников, обладающих прекрасным чувством колорита, которого они достигают в известной мере «ограниченностью» своей палитры, строгим отбором красок, покоряют зрителя, как величавые живописные поэмы.

В. ЛОБАНОВ

П. И. Петровичев (1874—1947). ВИД НА МОСКВУ ИЗ НЕСКУЧНОГО САДА.

П. И. Петровичев. БЕРЕЗКИ.

Челябинская картинная галерея.

КУСКОВО. ГОЛУБОЙ ЗАЛ В БЫВШЕМ ШЕРЕМЕТЕВСКОМ ДВОРЦЕ. 1915 ГОД.

ОГУРЕЧНЫЙ АГРОНОМ

Рассказ

Сергей НИКИТИН

Рисунок П. КАРАЧЕНЦОВА.

1

Года два назад фельдшер-акушер Сорокин вошел к врачу Климу Абрамовичу, которого в селе звали Килограммычем, и тот, по своей близорукости не заметив смятенного вида гостя, встретил его радушными словами:

— А-а-а, милости просим! У меня, голубчик, такие рыжички есть, с пуговицу! Ну прямо подлецы, а не рыжички!

— Какие тут рыжички, Килограммыч! — страдальчески морщась, сказал Сорокин.— Жена у меня помирает. Сам ничего не могу, ничего не понимаю, совсем потерялся.

Пользуясь добротой и застенчивостью Килограммыча, его часто вызывали на дом по всякому пустячному поводу, но он каждый раз, спеша к больному, волновался до дрожи в руках, и на лице его было выражение ужаса, сомнения, негодования, словно он не мог примириться с мыслью о том, что у представителя рода человеческого смеет что-нибудь болеть. И на этот раз он выронил из дрогнувших рук очки, схватил чемоданишко и без шапки побежал за Сорокиным.

Лишь перед дверью больной ему, как обычно, удалось справиться со своим волнением, и к ее кровати он подошел с таким видом, который как бы говорил: «Э, да тут нет ничего серьезного! Я тебя, голубушка, быстро на ноги поставлю».

Но ободрительный прием Килограммыча пропал впустую. Жена Сорокина была совсем плоха, и даже в том, что ее немедленно отправили на машине в областную больницу, не было, по сути дела, никакого смысла.

Отчего она занемогла? Сорокин думал об этом по пути из города в скрипучем, промерзшем автобусе, а через несколько дней, обсуждая тот же вопрос с Килограммычем, сказал:

— От жадности.

И потом, не желая никак объяснить свои странные слова, долго глядел в окно на толстую мартовскую сосульку, истекавшую прозрачными слезами.

2

Вместе с женой избу фельдшера покинул привычный запах парного молока, печеного хлеба, анисовых яблок, и сразу появилось много лишних вещей, которым фельдшер не мог найти применения, и дел, которые при жене, казалось, делались сами собой. Да и вся его жизнь, на взгляд односельчан, пошла как-то набекрень. Он почти безвозмездно, за литр молока в день, отдал свою корову на колхозную ферму, перерезал всех кур, продал овец, а на вырученные деньги купил радиоприемник, и в пыльной, запахшей мышами избе его стала играть тихая, красивая музыка.

— Напрасно ты, Матвей Ильич, хозяйство рушишь,— пенял ему в дружеской беседе Килограммыч.— А надо тебе, голубчик, погодя приличное время опять жениться, потому что без женщины любой дом — сарай, да и сам запсеешь.

— А я и женюсь, не спеши,— спокойно возразил ему на это фельдшер.— Ведь я не парень с гармонью. В пятьдесят-то не скоро женишься. Ну, а хозяйство — им я сейчас заниматься не могу. Я двадцать семь лет с женой каждый день только о хозяйстве и говорил, обрыдло оно мне сверх всякой меры.

С тех пор прошло два года. Сорокин не «запсел», как предрекал ему Килограммыч, а, наоборот, приосанился, подстриг усы, купил соломенную шляпу и стал ходить на вызовы пешком, говоря, что это полезно для здоровья.

Как-то шел он из дальней деревни от роженицы, прилег под стогом и нечаянно заснул, сморенный жарой и усталостью. Когда солнце, обойдя вокруг стога, осветило и припекло спящего фельдшера, он заметался, тихо вскрикнул и сел, озираясь по сторонам.

Звенящая сушь стояла над лугами. Воздух плавился, плыл, и казалось, что земля источает какое-то мглистое испарение, заволакивая горизонт сиреневой дымкой.

«Жара, жара...— думал фельдшер, нащупывая рукой свою шляпу.— А что же мне снилось такое? Ах, боже ты мой, хорошее что-то и странное, а припомнить не могу».

Он отыскал наконец в сене шляпу и поднялся на ноги.

«Что же мне все-таки снилось?» — напрягал он свою память, шагая по дороге и рассеянно следя за полетом ястреба в белесом небе.

Сон, оставивший по себе какое-то странное, томящее ощущение не до конца испитого блаженства, словно таял, растворялся в текущем по горизонту воздухе, но чем туманней и расплывчивей становился он, тем сильней хотелось фельдшеру вспомнить его.

Когда дорога круто ушла в сыроватую, погребную прохладу оврага, фельдшер почувствовал, что хочет пить. Он свернул на пружинистую овражную тропу, прошел, распугивая желтеньких лягушат, к ручью и, увидав воду, вспомнил, что пить ему хотелось еще во сне.

«Да, да, хотелось пить...» — соображал он, морща лоб, и вдруг облегченно, радостно вздохнул, сразу припомнив весь сон.

3

Снилось Сорокину, что шел он какими-то деревнями с серыми избами, с ивовыми плетнями, от которых тянуло жаркой, сухой горечью, шел по растрескавшейся земле без травы и все искал, где бы утолить мучительную, до боли иссушившую рот жажду. Потом он очутился в просторных сенях какого-то дома, и высокая девушка в длинной, по самые икры юбке вынесла ему арбуз. «Постой, не ешь,— сказала появившаяся откуда-то старуха.— Ведь мы староверы». И тогда девушка стала сыпать ему на голову из большой деревянной плошки пшеницу. «А теперь сядь за стол, скрести ноги и ешь»,— опять сказала старуха. И он жадно ел холодный арбуз кусок за куском, пока девушка вдруг не обвила его шею руками и не стала долго-долго целовать в губы прохладными и твердыми губами. И была это уже не просто девушка, а агроном Людмила Петровна... Та самая Людмила Петровна, которую звали огуречным агрономом, потому что в колхозе был еще один агроном — полевод.

«Ерунда, ерунда,— думал теперь фельдшер.— Какие-то староверы, пшеница... И все это от проклятой жары, оттого, что надышался сеном...»

Он давно уже решил жениться на Людмиле Петровне, но полагал, что эта женитьба произойдет без всяких душевных смут, по доброму и разумному согласию, и теперь был немножко обескуражен тем, что ему могло причудиться такое: ведь давным-давно минуло время, когда, по его собственному выражению, он «ржал весной на сирень и хныкал осенью над опавшими листочками».

«А в стога, должно быть, того... понагребли багульника из болота, неряхи. Надышался. Ишь, какие туманы-то плавают в голове!» — думал фельдшер.

И, словно пытаясь смыть глупую, смущенную улыбку, усердно мочил лицо и голову ручьевой водой.

4

Он и дальше шел все с теми же «туманами в голове».

Полуденное оцепенение разлилось над лугами; с далекого гречишного поля вялый ветерок доносил запах меда; ястреб, кося крылом, еще кружил в вышине; звенели в траве кузнечики; и фельдшер, непонятным образом взволнованный всем этим, в сущности, таким обыденным для него и привычным, продолжал смущенно улыбаться.

Вскоре он дошел до закрайка поля. Здесь росла кучка высоких тонких берез, гнувшихся под тяжестью своей листвы; в тени их, поближе к грече, стояли ульи колхозной пасеки. Навстречу Сорокину из шалаша вышел сторож — длинный, худой старик по прозвищу Тулуп Берданкин,— закивал, заулыбался, попросил закурить.

— Скучаешь, Тулупушка? — ласково сказал фельдшер, сворачивая с дороги.— Ведь ты не куришь.

— Ну, ин так посиди, Матвей Ильич, поговорим с тобой, как два хороших человека.

После такого вступления сторож обычно замолкал и уже прочно молчал до ухода собеседника.

Фельдшер пожевал сотового меда, запил теплой водой из бутылки и растянулся на траве. Верхушки берез медленно кружились у него в глазах.

— Тулупушка! — позвал он.

— Ай!

— Женюсь я. Понимаешь, какое дело.

— И то пора, Матвей Ильич. Кого сватаешь-то? Не потаи.

— Людмилу Петровну, агронома. Знаешь?

— Как не знать! На что ж тебе хромая баба-то? — простодушно изумился сторож.

— А что мне, призы на ней брать, что ли,— усмехнулся Сорокин.

Он закрыл глаза и вспомнил, как лет десять назад впервые увидел Людмилу Петровну на станции. Ничто не может нагнать на человека тоску с бóльшим успехом, чем вид маленьких вокзалов, выкрашенных в какой-то глиняный цвет, с их оцинкованными баками для питья, старыми плакатами ко Дню железнодорожника, с окошечками кассы, заделанными решеткой тюремной надежности. И лицо Людмилы Петровны — большеглазое, бледное лицо — выражало именно эту тоску, сиротскую заброшенность, когда она сидела посреди грязного зальчика на своем чемодане. Потом в машине, куда набились председатель, фельдшер, его жена, корреспондент из районной газеты, Сорокин все глядел на нее и думал: «Ну, в чем, в чем будет здесь твое счастье? Хиленькая ты, некрасивая, одинокая...»

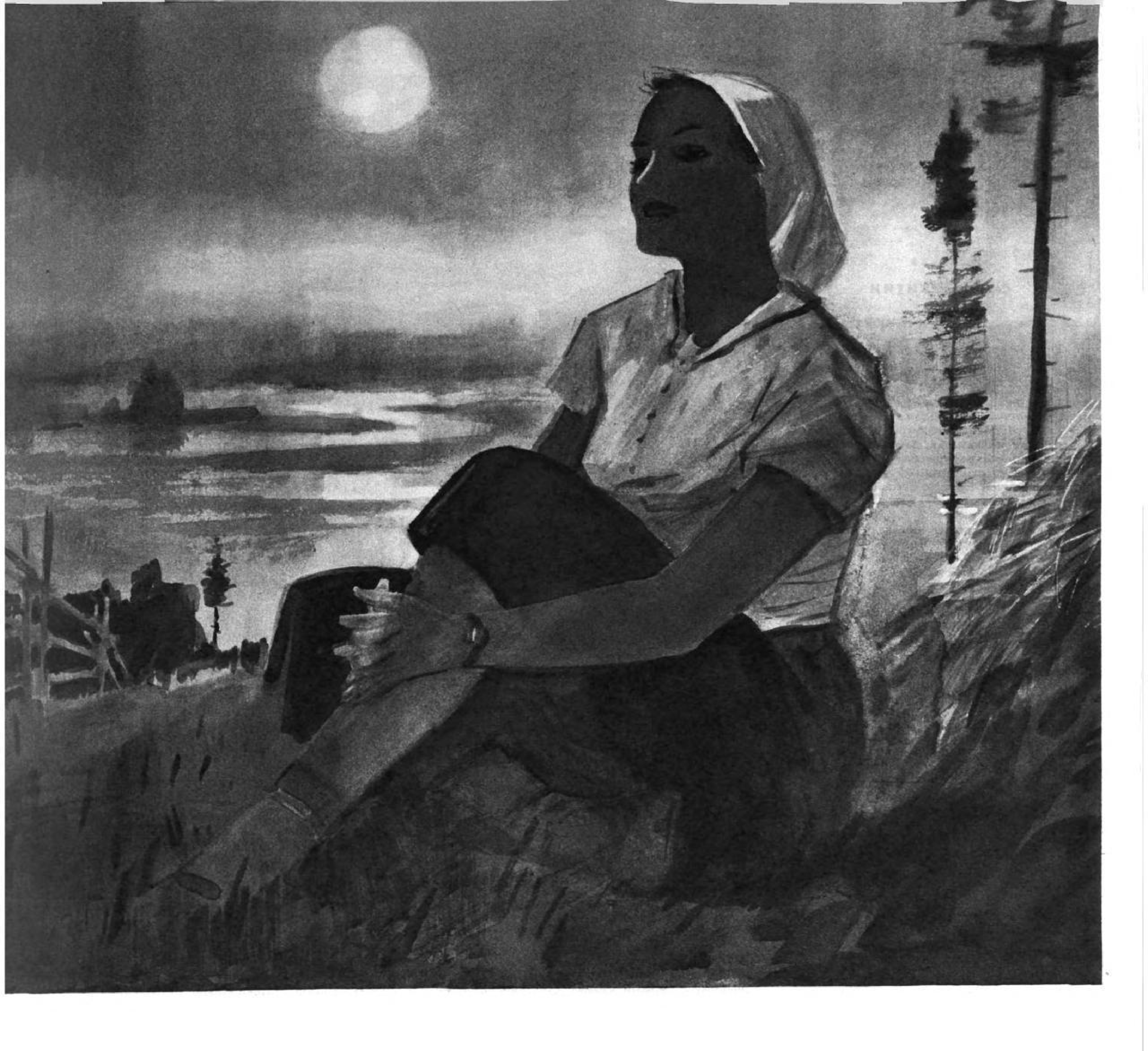
А его жена со свойственной этой бабище нетактичностью спросила:

— Ногу-то тебе где покалечило?

И Людмила Петровна, заставив фельдшера еще больше пожалеть ее, тихо ответила:

— При бомбежке, в детстве.

Но к концу пути она освоилась, стала смело

зыркать на всех своими глазищами и все расспрашивала председателя о колхозе, о парниках, о библиотеке и даже спросила, есть ли в клубе рояль.

«На черта ей рояль?» — думал фельдшер, с любопытством вглядываясь в ее прозрачное, маленькое, как у белки, лицо. Потом он узнал, что она отлично играет на этом инструменте. Рояля в клубе не было, но он был в школе, и Людмила Петровна часто играла там по вечерам, когда кончались занятия. Ее слушали и дети, и учителя, и уборщицы. Приходил слушать и фельдшер. А потом долго не мог уснуть, слонялся в лунную ночь туда-сюда под окнами своей избы и скрипел на морозе валенками.

Людмила Петровна легко и быстро прижилась в селе; председатель выделил ей с конного двора лошадь, которую она назвала Сиренью, и целыми днями тряслась в легкой плетушке по огуречным полям, протяжно покрикивая:

— О-о-о! О-о-о! Сирень!

И казалось, что она живет здесь давным-давно, всех знает и ее тоже знают все, от мала до велика.

Как-то в серенький, влажный денек нынешнего лéта Людмила Петровна догнала Сорокина на дороге и посадила к себе в плетушку. Она была в косынке, завязанной на затылке, в клетчатой мужской рубашке с засученными рукавами, загорелая, веселая и особенно задорно кричала:

— О-о-о, Сирень!

Когда проезжали мимо сквозного лесочка, Сорокин заметил в мокрой траве шляпку белого гриба. Они выскочили из плетушки и вдруг увидели у себя под ногами еще десятков семь — восемь ядреных, крутолобых грибов. А Сирень тем временем, взяв сразу с места легкой трусцой, пустилась по дороге.

— В конюшню отправилась,—спокойно сказала Людмила Петровна, очевидно, привыкшая к таким вероломным выходкам своей кобылки.

Собрав грибы в плащ Сорокина, они двинулись к селу пешим ходом. Шли мимо нежно голубеющего льняного поля, и Людмила Петровна задумчиво говорила:

— Случилось, Сирень бросила меня вот так же километров за десять от села. И шла я пешком, злая, усталая. Думаю, уеду отсюда, уеду!.. Потом села на копну клевера поплакать и уснула. А проснулась уже вечером. Знаете, бывает такое коротκое-короткое время летних сумерек, когда солнце уже зашло, но небо без единой звезды еще совсем прозрачно и светло. Гляжу вокруг, и, сама не знаю почему, в душе у меня словно белые цветы распускаются. Думаю, ничего радостного в тот день не было: моталась по бригадам, ругалась с председателем, Сирень меня бросила,— так почему же меня радость-то словно на крыльях несет? Нет, думаю, не уеду я никуда. На минуту подумала: отними у меня эти поля, луга, отними дело мое... и даже сердце защемило — так я напугала себя этой мыслью. Как же все это останется без меня? Как я-то буду без этого?

Людмила Петровна остановилась и широ-

ким жестом руки обвела голубое поле льна под сереньким мохнатым небом.

Вернувшись тогда домой, Сорокин включил свой приемник, сел у окна и, слушая музыку, думал о Людмиле Петровне: «Вот на ней и надо мне жениться. За красотой где уж тянуться, а она будет рада, ей ведь тоже, поди, хочется прислониться куда-нибудь...»

Его воспоминания прервал Тулуп Берданкин. Показывая на мглистый горизонт, где ворчливо рокотал гром, он говорил:

— Я не гоню, Матвей Ильич, а только надо тебе поспешать. Как бы дождя не напарило.

Фельдшер тряхнул головой и легко вскочил на ноги.

5

Туча прошла, уронив редкий, крупный дождь, покрывший дорогу темной рябью. В широком проеме сельской улицы за густыми вязами медленно сгорала ясная заря; над лугами повис туман, и с выгона, сыто, протяжно ревя, потянулось стадо.

Сидя у окна, фельдшер глядел на улицу. Там у своих ворот хозяйки поджидали коров и громко судачили о всяких пустяках.

«Вот разойдутся, и я пойду»,— думал фельдшер.

Уже совсем стемнело, когда он пересек улицу и постучал в дверь избы, где квартировала Людмила Петровна. Ему открыла хозяйка.

— Ну-ка, тетка Мотря, ступай проведай скотину,— сказал фельдшер, ступая через порог и снимая шляпу.— Мне с Людмилой Петровной поговорить надо.

— Да я все одно недослышу, хоть кричите,— махнула рукой хозяйка, но все-таки взяла ведро и вышла.

Людмила Петровна, сидя за кухонным столом, спокойно смотрела на фельдшера своими огромными глазищами. Он не смутился. Все для него было решено и наперед известно.

— Я, Людмила Петровна, к вам по личному делу,— обстоятельно начал он.— Как видите, я не молодой человек, ухаживать мне вроде уж поздно, поэтому я к вам попросту, с открытой душой. Выходите за меня замуж. Вы одна на свете, я тоже один. Два сапога — пара. Ну? Смеяться надо мной не будете?

Людмила Петровна поднялась. Она еще молчала, но фельдшер вдруг почувствовал, что она ответит отказом. Он и сам не мог сказать, откуда взялась у него такая уверенность, но уже наверняка знал, что будет именно так. Почему с первой же встречи вообразил он, что она нуждается в жалости, что обездолена в чем-то и несчастна? Почему? Перед ним стояла совсем не та Людмила Петровна, какою он привык считать ее. Тонкая, с высокою грудью, с тугой глянцевитой косой, она прямо смотрела ему в глаза, и по особому взмаху ресниц — медленному и сдержанно-страстному — в ней угадывалась женщина в лучшей своей поре.

— Ох, Матвей Ильич,— грустно и ласково сказала она,— не по сделке семья строится. А вы мне сделку предлагаете. Ведь мы не сапоги, а люди. Люди!

— Вот и надо по-людски рассуждать,— сердясь на себя, сказал фельдшер.— Время-то старит и меня и вас. Чего ждать?

— Я знаю, чего. И буду ждать, сколько придется, хоть несчастной, хоть безответной, хоть короткой любви... А вы-то...

«Стыдно, стыдно»,— подумал фельдшер.

— Я уважаю вас, Людмила Петровна,— глухо сказал он.

И вышел, задев плечом за косяк.

6

В эти ночи полоска зари не гасла на горизонте, сообщая небу тусклое зеленоватое сияние, в котором звезды казались какими-то жидкими, точно льющимися.

Фельдшер медленно шел к своей избе. Он уже не чувствовал прежнего стыда и думал не о Людмиле Петровне. Тяжелое, как глиняный ком, сознание, что он обокрал себя, вытравил из своей жизни радость, придавило, ссутулило его, и думал он сейчас о себе, о том, чего уже не вернуть никакой ценой и никаким чудом. Людмила Петровна ждала любви и смело пошла бы навстречу ей, а он свою любовь когда-то обежал стороной, как лесной тать людское жилье.

Было это давным-давно, когда на сельской колокольне висели колокола, когда крестьяне объединялись в коммуну и единственный трактор марки «Фордзон» был у кулака Proньки Лысова. В те времена скончалась в одночасье вдова Ульяна. Муж ее погиб на гражданской войне, а сама она умерла, подпирая колом увязший в грязи воз сена.

До той поры красивая и своевольная дочь ее Наталья слыла у сельских парней недотрогой, но в горе вдруг легко ответила на ласку одного, потом, обманутая им, доверчиво метнулась ко второму, а там, обозленная, подавленная и еще более одинокая, пропала из села. Говорили, что она работает на болоте «торфушкой», но к зиме Наталья опять вдруг объявилась в селе, и не одна, а с маленьким сыном, завернутым в какое-то больничное, проштампованное черными печатями одеяло.

Жила она нелюдимо. И когда выходила к обледенелому колодцу, то смотрела на встречных таким тяжелым, несгибаемым взглядом, что все спешили отвернуться или опустить глаза.

Продышав в замерзшем окне дырочку, фельдшер украдкой следил за ней. Потом набрался смелости, постучался как-то у ее дверей, но получил отпор.

— Что, цветик? — крикнула ему в лицо Наталья.— Весной пахнуло? Бесишься?

Снега рухнули тогда сразу. Всего одну ночь трудолюбиво, без грозовой шумихи постарался весенний дождь-работяга и погнал из-под сугробов мутные снеговые ручьи, повесил над полями теплый туман, опушил краснотал желтыми барашками.

Фельдшер опять зашел к Наталье. Стоя посреди раскрытого двора и глядя, как она дергает из крыши последние пучки соломы на истопливо, он участливо спросил:

— Как жить-то будешь? Все уж добришко-то проела, что ли?

— А брошу ребеночка в колодец и уйду на все четыре стороны,— насмешливо ответила Наталья.

— Что ты! Этого нельзя! — испугался Сорокин.

— Всему веришь, как маленький...

Чем тронули ее слова фельдшера? Или не было уж сил у нее крепиться более, но только, сев вдруг на ворох надерганной из-под стрехи соломы, она заплакала.

Впервые фельдшер отважился прикоснуться к ней. Он подошел и легонько погладил ее по волосам.

— Ну! Тоже жалельщик нашелся,— мотнула головой Наталья.— Чай, плетут по селу-то, что ты за мной вяжешься, а?

— Пусть плетут. Я ведь не просто так...

— Полно, дурачок миленький,— усмехнулась Наталья.— Иди уж сюда, ладно... Ласковый ты, должно быть.

И завертела с тех пор фельдшера какая-то бешеная струя. Скатились по оврагам ручьи, давно уже пылили дороги, земля взгоняла яровые, но, как отголосок бурных дней весны, бродил по селу слух: «А Наташка-то фельдшера теперь обротала. Вот язва баба!..»

И был тот дым не без огня. Просыпаясь по ночам на теплом плече своей подруги, фельдшер встречал ее лихорадочно горевший взгляд и слышал шепот:

— Женись на мне, цветик. Любить буду — никакая девка тебя так не полюбит. Только прошлым не кори и сына не обижай...

А он, наголодавшийся в крутые годы учебы, назябшийся за зиму в пустой нетопленной больнице, где жил тогда, думал: «Сам гол, как сокол. Куда ж мне еще такую обузу!»

И тяжело, угрюмо отмалчивался.

Женился он на дочери мельника, домовитой и жадноватой девке, которая и умерла-то, как он утверждал, от жадности: поехала зимой торговать на городском базаре в истертом пальтишке, пожалев новую шубу, и, простудившись, занемогла...

А жизнь прожита уже!

Фельдшер спустился на свое крыльцо и долго смотрел на зеленое небо, на льющиеся, зыбкие звезды.

Где-то в этом мире развеяна его любовь, и осталось лишь жалеть о скользнувших в вечность годах, не озаренных ею...

РАСКОПКИ

Леонид ПОПОВ

В земле, столетний потревожив прах,
Нашел ты лук, старинную посуду
И вот, забыв о наших ярких днях,
На эти вещи смотришь, как на чудо...

Ты прошлого читаешь письмена:
На срезах пней — минувшего отметки.
Что ж, молодежь, конечно, знать должна,
Как в ту былую пору жили предки.

Когда историю мы познаем,
То современность нам еще дороже!
Но перед прошлым, как пред божеством,
Колени преклонять не стоит все же.

Ведь отжили давным-давно свой век
И древний лук и глиняные чаши.
Теперь постичь стремится человек
Волнующие достиженья наши.

Гляди на старину, все оценя
Лишь с высоты сегодняшнего дня!

Перевел с якутского
Алексей КАФАНОВ.

Ласточка

Ирина СТАВСКАЯ

Оставив на земле свой дом родимый,
Одним рывком взвилась в простор
вселенной,
Примчалась к солнцу, в звездный мир
нетленный,
И голосом своим неповторимым
Из глубины космических высот
Оповестила всех: «Весна идет!»

ЛИРИКА

Сильва КАПУТИКЯН

* * *

Я в мыслях наших судеб не связала,
Надеждами не обольщалась, нет,—
Люблю так безрассудно я, так шало,
Как любят море, солнце, лунный свет.

И зря меня в дому твоем, ревнуя,
Клянут, как неотвязную беду:
Не бойтесь! В окна к вам не загляну я,
Ни разу даже мимо не пройду!

Перевела с армянского
Эм. АЛЕКСАНДРОВА.

* * *

Разрыва боль не унималась долго
И душу жгла мне много горьких дней...
Казалось, убоявшись кривотолков,
Я отступилась от мечты своей.

Хотелось мне в твой скучный дом ворваться
И разом двери настежь распахнуть,
И крикнуть, что нам незачем скрываться,
Что нас с тобой один уводит путь!

Но вот сегодня в час закатный, гулкий
Я встретила глаза детей твоих,
Звучал их смех в пустынном переулке,
Светилась радость в темном взгляде их.

И спорили они и волновались...
«Клянусь отцом...» — они клялись тобой.
...Навек соединенные судьбой,
Мой милый, хорошо, что мы расстались!..

Перевела Ирина СНЕГОВА.

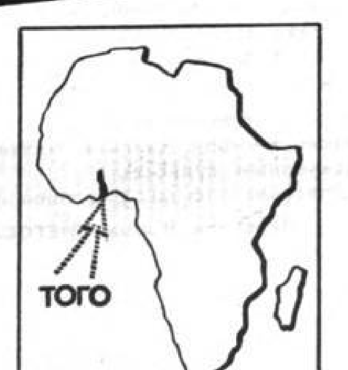
Южное Того. Рыбацкая деревня на берегу Гвинейского залива.

Население Кабу приветствует премьер-министра С. Олимпио после его заявления о предстоящем провозглашении независимости Того.

ТОГО ЖДЕТ

О. ОРЕСТОВ

Фото Рассела Хау и Бюро информации Того.

Будущий 1960 год — год больших событий в Африке. Независимость обретут четыре африканских государства: огромная Нигерия с населением в 37 миллионов человек, Камерун, долго страдавший под игом Германии и Франции, Сомали, изведавшее гнет трех колониальных держав, и маленькое Того, насчитывающее всего 1 100 тысяч жителей.

Сейчас уже объявлено, что независимость Того будет провозглашена 27 апреля будущего года. Естественно, что страна переживает напряженный период подготовки к этому историческому событию.

Того граничит с местом моего жительства — Ганой, и я совершил в эту страну поездку на автомашине. После трех часов езды от Аккры я уже был у границы Того.

Размышления у шлагбаума

Перед нами шлагбаум, разделяющий Гану и Того. О песчаный берег шумно бьют волны Гвинейского залива. Неумолимое солнце обжигает и пляж, и качающиеся на ветру пальмы, и улицы маленького пограничного поселка Афлао.

По эту сторону шлагбаума вьется флаг Ганы — красно-желто-зеленый с черной звездой. Ганские таможенники и полицейские говорят со мной по-английски, прибавляя к каждой фразе слово «сэр».

Но вот шлагбаум поднят, машина остановилась перед зданием тоголезской таможни, и я больше уже не «сэр», а «месье». На мой

вопрос, говорит ли он по-английски, полицейский в высоком французском кепи отрицательно качает головой.

А народ, хозяин земли и по ту и по эту сторону шлагбаума, один. У него есть и свой родной язык — эве. Но с этим народом не считались колонизаторы. Его детей с малолетства учили на западе английскому языку, на востоке — французскому. Одним говорили: все, что английское, самое лучшее; другим: подлинная культура — это только французская. О развитии же культуры эве, языка эве, литературы эве никто не думал.

Более того, если бы мы посетили Того лет пятьдесят назад, мы бы увидели иные вывески и афиши — немецкие. До первой мировой войны Того было колонией Германии. И тогда детей учили немецкому языку и внушали, что нет выше культуры, чем германская... А народ эве? Он оставался нищим и неграмотным при английских, немецких, французских «покровителях» и «опекунах».

Смехотворными кажутся споры, которые ведут ныне в печати некоторые западные журналисты и публицисты на тему: какой империализм лучше — английский или французский, какой, дескать, сделал больше для развития Африки. Сейчас, в XX веке, африканские народы (а кто может быть лучшим судьей!) дали на это недвусмысленный ответ: пусть империалисты всех мастей и национальностей убираются прочь из Африки.

Поэтому было радостно, переехав за шлагбаум, видеть, что вся страна, весь тоголезский народ живет сейчас мыслью о близкой независимости.

«Аблоде!» («Свобода!») — крикнули мне на прощание таможенники, когда я отъезжал от границы.

В столице Того

Столица — Ломе — начинается сразу от границы. Вдоль моря тянется красивая эспланада, усаженная высокими пальмами. На рейде стоят корабли. Переехав с левой стороны шоссе (результат английского влияния в Гане) на правую (в Того французские правила), мы через пять минут оказались в центре города, около единственной гостиницы «Отель дю Гольф».

Вдоль главной улицы — магазины с вывесками, которые должны будить у колониальных чиновников воспоминания о Париже: «Монопри», «Бонмарше» и другие. Меня удивило отсутствие красивых современных моделей автомобилей.

Дело объясняется просто: тоголезцы имели право приобретать только французские автомобили. Правда, в соседней Аккре они могли купить (и намного дешевле) любой автомобиль, но это было запрещено. Даже уплата пошлины не давала права на ввоз иностранной машины. В этом смысл колониальной экономики: силой заставить покупать товары из метрополии по высоким ценам.

Я испытал на себе, насколько строги эти правила. Мы выехали за город по дороге, ведущей к северу страны. Не успели отъехать пять километров, как нас остановили полицейские на мотоциклах.

— Ваш пропуск?

Пропуска у нас никакого не было. Мотоциклисты потребовали ехать за ними обратно в Ломе, к таможне. Здесь меня повели к полицейскому офицеру, которому мотоциклисты с нескрываемым удовлетворением доложили о поимке «нарушителя». Офицер-француз объяснил мне, что каждая иностранная машина должна иметь разрешение на поездки по стране. Моя личность не интересовала французскую полицию — я мог ездить куда угодно. Речь шла только о машине. В пропуске (который я получил после двухчасовых хлопот) указывалось, что машина пробудет в Того не больше двух недель и не останется (то есть не будет продана) внутри страны...

Обычно в новом месте журналист начинает знакомства со своих коллег — журналистов. Во время обеда в гостинице меж столиков ходил мальчик, продававший какие-то листки. Это и были газеты Того размером в небольшую нашу фабрично-заводскую многотиражку. Одна печаталась в типографии, другие — просто на ротаторе. Настоящей большой газеты в Того пока еще нет.

Я взял один из листков — «Ле Насьональ» — и поехал по адресу редакции, на Рю де л'Эглиз. Это была маленькая каморка, примерно в 8 квадратных метров, с дверью прямо на улицу. Внутри — небольшой ротатор и стол с пишущей машинкой. За столом сидел молодой редактор Тобиас Алар. Он был явно смущен моим визитом, но постепенно мы разговорились.

Алар сам пишет всю газету, за исключением иностранных телеграмм, которые он берет у агентства Франс пресс. Потом печатает на машинке и крутит ручку ротатора. Газета выходит в 400 экземплярах. Она поддерживает партию «Жуванто» и правительство Олимпио.

Примерно так же издаются и другие листки: «Вижи Тоголэз», «Веритэ Тоголэз», «Эве Аблоде» (на языке эве), «Миа Холо». Несмотря на невзрачный внешний вид и небольшой размер, газеты пользуются популярностью, тем более, что большинство их поддерживает лозунг независимости.

Народ прогнал предателей

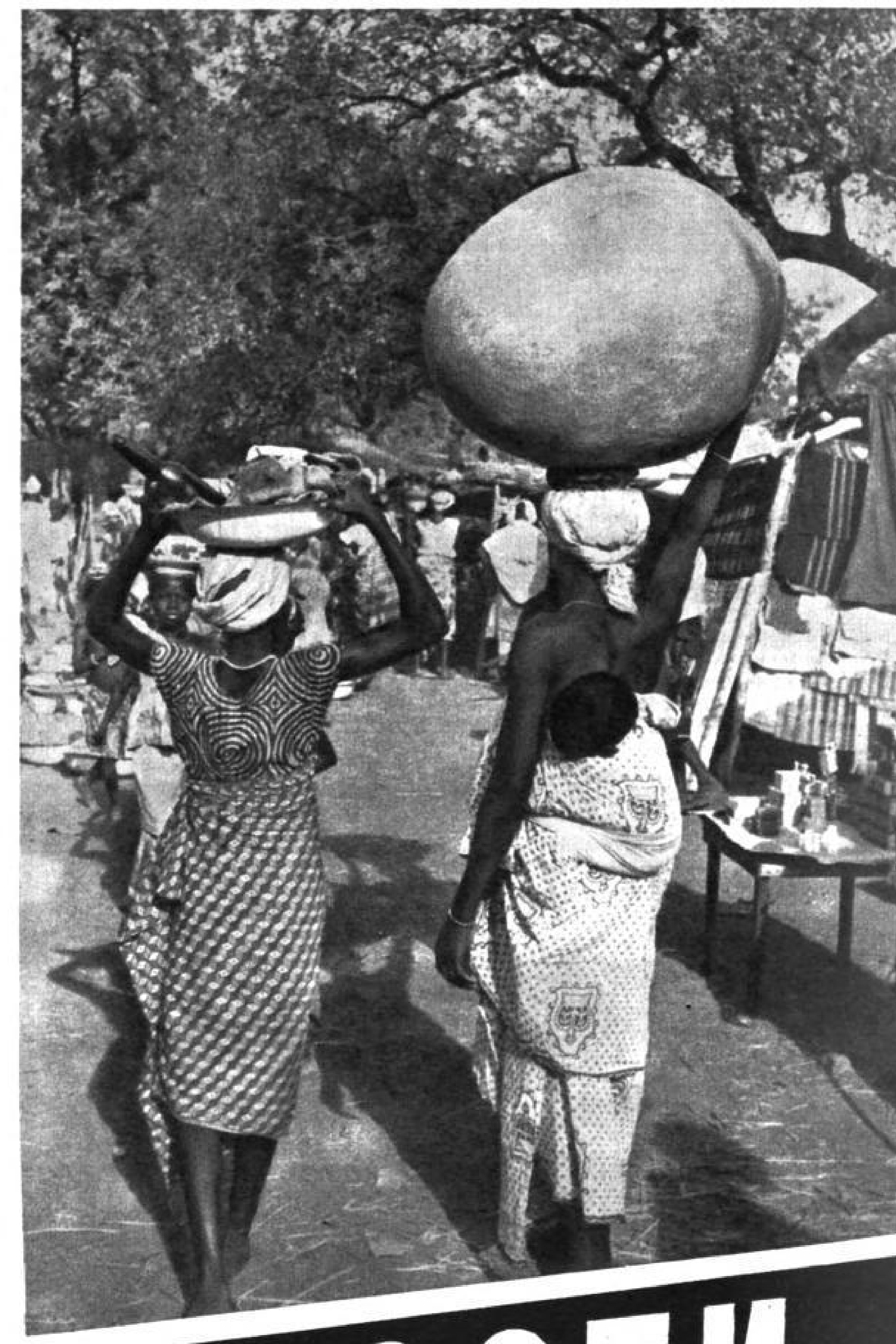
Французские колонизаторы, предчувствуя неизбежный конец своей «опеки»,— иными словами, своего колониального владычества,— в 1956 году поставили у власти в Того реакционнейшую партию, которая, по иронии судьбы, носила название «Прогрессивной партии Того». Премьером назначили тоголезца Грюницки, который был послушной игрушкой в руках французов.

Сторонников независимости беспощадно преследовали. Людей увольняли с государственной службы за сказанное в разговоре слово «аблоде», которое теперь произносят на улицах Ломе как приветствие — громко и гордо.

Мне рассказывали, какими методами пользовались колонизаторы, чтобы не допустить митингов оппозиционных партий «Жуванто» и «Комитет единства Того». Если эти партии назначали митинг, где-нибудь поблизости созывался и митинг «Прогрессивной партии». Тогда французский комендант «во избежание столкновений» запрещал оба митинга. Характерно, что правительство Грюницки никогда не протестовало против запрещения этих митингов своей партии...

Но все это были лишь судорожные и совершенно беспомощные попытки задержать ход событий. Колонизаторы убедились в этом 27 апреля 1958 года, когда по требованию народа Того состоялись новые всеобщие выборы, на этот раз под наблюдением ООН. «Прогрессивная партия» была разбита наголову. Только три ее кандидата с трудом прошли в парламент. Победившие национальные партии избрали премьер-министром Сильвануса Олимпио, лидера «Комитета единства Того», с которым сотрудничает и партия «Жуванто».

Мне не удалось присутствовать на выборах. Первый раз я попал в Того в прошлом году, вскоре после этого выдающегося события. Хотя прошло уже дней десять, как были объявлены итоги голосования, население Ломе продолжало ликовать. Женщины в белых одеждах толпами ходили по улицам, распевая радостные песни под звуки барабанов. Кстати, число изби-

Северное Того. Женщины носят воду в огромных тыквах.

НЕЗАВИСИМОСТИ

рательниц-женщин в Того намного превысило число мужчин. Поэтому здесь шутя говорят: независимость Того завоевали женщины своими голосами.

Надо сказать, что радость победы не остыла и теперь, когда год спустя я снова посетил Того. И не случайно провозглашение независимости назначено на 27 апреля 1960 года — на вторую годовщину знаменательных выборов.

Я зашел в небольшой, невзрачный домик на Авеню дез Алье. Здесь помещается центральный комитет партии «Жуванто», борющейся за независимость. Меня радушно встретили лидеры партии. Один из них, депутат парламента Ф. Абало, рассказывал:

— Народ безраздельно поддерживает правительство и наши партии, победившие на выборах. Мы уверены, что если бы сейчас провести еще одни выборы, «Прогрессивная партия» и ее союзники не получили бы ни одного места в парламенте. Дело доходит до курьезов. К премьер-министру недавно обратились представители тех районов, где были избраны кандидаты профранцузской «Прогрессивной партии». Они спрашивали, нельзя ли каким-нибудь образом «сменить» депутатов в их округах, которых они, дескать, избрали «по ошибке». Они говорили, что населению округов очень обидно: повсюду депутаты стоят за независимость, а их «депутаты» — за власть французов. Премьер-министру пришлось убеждать ходоков, что ничего сейчас сделать нельзя и придется потерпеть до следующих выборов...

К берегам озера Того

Того — небольшая страна, о благоустройстве которой мало думали колонизаторы. В ней лишь одна асфальтированная дорога, идущая вдоль побережья. Дороги на севере грунтовые, красного цвета, и на них автомашины поднимают такие облака пыли, что вскоре и машина и люди в ней принимают красную окраску. Душный, влажный климат и большое количество москитов еще больше затрудняют путешествие.

Мы ехали по берегу моря — в царстве кокосовых пальм. Они окутали своей листвой весь юг Того. Среди пальм, на прибрежном песке — деревни рыбаков. Копра (мякоть кокосового ореха) и рыба — единственные продукты приморского района. Этот район населен народностями эве и мина.

Дорога не отходит от моря. Повсюду видны рыбацкие хижины, сети, лодки, доносится запах рыбы, которую коптят в невысоких глиняных постройках тут же, на берегу. Лодки напоминают пироги или каноэ с высоко поднятым носом и кормой.

Изготовление такой лодки — своеобразный национальный ритуал. Ее долбят из цельного дерева, обязательно в лесу. Только готовую лодку можно везти к морю, где устраивается праздник «встречи лодки». Ее встречает все население поселка, и лодку мажут смесью из ямсового пюре с пальмовым маслом и яйцами. Затем разбивают еще два яйца: одно о корму, другое о нос, чтобы накормить «духа» лодки и «духа» дерева, которое согласилось, чтобы из него делали пирогу. Без этой церемонии «улова не будет».

Борта лодки покрыты узорчатой резьбой. Ее делают специальные резчики, и каждый стилизованный рисунок имеет свое значение. Они говорят о качестве и быстроте лодки, о добродетелях и богатстве ее владельца и т. п. После этого наступает церемония «крещения» лодки, в которой главную роль играет местный жрец или колдун. Получив бутылку джина и изрядную сумму денег, он совершает соответствующий обряд и сообщает, какое имя предназначено лодке. Его не пишут на лодке, и оно известно только членам ее команды.

Лодки вытащены на берег после ловли. Но никогда вы не увидите, чтобы лодка, лежащая на песке, была повернута носом к морю. Нос всегда повернут в направлении деревни. «Дух» лодки должен быть вместе с рыбаками. Если же повернуть нос лодки к морю, когда рыбаки находятся дома, то это означает, что «дух» расстался со своими подопечными. «Дух» помещается в точно определенном месте, на носу лодки. Тот же колдун дает рыбаку волшебное снадобье, которое необходимо влить в углубление около носа лодки, и в случае беды именно здесь можно вызвать на помощь «духа».

Обычаи и поверья народностей, населяющих Того, очень многообразны. Ведь в этой маленькой стране существует сорок четыре языка и диалекта!

У народов горных районов севера Того излюбленным лакомством считается мясо собак. В районных центрах проходят еженедельные «собачьи базары», на которых продают сотни туш собак, в шкурах или разделанных и уже закопченных или вяленых... На дорогах центральной Ганы мне не раз предлагали нанизанных на палки копченых летучих мышей. Мой шофер покупал их и вез жене как лакомство...

Около селения Порто Сегуро дорога сворачивает к северу, к огромному озеру Того. Оно и дало имя стране. В длину озеро простирается более чем на 20 километров. На озере, окаймленном пальмовыми рощами, видны парусные лодки. Здесь впервые за время нашего пребывания в Того повеяло прохладой.

Тут я познал коварность кокосовых пальм. Мы сели обедать за стол на берегу озера. Минут через пять около тарелок с супом с грохотом упал тяжелый кокосовый орех. Это было бы забавно, если бы через несколько минут уже прямо в тарелку, разбив ее, не грохнулся второй орех. Мы вскочили и стали перетаскивать стол на открытое место. И вовремя: только я успел отойти, как туда, где стоял мой стул, свалилась еще одна двухкилограммовая «бомба».

После поездки по побережью я отправился обратно в Гану окольным путем, через горный район Того — Палиме. Достаточно было отъехать на пять — шесть километров от моря, как больше уже не попадались кокосовые пальмы. Они занимают лишь узкую полосу на юге страны.

Много красивых, чудесных мест в Того, особенно в его горах. Придет время, когда свободолюбивый народ оправится от колониального гнета, твердо станет на ноги, ликвидирует вековую отсталость, и тогда зацветет и откроет двери для своих друзей независимая Республика Того.

Н. СВЕТЛОВА Фото И. ТУНКЕЛЯ.

Хиросима. Одно слово над входом в павильон. Здесь, в московском Центральном парке культуры и отдыха,— выставка произведений японских художников лауреатов Международной премии мира Ири Маруки и его жены Тосико Акамацу.

Москвичи приходят сюда веселые, смеющиеся после аттракционов, теннисных кортов, волейбольных площадок, с лодочной пристани. Они еще не представляют себе, что сейчас увидят.

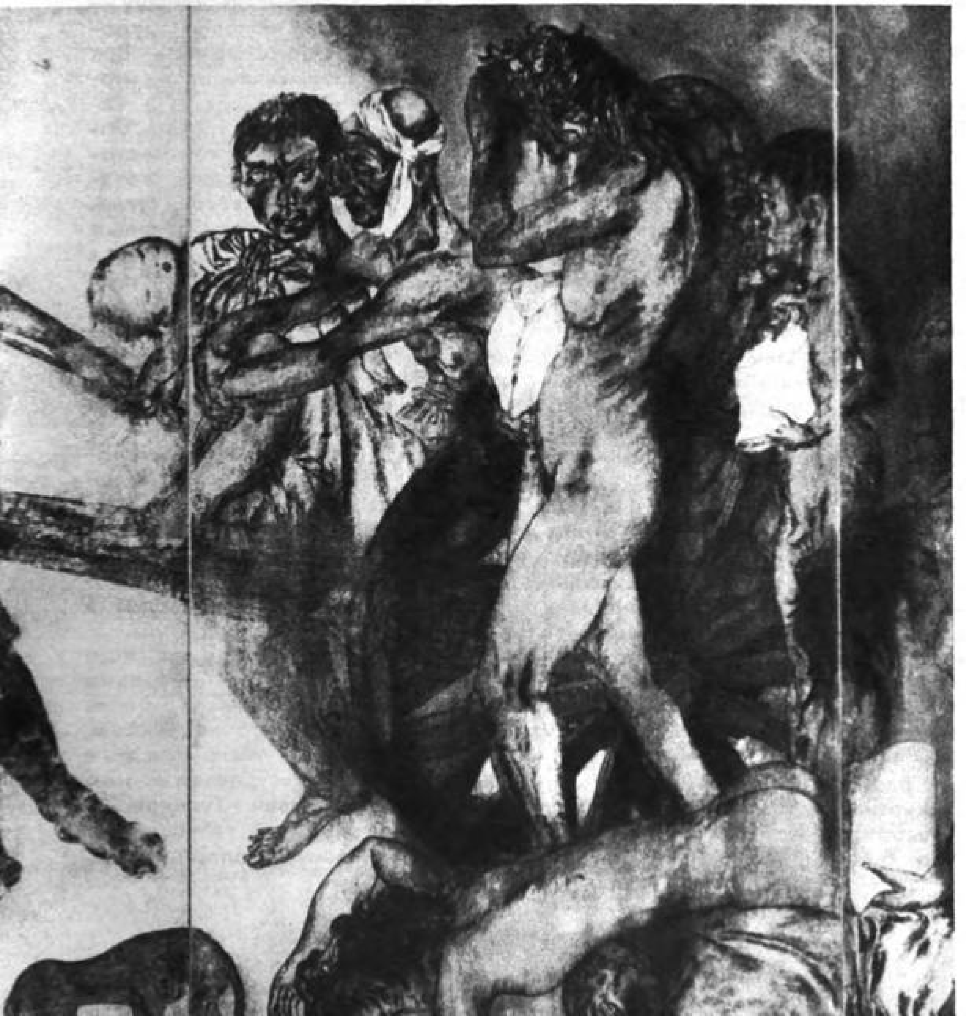
Здесь все преображаются.

Около этих картин нет спокойных и равнодушных. О трагедии японского народа, о «черном дне», как его называют в стране, на которую 6 августа 1945 года была сброшена с американского самолета атомная бомба, рассказывают полотна.

Первым поездом после взрыва бомбы прибыл в Хиросиму Ири Маруки, вслед за ним — Тосико Акамацу. Тут погибли их родственники и друзья. Потрясенные бедствием, которое повергло в ужас всю Японию, они решили поведать о нем миру.

Хиросиме посвящали свои работы и другие японские художники, но их абстрактное искусство не понял народ. Ири Маруки и Тосико Акамацу, которые в довоенные годы сами испытали влияние

сюрреализма, искали иную форму, простую и ясную. Художники-гуманисты хотели, чтобы все люди могли узнать и понять то, что сами они видели своими глазами.

Четыре года подготовительной работы — более 800 рисунков. И только после этого художники приступили к первому из десяти больших панно. Каждое такое панно, которое мы видим теперь на выставке,— 7—8 метров в длину, около 2-х метров в высоту.

Отказавшись от масляной живописи, художники обратились к рисовой бумаге и туши, возрождая традиции японского искусства.

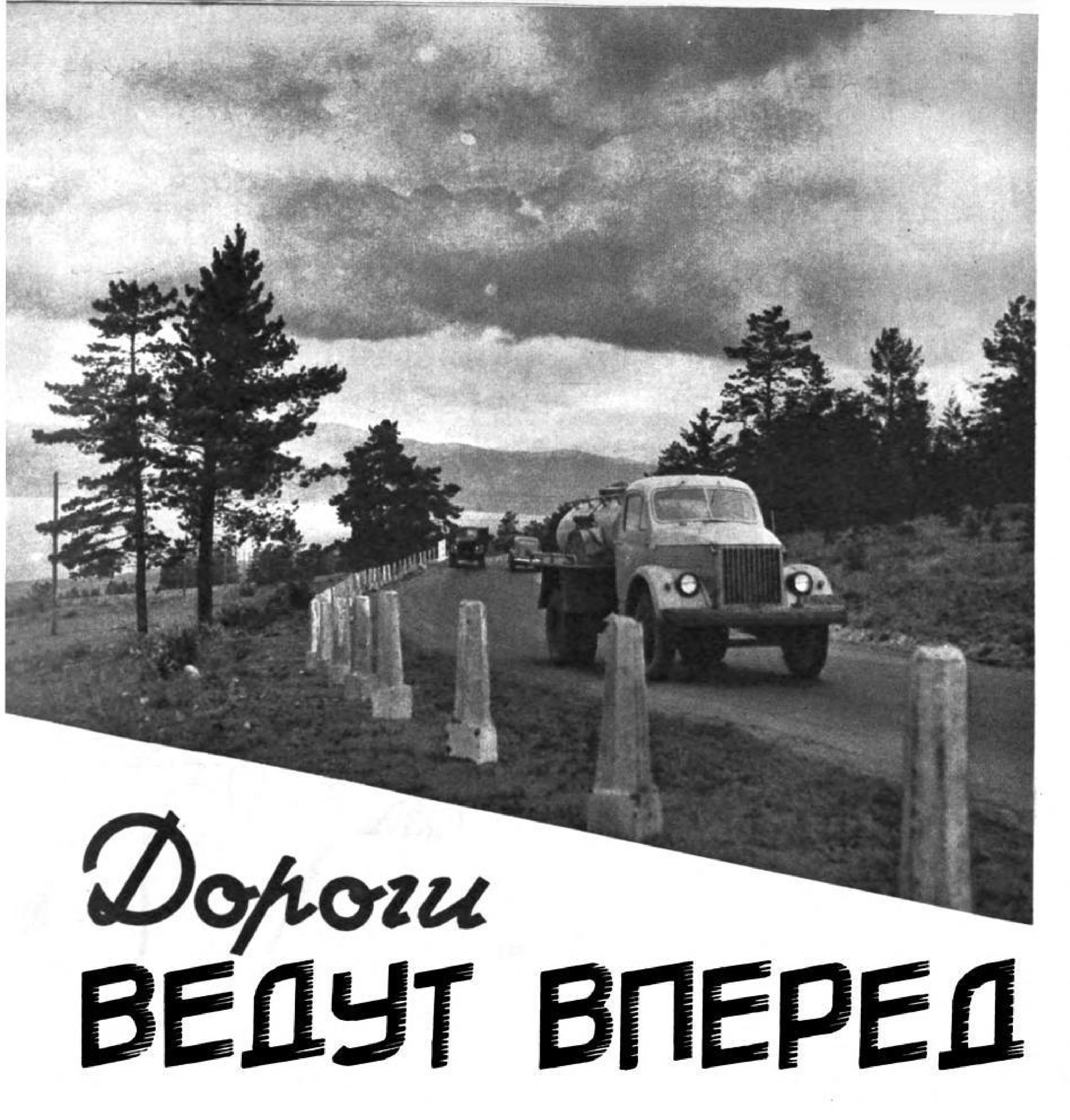
Не только трудности эстетического порядка преодолели Маруки и Акамацу, но и множество житейских невзгод. Они были бедны. Порой им не на что было купить краски. Чтобы воплотить свой замысел в панно «Огонь», художники хотели нарисовать языки пламени золотом, но золотая краска слишком дорога. Поэтому панно исполнено только в красном и черном цветах.

Маруки и Акамацу пронесли свои произведения по всей стране, показывали их в городах и деревнях. Сначала выставка в Японии устраивалась тайно: американцы запрещали даже упоминать о взрыве атомной бомбы. И все же произведения художников дошли до сердца народа. Панно «Хиросима» стали широко известны. Маруки и Акамацу приглашали во многие страны: Китай, Англию, Италию... И всюду их произведения потрясали зрителей.

Творения Маруки и Акамацу не только памятник скорби, но и грозное предостережение, призыв к бдительности.

Каждый, кто видит картины хиросимской трагедии, говорит: это не должно повториться!

огромным изображениям буддийских богов, бубнам и трубам лам.

— Врачей у нас не было. Лечили тогда ламы,— объяснял преподаватель.— А лечили так: дули в трубы, били в бубны.

Не очень-то поверили педагогу школьники...

Дороги ВЕДУТ ВПЕРЕД

А. ГРИГОРЬЕВ

Фото В. ТАРАСЕВИЧА.

Специальные корреспонденты «Огонька»

Долина счастья

Жаргаланта... Какое красивое слово! Да и смысл в нем красивый: оно означает по-бурятски счастье. По долине Жарганланта, иначе говоря, по Счастливой долине, направлялись мы в улус, где расположен колхоз имени Эрнста Тельмана.

Дорога дальняя, более ста километров, но не утомительная. В общей сложности более полутора тысяч километров проехали мы по Бурятии и повсюду восхищались отличными дорогами. Прямые, как стрела, ровные, точно выутюженные, пересекают они республику из конца в конец, пролегают вдоль обширных лугов и пастбищ, извилистыми лентами вьются у отрогов Хамар-Дабана, покорно следуют за изгибами быстрой Селенги.

Одно из таких шоссе ведет в старую Кяхту — город, расположенный на самой границе с Монгольской Народной Республикой. Ярко-зеленые луговые просторы, где, пощипывая травку, медленно передвигаются овечьи отары, перемежаются черными массивами пахотных земель. Здесь затихает овечье блеяние, в воздухе разносится урчание тракторов, неутомимых работяг, которые тащат за собой многолемешные плуги. А где-то в стороне вздымают свои хоботы «стада» экскаваторов. Они прокладывают оросительные каналы: на томимую жаждой бурятскую землю, не избалованную дождями, придет вода. Мелиораторы углубляют и меняют русла горных рек, прокладывают отводные каналы, роют буровые колодцы... К концу семилетки десять тысяч километров оросительных каналов напоят четыреста тысяч гектаров пастбищ и двести тысяч новых пахотных земель.

Председатель колхоза имени Тельмана Дагба Доржиевич Очиров вел разговор о комбайнах и бульдозерах, о тракторах и экскаваторах, точно перед нами был человек, который одновременно руководит и сельскохозяйственной артелью и промышленной стройкой.

В беседе с этим пожилым бурятом в полувоенном костюме мы узнали и о том, как важно осушить Дото-Гол, и о новой телефонной станции в колхозе, и о больнице, услыхали цифру «60 тысяч». Столько здесь должно быть голов скота к концу семилетки! Это против нынешних 18 тысяч.

Тут-то мы и разговорились о Жаргаланта.

— Нашу долину, как гласят поверья, так назвал сам Чингисхан. Трудно сказать, что он имел в виду. Я, например, Дагба Очиров, мать свою впервые увидел, когда был совсем взрослым, в двадцать семь лет. Грудным младенцем отдали меня в другую, такую же бедную, но бездетную семью. Помню, приходила к нашей юрте женщина, смотрела на меня полными слез глазами, но признаться, что она мать мне, не смела. Так было у многих. А потом мальчишкой кочевал, как все, пас овец, лошадей. Жил в дымной войлочной юрте... Вот оно, какое было счастье! Да что говорить, зайдите в наш музей и посмотрите сами! Музей этот и устроили для того, чтобы наша молодежь не забывала, как жили их отцы и деды. А вот поговорите, например, с Протасом Бартахановым или Базыром Нимаевым — это наши инженеры-механики. Жили они в юрте? С детства в домах жили.

В просторном здании клуба, где размещен музей, мы застали экскурсию школьников. Они с любопытством рассматривали убранство бурятской юрты, дивились

Городок у Гусиного озера

Сквозь зелень деревьев заблистала зеркальная гладь Гусиного озера. На двадцать пять километров вытянулось это водохранилище, одно из самых любопытных в нашей стране. По преданию, лет двести назад здесь была плодородная долина, в центре которой стоял буддийский монастырь — дацан. Вдруг ливни, наводнившие реку Темник, изменили ее русло, бурные потоки горных рек ринулись в долину, фонтанами забила вода из колодцев. Так образовался гигантский водоем, куда пришла в изобилии рыба из рек, а вслед за нею налетели и гуси, и в таком множестве, что буряты назвали его озером гусей. В прошлом веке местные жители занимались здесь оригинальным промыслом—добывали гусиные перья для писания. Более двух пудов перьев за лето собирали по озерным берегам.

— Пушкин нашими перьями писал,— утверждают местные люди.— Вся грамотная Россия ими пользовалась...

Теперь Гусиноозерск поставляет не перья, а более существенный предмет — уголь. Стал этот город шахтерским. И когда мы подъезжаем к озеру, встречает нас не гусиный клекот, а лязг экскаваторов. Впрочем, гуси не были бы помехой и теперь...

Не прошло еще и трех лет с тех пор, как в Гусиноозерске начали разрабатывать уголь открытым способом. Уголь залегает тут неглубоко: несколько метров вскрыши, и уже обнажается мощный пласт. Один за другим в разрез спускаются «МАЗы», и, раскрыв пасть, экскаваторный ковш обрушивает в их кузова очередную черную лавину.

— В семилетку мы полностью перейдем на открытую добычу,— говорит главный инженер рудоуправления В. П. Гавычев.— Вот сейчас начинаем вскрышу на новом, Загустайском разрезе, а через год будем разрабатывать богатейшее Холбольджинское месторождение. Уже разведаны запасы в сотни миллионов тонн угля.

Когда войдут в строй новые разрезы, рядом вырастут корпуса новой электростанции. Гусиноозерская ГРЭС будет работать на местном топливе, и первую очередь ее строительства намечено завершить уже к 1962 году. А вслед появятся новые крупные промышленные предприятия.

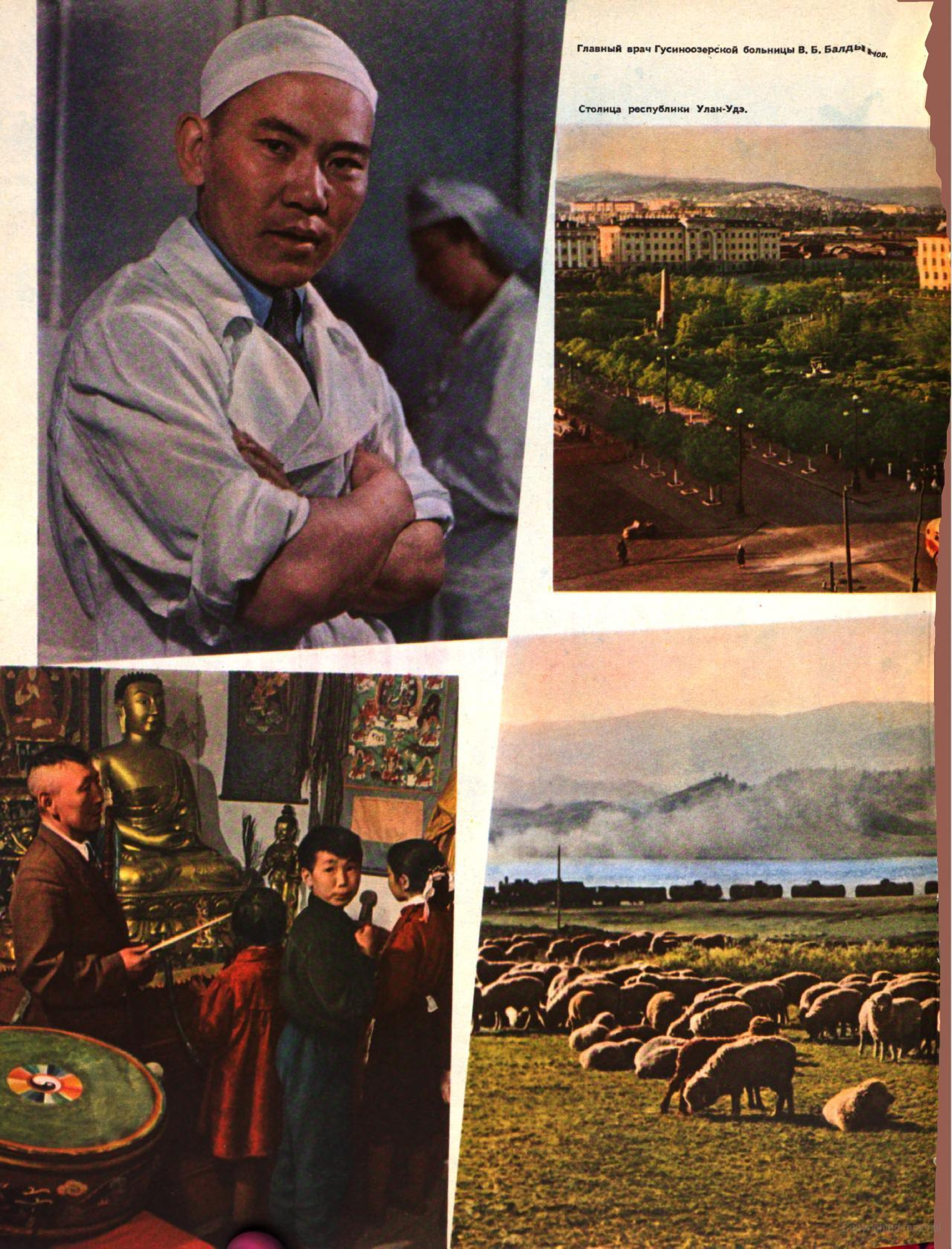
Ох, и богаты полезными ископаемыми здешние места! Целый поселок геологов с полуторатысячным населением, с десятками самоходных буровых установок раскинулся на берегу озера. Отсюда партия за партией уходят в горы разведчики земных недр.

Гусиноозерск переживает еще младенческий возраст — только на днях ему исполнилось шесть лет. Мы идем по его новеньким, чистым улицам, знакомимся с жителями. Вот встречается нам Гармажап Дабаевич Тучинов, в прошлом колхозный табунщик, а теперь знатный бригадир-проход-

«Огонек».

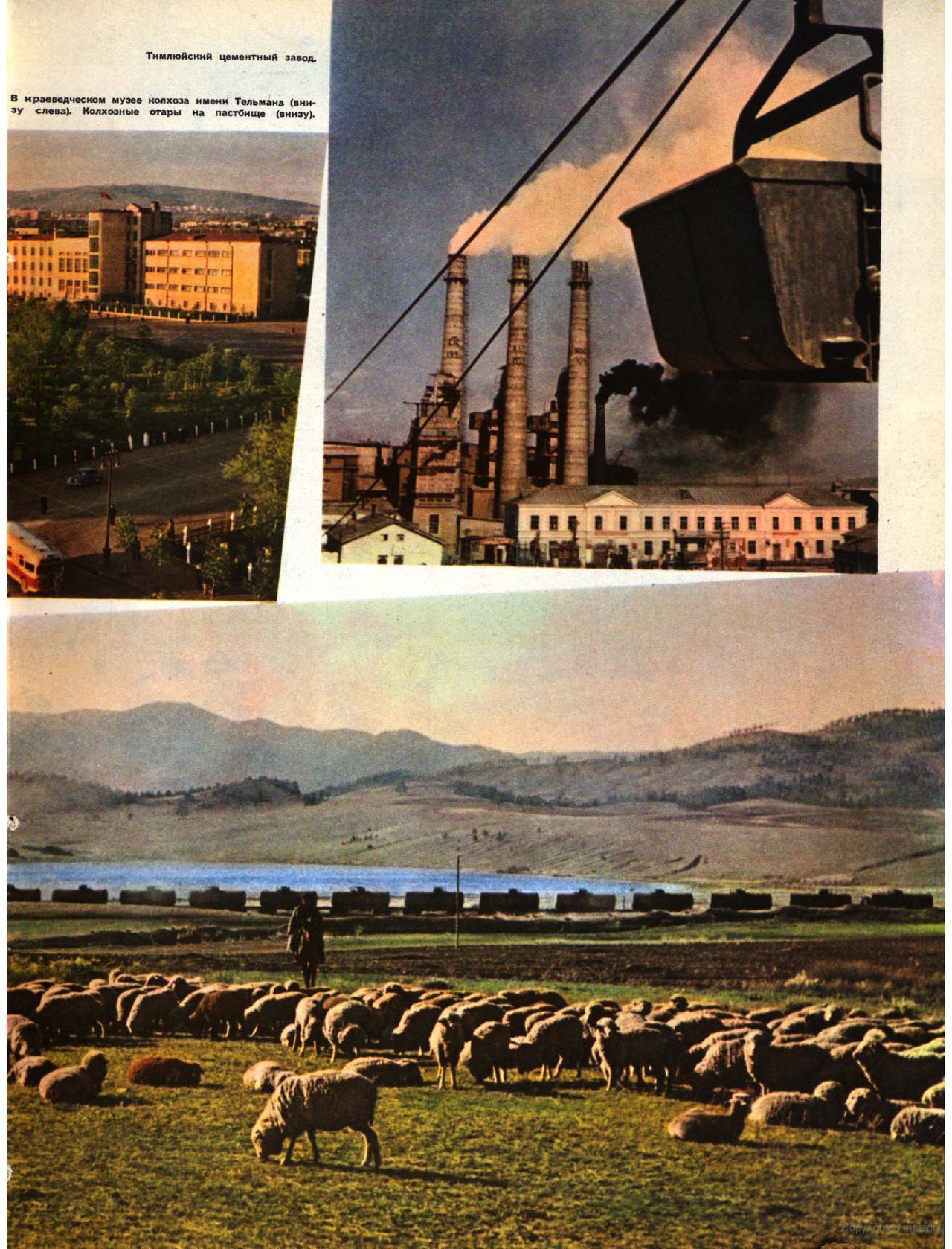
Открытые разработки угля в Гусиноозерске. На снимке: мастера П. В. Хамаганов (справа) и В. И. Рещиков.

Фото В. ТАРАСЕВИЧА.

Главный врач Гусиноозерской больницы В. Б. Балдынов.

Столица республики Улан-Удэ.

Тимлюйский цементный завод.

В краеведческом музее колхоза имени Тельмана (внизу слева). Колхозные отары на пастбище (внизу).

На реке Селенге.

Счастье, омывшее нам сердца

Ц. ОЧИРОВ,
секретарь Бурятского обкома КПСС

Когда-то Антон Павлович Чехов с восторгом писал: «...Селенга — сплошная красота, а в Забайкалье я находил все, что хотел: и Кавказ, и долину Псла, и Звенигородский уезд, и Дон. Днем скачешь по Кавказу, ночью — по Донской степи, а утром, очнешься от дремоты, глядь, уже Полтавская губерния — и так всю тысячу верст». «...Забайкалье великолепно. Это смесь Швейцарии, Дона и Финляндии».

Но и эти яркие строки не могут дать полного представления о пейзаже современной Бурятии.

Гигантский скачок совершила наша республика за годы Советской власти. В дремучих лесах, в полынной степи, на реках и озерах построены крупные заводы и фабрики. Если в дореволюционной Бурятии промышленных предприятий насчитывалось немногим более одного десятка, то сейчас действует их свыше трехсот. Среди них такие крупные, как паровозо-вагонный завод, мясоконсервный и вольфрамово-молибденовый комбинаты, суконная фабрика. Индустриализации республики огромную помощь оказали русский рабочий класс, передовые промышленные области Советского Союза.

Современная Бурятия — республика высокоразвитой индустрии: удельный вес промышленной индустрии в валовой продукции народного хозяйства достиг более 80 процентов. Отсюда в разные края страны идут станки и машины, уголь и лес, вольфрам и молибден, цемент, шифер, стекло, мясные и рыбные консервы, шерсть, кожа, сукно, обувь.

Большие перемены произошли и в деревне. Вот один из наших средних колхозов — артель имени Сталина, Селенгинского аймака. Его хозяйство — это 54 тысячи гектаров земли, более 30 тысяч голов скота, около 6 тысяч гектаров посевной площади. Колхоз ежегодно продает государству продукции на 5—6 миллионов рублей. Развивается тут овцеводство тонкорунное и каракулеводческое.

Появились и совершенно новые для бурят отрасли сельского хозяйства: свиноводство, птицеводство, садоводство, пчеловодство. Широко внедряются такие сельскохозяйственные культуры, как пшеница и кукуруза. А ведь еще совсем недавно наши скотоводы не знали, что такое животноводческие постройки и силосный корм. Сейчас в колхозе добротные каменные и деревянные коровники, овчарни, телятники, здесь ежегодно закладывают тысячи тонн силоса.

Бурятский народ имеет древнюю и самобытную культуру. Исторический памятник его духовных богатств — героический эпос «Гэсэр», созданный шестьсот лет назад. В нем отражены мечты и светлые устремления народа. Народная мудрость создала и сохранила десятки других эпических произведений.

Только при Советской власти открылись широкие просторы для расцвета народных талантов, развития духовной культуры бурятского народа. Лучшие произведения наших писателей известны далеко за пределами республики. Романы Х. Намсараева «На утренней заре», Ж. Тумунова «Степь проснулась», Ч. Цыдендамбаева «Доржи, сын Банзара», Д. Батожабая «Похищенное счастье» входят в золотой фонд многонациональной советской литературы, и многие из них изданы на русском языке, а также в Китае, Венгрии, Монголии.

Гордость трудящихся республики—Бурятский театр оперы и балета. Вместе с театрами бурятской и русской драмы, ансамблем песни и пляски он готовится ко второй декаде литературы и искусства в Москве. В репертуаре театра произведения русской и мировой классики, советских композиторов. Большой популярностью пользуются национальные оперы «Энхэ-булат-Батор», «На Байкале», «Побратимы», балеты «Красавица Ангара», «Во имя любви», «Свет над долиной».

Богатые плоды культурной революции пожинают теперь люди самых отдаленных уголков республики. В быт чабана далекого Дырена, или охотника высокогорных Саян, или доярки просторной Еравны, или лесоруба Байкальской тайги уже давно и прочно вошли радио, кино, библиотека, книжный магазин. В республике более шестисот Домов культуры и клубов, шестьсот пятьдесят школ. Есть у нас свои высшие школы, научно-исследовательские институты, есть и комплексный институт Академии наук СССР.

Изменился сам облик городов, поселков, колхозных деревень и улусов. Взять хотя бы колхоз имени Карла Маркса. Он расположен в Селенгинском аймаке. Здесь издавна живут буряты. О них Н. А. Бестужев писал: «...оседлость бурят... есть вещь невозможная... жизнь их полуоседлая, полукочевая, и иначе жить для них невозможно».

Невозможное в представлении даже такого передового человека своего времени, каким был Бестужев, стало возможным при Советской власти. Буряты раз и навсегда покончили с полукочевой жизнью.

Счастливой и радостной стала жизнь бурят, недавних кочевников. Празднуя в эти дни трехсотлетие братской дружбы с русским народом, они поют:

...Счастье, омывшее
Нам сердца,
Светлей байкальской волны.
Оно для меня, для тебя — для всех,
Кто с нашей семьею слит!
Звучит по улусам веселый смех,
И радостный труд кипит...
Навеки покончено с прошлой тьмой.
И я о тебе пою,
Бурятия,
Край обновленный мой,
Я славлю юность твою!

чик. Торопится в спортивный зал горнорабочий Доржи Базарович Цыдыпов, один из лучших штангистов Бурятии. Сегодня он проводит занятия с группой любителей тяжелой атлетики. Знакомимся и с электрослесарем Гамбо Будаевичем Эрдынеевым: его портрет, как передового рационализатора, мы видели в недавно отстроенном Дворце культуры.

Хирурга Владимира Бакрушкиновича Болдынова мы застали в больнице: молодой врач только что сделал удачную операцию на открытом сердце.

— Это была первая ваша операция на сердце? — спросили мы его.

— Да, представьте себе, первый раз в жизни пульсирующее человеческое сердце держал в руках! Волновался, конечно, но почему-то был уверен в успехе. Без немедленного хирургического вмешательства человек умер бы. Вот и решился...

Здесь жили декабристы Бестужевы

Селенгинск! В прошлом этот пустынный край был известен как место ссылки. Умер здесь украинский гетман Демьян Многогрешный. Томились тут в тоске по родине участники стрелецкого бунта. Более пятнадцати лет пробыли в этих местах декабристы Николай и Михаил Бестужевы, приговоренные к «положению головы на плаху» и к вечным каторжным работам.

— Улан-Норан,— сказала старая бурятка, показывая нам дорогу к могиле Бестужевых.

Улан-Норан — красное солнышко. Так любовно когда-то прозвали селенгинские буряты своих друзей и советчиков — братьев Бестужевых, и это прозвище поколение за поколением донесли до наших дней.

В Селенгинске вам расскажут, что Николай Бестужев был женат на местной бурятке, красавице Сабиле, и что внук Бестужева, названный в честь своего деда Николаем, по обличью совсем бурят, бывал в Селенгинском аймаке, во время гражданской войны сражался в Красной Армии и геройски погиб в боях с белогвардейцами.

Декабрист Николай Бестужев, писатель, ученый, прекрасный художник, славился к тому же как знаток техники. За сотни верст к нему приезжали буряты из соседних улусов, чтобы поучиться столярному и слесарному ремеслу, за лекарством или просто за советом.

В музеях Бурятии бережно хранится много бестужевских реликвий. Здесь и мебель, собственноручно им изготовленная, и полотна, написанные масляными красками. А в центре Селенгинска возвышается большое двухэтажное здание с колоннами. Ему уже около ста лет, и построено оно по проекту Николая Бестужева.

Сейчас в нем хозяйничает детвора. Здесь аймачный Дом пионеров. Внизу занимаются кружки, а со второго этажа почти целый день доносятся звуки музыки: там недавно открылась детская музыкальная школа. Сорок ребят обучаются игре на фортепьяно и баяне.

Бурный марш духового оркестра заглушил неуверенные фортепьянные гаммы. Марш играли в соседнем школьном дворе. Только-только закончился последний урок, и вся школа собралась, чтобы торжественно проводить тридцать десятиклассников в самостоятельный жизненный путь. В школе учатся не только селенгинцы: почти половина учащихся старших классов из соседних улусов. Нам показывают просторные интернаты, построенные колхозами для своих старшеклассников, столовую, мастерские, спортивный зал...

В селенгинских колхозах не редкость бригады и фермы, которые целиком состоят из молодежи, имеющей среднее образование.

На Байкале

Быть в Бурятии и не побывать на Байкале!

И мы едем к «славному морю». Дорога вьется вдоль Селенги. То и дело приходится пересекать бурные горные реки.

Вот задымили трубы одного из крупнейших на востоке Тимлюйского цементного завода. А за ним, у самого Байкала, Большереченский рыбводный завод.

Интересным делом заняты на заводе: здесь разводят знаменитого байкальского омуля. В сентябре, когда омуль густой массой заходит в реку на нерест, его вылавливают, берут у самок икру, а у самцов молоки, а затем в инкубационном цехе происходит процесс оплодотворения. Икра созревает в цилиндрических стеклянных банках, каждая из которых вмещает 265 тысяч икринок. Тысяча четыреста таких аппаратов установлено в цехе.

В маленькой комнатке заводского музея можно проследить весь инкубационный период развития икры. Через семьдесят дней на икринках уже заметны черные точки — это глаза будущего омуля, а через двести сорок дней выклевываются личинки. Прямо из аппарата по водяному трубопроводу они выпускаются в речку, откуда течение уносит их в Байкал.

Омулевый завод широко известен не только в нашей стране, но и за ее рубежами. Все чаще в самолетах можно встретить оригинальные изотермические ящики с интригующей надписью: «Осторожно, живая икра».

Миллионы личинок байкальского омуля уже завезены в Ладожское и Онежское озера, в Норильско-Дудинскую систему озер, в Монголию... А недавно живая омулевая икра совершила воздушное путешествие в Англию.

Завод готовится к реконструкции, через несколько лет он будет выпускать более шестисот миллионов омулевых личинок в год.

...Дорога петляет по горным склонам, внизу извивается бурная Итанца. Лес, лес и лес. Тридцать миллионов гектаров лесов в Бурятии. Он идет по воде такими большими массивами, что иногда даже реки не видно, и сверху кажется, что она превратилась в сплошную лежневку.

...На Байкале было прохладно. Но чем ближе к центру республики, тем становилось теплее. Все пышнее зеленели деревья и луга, жарче грели солнечные лучи...

Так живут в Сеятеле

Фото А. УЗЛЯНА и Г. ЗОЗУЛИ.

Что говорить, колхозы на юге живут богато, и когда минуешь Ростов, буквально глаза разбегаются: по какой дороге ни поедешь, везде, непременно везде встретишь зажиточные хозяйства.

И все-таки есть и тут, на благодатном юге, одна давно проторенная тропа, один

Так выглядят дома колхозников, так выглядит весь поселок Сеятель. У колхоза свой кирпичный завод, своя строительная бригада, и она строит семьям колхозников четырех — пятикомнатные дома.

Колхозницы давно сами не пекут хлеб. Зачем возиться, если есть пекарня?

Вам нужен к празднику окорок? Колбаса? Пожалуйста, дайте заказ колбасному цеху, и мастер Л. А. Ивлева приготовит все что нужно.

А тут вы можете получить кефир на трудодни. Он, пожалуй, не уступит домашней ряженке. Об этом позаботятся Таня Безуглова и ее подруги, работницы колхозного «молочного завода». Кстати, колхозники, кроме денег, хлеба и молока, получают на трудодни и мясо, и фрукты, и овощи, и виноград, и вино, и яйца, и масло...

Когда в колхозе открывали столовую, кое-кто говорил, что это заведение лишь для приезжих. А вышло иначе: сейчас в столовой питаются почти все колхозники. Вкусно, удобно, дешево, а главное, облегчение хозяйкам!

Вечер. Александр Павлович Чеховский готовится к защите кандидатской диссертации. ↓

Не остались без внимания и малыши. Для них открыли детский сад: свое молоко, свой кефир. Пейте, ешьте, ребята, на здоровье! →

давным-давно известный адрес, по которому вас направят знатоки Северного Кавказа. Тропа эта — в Сальские степи. Адрес этот — поселок Сеятель, колхоз имени Сталина. Двадцать семь лет существует он в Сальской степи, и все эти годы шумит о нем добрая слава.

Слава особенная. Об иных колхозах говорят так: один, скажем, славен урожаями, другой — отменным скотом, третий — садами; когда же мы спросили в Сальске у местного человека о Сеятеле, он подумал и ответил так:

— Все это есть у них: и урожаи, и скот, и сады, и виноградники. Могучее хозяйство... Но основное тут в другом. Живут они правильно — вот в чем главное дело. Не просто богато живут, а пра-виль-но!

Весной прошлого года на трибуну сессии Верховного Совета СССР поднялся Александр Павлович Чеховский, председатель колхоза имени Сталина, и неторопливо, деловито рассказал о том, как выросли неделимые фонды артели и как это обстоятельство — рост неделимых фондов — отразилось на жизни людей. Он говорил об электричестве, о клубах, о библиотеке, о столовых, о пекарне, о том, что колхоз построил для людей двести кирпичных домов, и о том, что всех колхозников артель обеспечивает молоком.

— Ни один колхозник,— сказал Александр Павлович,— не ставит вопроса о том, чтобы иметь свою собственную корову, так как в этом нет никакой надобности.

А три дня спустя Никита Сергеевич Хрущев в заключительном слове на сессии, упомянув о речи А. П. Чеховского, сказал:

— Это очень хороший пример для колхозов с высокоразвитым общественным хозяйством.

Минул год. Мы снова в поселке Сеятель, и Александр Павлович Чеховский ведет нас по хозяйству.

Г. ГЕОРГИЕВ

А это ветераны колхоза К. А. Матела и Я. Я. Рубин. Для них, для людей, ушедших на пенсию, колхоз построил дом.

Приключение Власа

Рассказ

Николай БОГДАНОВ

Рисунки А. КАНЕВСКОГО.

Влас лежал с открытыми глазами, переживая свою первую ночь на пароходе.

И шумные вздохи машины, и непрерывная дрожь койки, привинченной к стенке каюты, и чьи-то тени, мелькающие за деревянной решеткой оконной шторы, и звон колокола на носу, отбивающего таинственные «склянки», и непонятные возгласы: «Под табак!», «Так держать!»,— и шумный плеск воды под колесами, и множество других незнакомых звуков не давали мальчику заснуть.

Стоило ему смежить веки, как все необыкновенные события прошедшего дня, полного новых, захватывающих впечатлений, заново вставали перед глазами.

Подавленные страсти и неисполненные желания так и поднимали его с койки, выманивая из душной каюты на просторы палубы, залитой лунным светом.

Дядя Саша, авиационный полковник, которому доверили отвезти Власа в Муром к бабушке на все лето, своим богатырским храпом только подталкивал племянника к совершению тех поступков, которым он препятствовал днем.

Того нельзя, другого нельзя! На нижнюю палубу не ходи! Через решетку не лезь! В воду не смотри!

Даже тут, в первом самостоятельном путешествии, не было ему воли.

«А вот встану сейчас, пойду и вздую того рыжего мальчишку, что устроился под сигнальным колоколом!» Спит он сейчас, блаженствуя на свернутых канатах, и не чует, как крадется к нему Влас, тихо ступая по мягким коврам коридора, по скользким крашеным доскам верхней палубы, пробираясь через запретные решетки бортов. Подкрадывается и первый дает тычка.

— Будешь дразниться?!

Этот вихрастый нахал так надоел ему! Рыжий мальчишка, заняв лучшую на пароходе позицию для наблюдения за тем, как вахтенные матросы «бьют склянки», моют за бортом швабры, промеряют дно на перекатах полосатыми шестами, успевал еще строить гримасы наблюдавшему за ним Власу и негромко, но так, чтобы он слышал, дразнился:

— Девчонка! Девчонка!

Назло ему Влас переоделся к обеду в школьную форму, которую он вез только для того, чтобы показаться бабушке, как выглядит человек, перешедший во второй класс.

Но неугомонный парень стал напевать:

— Ряженый-переряженный!

Мысленно расправившись с мальчишкой, поселившимся на носу, Влас отправляется на корму. Там его весь день донимали какие-то удильщики и компания девчонок. Удильщики как будто бы совсем не обращали внимания на Власа. Они жили сами по себе. Пока пароход бежал от пристани до пристани, мальчишки насаживали на крючки красных извивающихся червяков, важно поплевывая на них. А лишь только пароход приставал к пристани, выметывали в воду длинные бечевки с крючками и червяками и к третьему гудку выбирали их обратно.

И обязательно им попадались рыбы. Самые разные. И они так быстро прятали их в корзинку, что Влас даже не успевал разглядеть...

Он перегибался через решетку, но им не было никакого дела до несчастного пассажира первого класса, тосковавшего за решеткой, как в клетке.

И это было очень обидно.

Еще обидней вели себя девчонки. Чьи они были, неизвестно. Босоногие, простоволосые, в стареньких платьицах и загорелые дочерна.

Он смотрел на них во все глаза, а они делали вид, что не замечают его. А сами то и дело перелезали через борт парохода, обходили корму по узкой деревянной кромке, которая предохраняет пароход от удара о пристань, пролезали под громадной лодкой, висевшей на цепях, и иногда даже отпускали руки, балансируя над кипящей внизу водой. Они как будто нарочно проделывали все это, чтобы пристыдить его: «Посмотри, вот что мы, девчонки, можем, а ты, мальчишка, не можешь!»

Удивительно, как все чувствовали его скованность и беспомощность и смеялись, смеялись над ним!

Дядя Саша, зоркий полковник авиации, даже играя в шахматы, одним глазом следил за ним. А на пристанях выводил погулять за руку. И было Власу так стыдно...

А ведь отец, поручая ему Власа, говорил:

— Я категорически против тепличного воспитания! Детские курорты, взморья, пляжи — это для больных. Здоровой детворе — простор. Пусть там с двоюродными братишками в ночное поездит на неоседланной лошади. Пусть попадет на сенокос. Колосья с деревенскими ребятами пособирает. Пусть не думает, что булки для него на деревьях растут. Пусть цыпки на ногах заработает! Пусть поцарапается, подерется! Только не будет маменькиным сынком. Вспомни, как мы росли! В десять — двенадцать лет мы уже были мальчишками с биографиями!

Дядя Саша во всем соглашался. Но стоило пароходу отвалить от пристани, как он стал ходить за Власом, как нянька, обрекая его на муки бездейственной, созерцательной жизни, так нестерпимой в девять мальчишеских лет!

Неожиданно для себя Влас — несколько раз поднявшись, прокравшись, подравшись мысленно — вдруг действительно поднялся с койки и, как был, босой, в полосатой пижаме, выскользнул из каюты на палубу.

Свежий воздух, густо напитанный запахом луговых трав, ударил ему в ноздри. Влас схватился за поручни, покачнувшись от опьянения.

Руки его почувствовали что-то живое, влажное. Он вздрогнул и увидел, что все поручни шевелятся. Все они покрыты крошечными трепещущими белыми бабочками с мягкими прозрачными крыльями.

Откуда взялись они? Влас поднял голову и увидел, что откуда-то, прямо из глубин неба, с самой луны, сыплются, словно ожившие снежинки, эти необыкновенные существа лунного цвета.

Влас никогда не видел и даже не мог себе представить ничего подобного. Он стоял изумленный, счастливый, что все это он видит один, пока другие спят.

Крошечные бабочки-снежинки, вея теплой метелицей, щекотали ему ресницы, ноздри, губы, щедро сыпались в подставленные ладони, сразу наполняя пригоршни.

Он улыбался, готовый побежать поделиться своим открытием... Но с кем? Страх, что он будет схвачен за руку и уложен в постель в такую ночь, когда невозможно спать, удержал его.

Он прошел вперед и, заметив спящего на канатах рыжего мальчишку, не стал даже будить его — из злорадства, что тот спит и не видит того, что видит он, Влас!

Все было тихо, ни души, пароход шел словно сам по себе под шорох летучей метелицы.

Влас обошел всю верхнюю палубу и очутился на корме. Легко перелез через решетку и спустился на нижнюю палубу. Здесь, на мешках, на сундучках, среди корзинок, спали разные люди и среди них, очевидно, те девчонки, что дразнили его днем.

И хотя ему не перед кем было похвалиться, он смело перелез через борт парохода и пошел по деревянной кромке над самой водой. Вода неслась мимо бортов, белая от упавших бабочек, как луг в цветах; только там, где ее отваливали борта парохода, показывалась черная глубина.

А вот и лодка, висящая над кормой. Вся белая, с красными цепями. Она висит над самой водой. Как пролезть дальше? Влас не помнил: проходили девчонки по ней или под нею. Решил, что интересней пробраться под лодкой.

Ощупав ногой какую-то опору и уцепившись левой рукой за холодноватую цепь, Влас отклонил свое тело, стараясь ухватиться правой за кусок цепи, свисающий с другого края лодки.

Но цепь вдруг подалась и, солидно загремев, пошла вниз. Это было так неожиданно, что Влас выпустил ее и, ничем больше не удерживаемый, полетел вниз.

Ветерок под мышками, легкий удар о поверхность воды, плеск, и он погрузился в плотную теплоту так быстро, что не успел крикнуть.

Штурвальный зорко смотрел вперед на огни бакенов, указывающих путь. Вахтенный матрос подремывал под сигнальным колоколом. А полковник авиации мирно спал в душной каюте. Ему и не снилось, что случилось с его племянником.

Ни рыжий мальчишка, ни стайка девчонок, ни удильщики, крепко заснувшие до рассвета, ни капитан, отдыхающий в своей каюте,— никто не заметил исчезновения одного пассажира.

Вначале Влас шел вниз так неудержимо, словно кто-то тяжелый и плотный цепко схватил его в свои объятия и увлекал за собой на дно. Затем выпустил, и Влас с легкостью пробки выскочил на поверхность.

Показавшись над водой, он увидел на миг стремительно убегающие огни парохода, вдохнул воздух, хотел крикнуть, но, хлебнув воды, снова погрузился в пучину.

На этот раз он погрузился всего лишь до маковки и некоторое время, оцепенев от страха, смежив веки и плотно сомкнув губы, плыл вслед за пароходом, увлекаемый водоворотом.

Власу захотелось вздохнуть, и, перевернувшись на спину, он сумел это сделать. Но тут же его снова повернуло вниз лицом и потянуло под воду.

Плавал он плохо, но все же не утонул. Волна от парохода, развернувшегося вблизи безымянного острова, подхватила и выбросила его на отмель.

Ударившись о какую-то коряжинку, он вскочил на ноги, очень удивился, что вода ему только до колен!

И тут же Влас почувствовал резкий холод. В воде было, как в теплой ванне, а на воздухе, как на сквозняке.

Он попытался бегать и прыгать, чтобы согреться, но колени его подогнулись, словно под какой-то тяжестью, и ноги не послушались.

«Это я промок до костей,— подумал Влас,— отяжелел, как мокрое белье...»

Где он? Куда попал? Ни парохода. Ни огней. Ни звука. Ночь, и он один в подлунном мире. Даже бабочки перестали падать с неба. И река была тиха, словно притаилась.

Влас тихонько заскулил. Попытался заплакать, но не получилось. Не перед кем, кого здесь разжалобишь! Да и мешало какое-то любопытство: «А что будет дальше?»

Вдруг на берегу в полном безветрии зашуршали темные кусты.

«Волки!» — вспомнилось Власу из рассказов из книжек и кино. Страх сорвал его с места. Боясь неведомых кустов и опасаясь удаляться от реки, он рысцой побежал вдоль кромки берега по плотному сырому песку.

Рядом река выплескивала кружевную пену из мертвых белых бабочек.

Так бежал он довольно долго. Берег все время закруглялся, и Влас, несколько согревшийся, вдруг остановился перед странным и необъяснимым явлением: вода, которая бежала рядом с ним, словно вперегонки, теперь стала течь ему навстречу! А луна, которая была справа, стала светить слева.

Медленно шествуя, он пытался решить эту загадку, и тут новое явление отвлекло его внимание. На берегу, словно поджидая его, наполовину высунувшись из воды, лежало какое-то черное и продолговатое чудовище с хищным острым носом...

Сердце его словно оборвалось и медленно сползло вниз, а оставшаяся на его месте пустота больно-больно заныла.

«Что же это я? Что со мной? Ведь такого не бывает!» — с ужасом думал Влас, не в силах ни повернуть назад, ни пойти вперед.

Необыкновенное, черное, неизвестное тоже не двигалось с места и страшно, поджидающе молчало.

Потом вдруг плеснуло хвостом, словно желая совсем выскочить из воды. Влас закричал что есть силы и, не раздумывая, бросился в кусты.

С разбегу он проскочил сквозь заросли, споткнулся о сухие корни и покатился кубарем прямо на свет, внезапно ослепивший глаза.

Раздались какие-то крики, чьи-то руки подхватили его у самого огня. Услышав человеческие голоса, Влас как-то сразу обмяк и дал волю такому реву, что у самого зазвенело в ушах.

— Ты что? Ты чей? Убился!

— Ой, мокрый какой!

— Холодный!

— Да ты не бойся, чего ты?

Вокруг него теснились вскочившие от костра мальчишки, кто с веслом, кто с топором, кто с головней, выхваченной из огня. На лицах испуг и удальство.

— Я с парохода упал! — басовито протянул Влас, заливаясь слезами еще пуще.

— Ишь ты какой резвый! Это с какого же?

— С «Пирогова»!

— Вот он кто ты есть!—мальчишка свистнул, бросая обратно в костер головню.— А мы только страшную сказку рассказывали, вдруг шасть из-за кустов...

— А это я! — улыбнулся сквозь слезы Влас.

— Герой! — сказал второй паренек, кладя у костра топор.

— И никто не видал, как ты свалился? — спросил третий, втыкая в землю весло.

— Нет,— ответил Влас и, вспомнив дядю Сашу, спящего в каюте, и бабушку, которая ждет его на пристани в Муроме, ужаснулся и онемел.

Так же онемев, стояли вокруг него ребята, представляя себе все бедствие.

— Теперь «Пирогов» к Елатьме подходит. Скоро будет гудок.... Проснутся, а его нет! — сказал девичий голосок.

— Проснутся в Дмитриевых горах, когда совсем рассветет.

— Вот хватятся! — пробасил третий.

— Ах ты, горюшко! — сказал девичий голосок.— Да ведь они теперь с ума сойдут! Потоп, мол, парень. Ты плавать хорошо умеешь?

— Совсем плохо.

— Да как же ты выплыл?

А Влас и сам не знал.

За него ответили ребята:

— Его течением вынесло! Тут ведь река на пески наваливает, ну и выбросила!

И мальчишки стали горячо обсуждать случай с Власом и его необыкновенное спасение.

— Да ты погрейся, к огню сядь! Дрожишь весь! — первым пожалел девичий голосок.

— Давай одежду выжмем. Скидывай скорей!

Высокий помог Власу стянуть пижаму, мокрую, липкую. А басовитый снял с себя ватник и молча набросил ему на плечи.

Пока один выжимал пижаму, другой подбросил сушнику в костер, а третий пододвинул солдатский котелок и, сунув в руки ложку, сказал:

— Ушицы горяченькой, это лучше всего!

Влас молча, подчиняясь, глотнул горячей, душистой ухи, такой вкусной, какой он никогда не пробовал, и, разморенный теплом, тут же и заснул, повалившись набок, с ложкой в руке.

Во сне он все падал на дно, увлекаемый кем-то сильным, схватившим его в тесные объятия, и выбирался наверх, чтобы вздохнуть. А пароход «Пирогов» наплывал на него, жарко дыша в лицо всеми огнями.

— Опечется,— сказал девичий голосок, отодвигая его от углей.

Ребята спорили, как быть. Несколько раз пытались будить, допытывались, как имя и фамилия, но все было бесполезно. Влас был мягок, податлив и непробуден.

Тогда двое ушли, а один остался караулить его у костра.

Разбудили Власа солнце и шумный галдеж. Протерев глаза, он зажмурился от яркого блеска песка, от качания на кустах полосатой пижамы, от сверкания мокрых тел купальщиков в блистающей воде.

«Где я? Что со мной?» — с нестерпимым любопытством подумал он.

Заметив его пробуждение, жизнь сразу напомнила о себе.

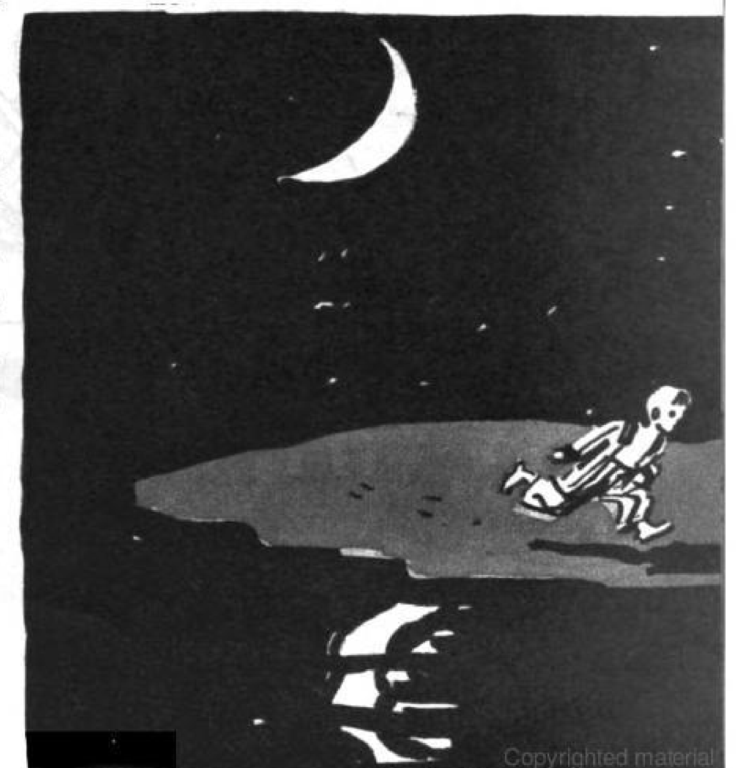
— Проснулся, герой? Купаться! — раздался над ухом звонкий девичий голосок.

— Давай плавать научим! — донесся с реки бас.

И он вспомнил все, что было. И неужели это было с ним, а не в книжке? И он тот самый мальчик, что упал с парохода и очутился на этом вот никому не известном острове?

Власу вдруг стало страшно: вот сейчас он проснется — и ничего этого нет. Не было!

Но его уже тащили к реке. И купание, самое

настоящее, с плеском, с визгом, с брызгами, захватило его целиком.

Вокруг него резвились в воде не двое и не трое, а целая куча мальчишек. Они наперебой ныряли, изображали все способы тонуть и спасаться, обучая Власа плавать.

Все эти ребята из соседнего села явились сюда спозаранку, чтобы посмотреть на необыкновенного мальчика, который упал с парохода.

Об этом случае узнала не только детвора, но и взрослые. Какая-то хозяйка прислала Власу горячие пышки с дырочками, смазанные сметаной. И они хранились в глиняной плошке под ватниками. Другая — вареных яиц. Кто-то — сахару.

И после купания ребята уселись в кружок и с удовольствием смотрели, как Влас ел, пил.

— Ты не беспокойся. Ты не тужи. Все обойдется,— говорили мальчишки, хотя Влас и не проявлял беспокойства.— Вася и Матвей сбегали, телеграмму дали.

— Во, смотри, как Вася поцарапался, с кручи упал, ночью-то... Вишь, с ребер всю кожу содрал!

И кто-то задирал на смущенном Васе рубаху и показывал его словно запеченный бок—такая на нем была коричневая корка от ссадины.

— А Матвей хромает. Об камень палец расшиб. Ночью прямиком дули в Елатьму.

Влас представлял себе ель, и тьму, и ребят, «дующих прямиком» с телеграммой о нем, и жить ему становилось все интересней.

— Следующим пароходом поедешь!

— А каким пароходом я поеду? — спрашивал о себе Влас не без важности.

— «Герценом» поедешь.

— А где пристань?

— Мы его здесь перемем. Остановим, значит.

— И он остановится? Целый пароход?

— Конечно, не половинка! Еще как остановится! Мы такое слово знаем! — лукаво сказал обладатель девичьего голоска Федя.

Влас верил и не верил, что эти вот мальчишки остановят для него пароход. Но, судя по тому, как запросто сбегали они ночью в какую-то Елатьму и пренебрежительно отнеслись к своим ранам, эти ребята все могли.

В ожидании парохода Влас провел на острове полдня, самые счастливые в его жизни. Никто не держал его за руку, не останавливал: того нельзя, другого нельзя,— ребята делали все, как им хотелось. И удивительно разумно все делали.

Вот поехали на лодке «сымать подпуска». С ночи они поставили такие же снасти, что ставили знакомые Власу удильщики с парохода. А теперь вынимали их с лодки. И он сам, своей рукой, чувствуя сильные порывы и потяжки, вынимал из речных глубин больших, невиданных рыб.

У них были зубчатые спины, длинные носы. И они выплывали из глубин, повертываясь на спины и показывая желтовато-золотистые бока.

— Стерляды! — с уважением говорили ребята, принимая их в сачки.

— Не хватай руками, порежешься! Изогнется, как серпом хватит!..

И сердце замирало от восторга при виде каждой рыбины.

А потом сами варили уху из рыбы, пойманной своими руками. И что это была за уха! Влас ел — и не мог наесться вкусного, густого навара золотистого цвета, поглядывая в котел, много ли там еще.

К полудню вдруг потемнело. За лесом показалось облако. Засверкали молнии, и вся ватага принялась «уделывать» шалаш.

Никто не заставлял, не понукал, не просил, все ребята, словно сами по себе, принялись за дело. И все знали, кому что делать, как пчелы в улье. Одни рубили кусты и втыкали в песок прутья. Другие их заплетали, кто был посильней и повыше. Третьи таскали из глубины острова сухое сено. Его «навивали» на остов шалаша и укрепляли свитыми из зеленых прутьев жгутами.

И во всем этом Влас, захваченный общим задором работы, принимал участие.

Брызнувший дождь застал ватагу за этим захватывающим делом. Часть шалаша еще не была покрыта. И когда все тесно набились под кровлю, иным не хватило укрытого места, и их поливал грозовой дождь и в шалаше.

Налетевшая буря трепала сено, пригибала остов шалаша, сметала в речку пыль и пепел костра вместе с углями. Угнала чью-то кепку.

Река взбушевалась. Длинные молнии проносились над ее пенной поверхностью, ослепляя глаза.

И в эти минуты несчастливцы, для которых не хватило крыши, промокшие до нитки, бросились купаться прямо в штанах и рубашках в бушующие волны!

Вместе с ними чуть не сорвался и Влас, почуявший в себе удальство небывалое.

Но вот туча пронеслась, все вокруг засияло, омытое дождем, и девичий голос Феди прозвенел:

— Ребята, пароход упустим!

Тут же бросились откачивать лодку, в которую нахлестало воды до краев.

Двое сели на весла, Матвей с рулевым веслом на корму. Федя рядом с ним. И поплыли. Федя вел на бечевке за лодкой корзинку, полную только что пойманных стерлядей.

«Выбили» на стрежень. Лодку качали еще не уходившиеся после бури волны. Поеживаясь от свежего ветерка, поглядывая свысока на волны и на безопасную теперь тучу, сверкавшую беззвучными молниями вдали, Влас бесстрашно стоял на носу.

Пижама его высохла, и он был один такой полосатый среди ребят в обыкновенных штанах и рубашках.

Все глядели вперед, вытягивая шеи, прислушиваясь. Вот-вот должен показаться пароход. И он показался.

Вначале Влас увидел голубой флажок и высокие белые мачты с антеннами, затем белую с голубыми полосами трубу, движущуюся словно сама по себе среди трав и первых стогов скошенного сена по луговой стороне.

И вдруг показался весь пароход. Он выплыл белогрудый, как лебедь, пеня перед собой воду. Быстро увеличился и превратился в двухэтажный дом, полный стеклянных окон, дверей. Целый дворец, сверкающий стеклом, медью.

И, увидев эту громадину, выдавливающую из реки воду так, что волны лезли на берега, шумно затапливая прибрежные кусты, Влас малодушно усомнился: да полно, как смогут остановить вот эти босоногие мальчишки целый пароход?

Страх и неверие отразились на его лице, и все заметили это. И Матвей весело подмигнул, что означало: не трусь, вот сейчас увидишь.

Затем он вдруг стал сурово серьезен, и тут же раздался сердитый гудок. Пароход, заметив на пути лодку, заголосил: «Прочь с дороги!»

Матвей поправил лодку, чтобы посторониться, затем быстро передал кормовое весло Феде, а сам выхватил из корзины самую большую рыбину и, встав во весь рост, поднял ее над головой.

Золотая стерлядь забилась, засверкали брызги. Вода лилась прямо на голову, стекала по лицу Матвея. А он стоял, улыбаясь, во весь рост под этим душем.

И когда пароход приблизился так, что лодку откачнуло бегущей впереди него волной, Федя крикнул:

— Эге-й, на «Герцене»!

А Матвей потряс сверкающей стерлядью.

Пароход поравнялся, лодку отбросило в сторону, словно кто развел ее невидимой рукой, и «Александр Герцен» проплыл мимо всей шумной громадой. Казалось, что ж могло остановить его в его могучем стремлении...

Влас стоял с разинутым ртом, глазея на белые борта, трепещущие занавески кают, полосатые шезлонги на бортах, на пестрых женщин и полосатых мужчин, на сверкающие круглые иллюминаторы, неудержимо проносившиеся мимо. Так близко, что белая фуражка капитана, и его красное лицо, и рыжие усы, к которым он подносил рупор, проплыли над лодкой, как луна.

Все кончено. Вот и корма с лодкой, задранной к небу...

И вдруг с пароходом что-то случилось. Он словно сдержал дыхание. И его как-то потянуло назад. А лодка пошла вперед. Это ребята ударили веслами.

Снова показались медные иллюминаторы, занавески, нарядные люди, которые теперь все прильнули к бортам и смотрели на Власа и на мальчишек.

— Есть стерляди? — пророкотал в медную трубу капитан.

— Вот они, вот! — пронзительно отозвался Федя, приподнял из реки корзинку, и все рыбы в ней затрепетали.

Лодку как-то само собой подтянуло к борту, и она прилипла к нему, как приклеенная. С парохода кинули конец, который ловко подхватили мальчишки. Затем спустили трап. Первым прыгнул на ступени и очутился наверху Матвей, а за ним множество рук подтолкнуло Власа.

И тут же лодка откачнулась, и пароход, вздрогнув всей громадой, пошел.

Влас увидел еще раз вихрастые головы мальчишек, взметнувшиеся на отвальной волне, и лодка исчезла. Он все еще стоял в некоторой растерянности, получив ни с чем не сравнимое могучее впечатление от того, как мальчишки останавливают пароходы. А ловкий Матвей, ковыляя на поврежденной в ночном походе ноге, подошел к свернутому канату и с достоинством уселся на него.

— Ну, каков улов? — раздался голос сверху.

По лесенке сверху вниз сходил капитан во всем белом, с его брезентовых туфель при каждом шаге на ступеньки сыпался зубной порошок.

Вместо ответа Матвей опрокинул мокрую корзинку, и из нее с треском высыпались тяжелые зелено-золотые рыбы и стали ползать по палубе, как крокодилы...

— Ой-ой-ой! — воскликнул и схватился за щеки, словно при виде этого у него заболели зубы, какой-то военный в кителе.— Царские стерляди!

— Глядите, глядите, это рыбы, дошедшие до нас из мезозойской эры! — потряс какой-то профессор белой бородой.

Раздались восклицания женщин, столпившихся вокруг.

А Матвей, не дав как следует полюбоваться, положил корзинку набок и стал сгребать в нее рыб босой ногой.

— Постой, постой,— сказал сверху капитан,— посчитать надо... Сколько тут?

— Не продаются,— ответил Матвей.

— Как так? А зачем же сигналили?

— А вот упавший с парохода мальчик,— указал Матвей на Власа.— Он с «Пирогова» ночью свалился и на остров выплыл.

После таких слов все обратились к не замеченному прежде Власу. Сразу забылись стерляди, и Влас овладел вниманием. Генерал, профессор, женщины в пестрых платьях, мужчины в пижамах, сам капитан — все расспрашивали, как это было.

И на все вопросы отвечал почему-то Матвей, словно Влас был немым и глухим.

И когда любопытство и тревога мало-помалу улеглись, он сказал:

— А стерляди — это ему на дорогу. Сам ловил.

При этих словах Влас не без тщеславия кивнул головой.

— Вот оно, дело-то какое! — вздохнул капитан.— А я думал, обыкновенная история: наловили квасьевские мальчишки стерлядей и выехали поменять на соль, на спички, на хлебное довольствие... Живут здесь весь покос, как юные дикари... Пока рыбаки косят — снасти караулят... Ловки ловить стерлядей... И пароходы приманивать... Идя навстречу интересам пассажиров, клюем, признаться, на эту приманку... Уж очень рыба-то необыкновенная. По вкусовым качествам в мире нет такой... Нектар богов, а не уха из нее. Сами понимаете.

Многие пассажиры понимали. И генерал, опершись на плечо Власа и заглянув ему в глаза, сказал:

— Ну, что ж, распоряжайтесь, молодой человек, чтоб приготовили уху в честь вашего необыкновенного приключения!

Влас кивнул головой, и корзинка со стерлядями исчезла в камбузе в одну минуту. На пристани Елатьма, где слез Матвей, ему выбросили через борт корзинку. Он, надев ее на голову, как фокусник, пошел прочь, сверкая глазами сквозь решетку прутьев, известной всем мальчишкам походкой, когда палец на ноге ушиблен и приходится перескакивать на пятке.

Влас с восторгом проводил его благодарным взглядом, забыв поблагодарить на словах.

Да, собственно, этого и не требовалось, мальчишки Квасьевского долго еще гордились тем, что они прослыли по Оке героями, умеющими останавливать пароходы и спасать падающих в воду мальчиков. И все капитаны пассажирских пароходов, проплывавших мимо их острова, рассказывали о них легенду своим пассажирам. И притормаживали ход, ожидая, не выплывет ли лодка с заветными дарами красавицы Оки.

Что ж сказать еще о Власе? Дальше он ехал без всяких приключений. И при полной свободе. Никто не говорил ему теперь «нельзя», «не смей», «не трогай», как человеку, видавшему виды. И он вел себя спокойно и мудро. В меру перчил уху, сколько нужно брал горчицы, не капризничал за едой, не лез в разговоры взрослых, не болтал.

Всем новым пассажирам люди рассказывали теперь о нем. Да так, что женщины смотрели на Власа с испугом, мужчины — с задумчивой усмешкой, мальчишки — с завистью, девчонки — с обожанием.

А капитан, который взял его в свою каюту до Мурома, на каждой пристани обязательно о нем заговаривал.

— А что,— спрашивал он вахтенных,— сильно волновались на «Пирогове», пока не получили телеграммы?

И отвечал на расспросы:

– У нас, у нас, как же, доставим в целости.

По-видимому, он был очень горд, что везет мальчика, попавшего в такое приключение, о котором всю навигацию будут говорить на Оке.

Но самое необыкновенное ждало Власа в Муроме. Его встречала целая делегация: дядя Саша, бабушка и все его муромские тети, дяди, братья и сестры. Были поцелуи, объятия, но никто не взял его за руку и не повел, как маленького. Никому даже в голову не пришло, так потрясло родичей приключение Власа.

Только рыжий мальчишка, каким-то образом очутившийся тут же, среди встречающих, сказал так, что расслышал один Влас:

— Подумаешь... Кабы нарочно, а то нечаянно...

Конечно, он злился, что сам не догадался упасть с парохода. Поэтому Влас лишь снисходительно улыбнулся. И пожалел, что нет еще удильщиков и озорных девчонок. Неужели они будут жить на свете, не зная, как отличился мальчишка в пижаме, над которым они посмеивались, считая его ни на что не способным маменьким сынком...

Эта мысль его долго мучила.

ЖОЛИО-КЮРИ НА МОСКОВСКОМ МОРЕ

Летом 1951 года я выехал на станцию Брест, чтобы встретить прибывающих в СССР Ирэн и Фредерика Жолио-Кюри.

Через несколько дней Фредерик должен был отправиться в Хельсинки на очередное заседание Бюро Всемирного Совета Мира. До заседания Бюро у супругов было несколько свободных дней,— им предложили отдохнуть в одном из подмосковных санаториев.

И вот, как-то приехав в санаторий навестить Фредерика Жолио-Кюри, я застал его на пруду с удочками.

— Клюет? — спрашиваю.

Фредерик вынул из воды кукан, на котором было десятка два мелких окуней, сделал гримасу: дескать, мелочь.

Тут же он с радостью согласился на приглашение поехать на «серьезную рыбалку». И мы отправились на Московское море в районе Завидова.

Удивительно приятно было проводить время с этим общительным человеком! Жолио-Кюри все время шутил, декламировал стихи любимых поэтов. За ужином он показывал нам фотографии, которые свидетельствовали о его «рыбацких успехах». Жолио-Кюри особенно гордился снимком, изображающим огромную щуку, возле которой, облизываясь, сидела кошка.

На другой день чуть свет мы были на ногах. Нужно было добраться до лодочной станции. У подъезда нас ожидала лошадь, запряженная в тележку. Жолио-Кюри легко опустился на свежее сено и сказал:

— Вот красота какая!.. Давно я не ездил на таком транспорте!

Занялась утренняя зорька, а рыба, как назло, не идет. Зато с полей, что называется, валом повалила утка. Стайки молодых выводков одна за другой пролетали низко над нами и тут же шлепались в воду. При приближении уток Жолио-Кюри прикладывал спиннинг к плечу, имитируя стрельбу из ружья.

— Пиф-паф — и мимо,— шутил он.

В этот день нам все же повезло. Мы поймали на удочку по нескольку крупных окуней. Каждой поклевке Жолио-Кюри был очень рад.

— Эй! Смотри, какого подцепил! — кричал он.

Затем ловили на спиннинг, поймали около десятка хороших щук и окуней.

— Вот хорошо,— сказал Жолио-Кюри, когда мы кончили рыбачить,— завтра 14 июля, день падения Бастилии — национальный праздник французов. У меня будут гости, и я угощу их свежей рыбой собственного улова.

Е. ЮРЧИК

ШОЦИКАС НА РИНГЕ!

В. ВИКТОРОВ

«Шоцикас вернулся на ринг!..» Попробуйте заявить это какому-нибудь любителю бокса, и вы будете немедленно «нокаутированы» залпом неоспоримых фактов. Вам напомнят, что замечательный боксер последний раз появился на боевом настиле в 1956 году на Спартакиаде народов СССР, а уже в Мельбурне на XVI Олимпийских играх его заменил молодой спортсмен Леонид Мухин, завоевавший серебряную медаль.

Все это полностью соответствует истине, и все же мы продолжаем утверждать, что Шоцикас вернулся на ринг! И в этом нетрудно убедиться, побывав в Каунасе.

Этот город — крупный спортивный центр Советской Литвы. Недаром одна из его улиц так и называется — Спортивная. На этой улице находятся стадион, крытый зал, бассейн для плавания, несколько тренировочных баз и площадок и, наконец, Институт физкультуры. Там-то мы и встретили высокого человека с крутым разворотом плеч, с неизменным чемоданчиком в руке. Ничего необычного не было в его фигуре тренированного спортсмена. Мало ли таких отлично сложенных людей попадается на этой каунасской улице! Но что же в таком случае привлекло наше внимание? Волнистые, чуть курчавящиеся волосы? Могучие плечи? Удивительно легкая, упругая походка, столь неожиданная для такого большого тела? Ну, конечно же, это Шоцикас, решили мы, Альгирдас Шоцикас, неизменный соперник Николая Королева, неоднократный победитель крупнейших состязаний, сошедший с ринга три года назад!

И вот мы в гостях у Альгирдаса Шоцикаса в спортивном зале общества «Жальгирис». Известный боксер встречает нас в синем тренировочном костюме с боксерскими перчатками в руках. Здесь все готово к занятиям, к тому повседневному, черновому, нелегкому труду, в котором рождается мастерство и смелость — два неотъемлемых качества боксера.

— Вы и начинали в этом зале? — спрашиваем мы Шоцикаса.

— Нет, как и многие другие, я начинал в зале Института физкультуры. Туда я пришел в 1946 году к известному нашему тренеру Леонасу Мисюнасу, и было мне в то время восемнадцать лет. Я работал на судоремонтном заводе слесарем-инструментальщиком.

— Значит, от старта до финиша ровно десять лет? Ведь в последний раз вы выступали в 1956 году?

— И так и не так,— уклончиво ответил Шоцикас.—Видите ли, хоть я и начал заниматься боксом в восемнадцать лет, но свой первый экзамен держал только в 1947 году. И моим экзаменатором был сильнейший боксер страны в тяжелом весе, многократный чемпион СССР Николай Королев...

Чем закончилась наша первая встреча? Шестью нокдаунами! Шесть раз побывал я на настиле ринга. Вот тогда-то и решался вопрос, быть или не быть мне боксером. В нашем деле самое трудное—пережить первое поражение и не пошатнуться, не разувериться в своих силах. Мне это удалось.

Да, в трудный для каждого молодого тяжеловеса момент пытался Шоцикас найти свое место на большом ринге; там крепко стоял Николай Королев.

Заслуженный мастер спорта А. Шоцикас (слева) тренирует новичка. Фото А. Каросаса.

Точность королевских ударов Шоцикас испытывал не раз.

И вот 1950 год. Первая победа над Королевым. Успешное выступление в Финляндии, Будапеште, Швеции. И вдруг обидная неудача: на XV Олимпийских играх нелепый нокаут от южноафриканского боксера Ниемана. Затем блестящий реванш на первенстве Европы 1953 года. Шоцикас — обладатель золотой медали... И второй нокаут от румынского спортсмена Чоботару. Новая победа на первенстве Европы 1955 года, и третий нокаут на первенстве СССР 1955 года, во время встречи с другим литовским тяжеловесом, Ричардом Юшкенасом.

Три нокаута — это предел для боксера. После этого дальнейшие его выступления на ринге считаются нежелательными, и все же Шоцикасу была предоставлена возможность с честью, победителем покинуть ринг. Замечательный боксер в последний раз выступал на Спартакиаде народов СССР, выиграл все бои и получил золотую медаль. Таков был финал Альгирдаса Шоцикаса. Нелегко ему было в двадцать восемь лет, в расцвете сил, отказываться от дальнейших состязаний, немало тяжелых минут пережил он, когда понял, что ему не суждено защищать честь советского спорта на XVI Олимпийских играх в Мельбурне. Так Шоцикас оставил ринг... Оставил? Но что же тогда он делает в этом спортивном зале, где мы ведем с ним беседу среди свисающих на канатах кожаных мешков и подвешенных к деревянным щитам трескучих кожаных груш? К чему тогда и тренировочный костюм и перчатки?

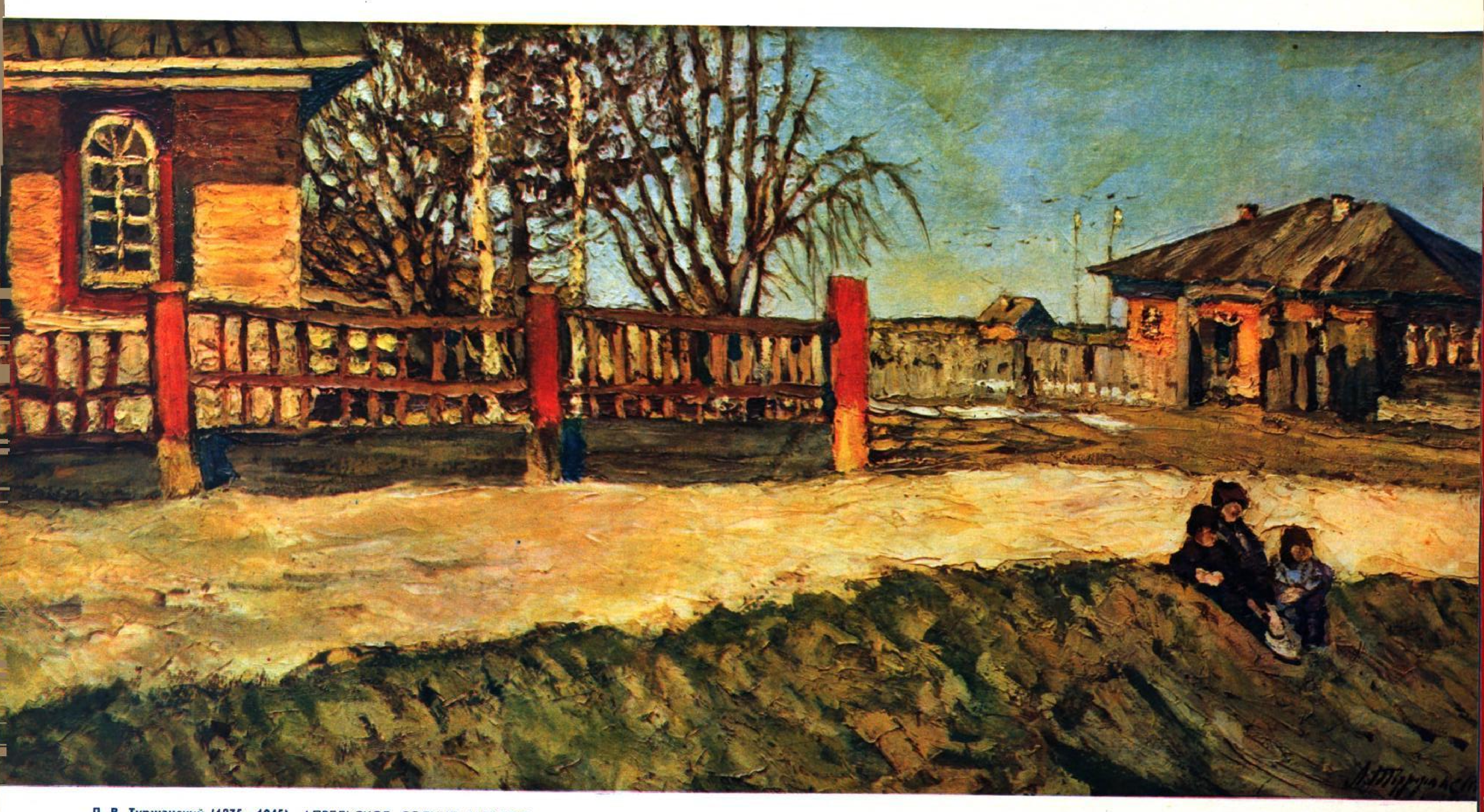
Ответа на эти вопросы не пришлось ждать слишком долго. Вот раздались чьи-то шаги, и рядом с высоким, плечистым Шоцикасом оказался стройный, худенький мальчик. Потом в зале появился второй, третий, и скоро зал наполнился шумом мальчишеских звонких голосов. Нет, Шоцикас не терял времени даром после того, как вынужден был подвести под своим сто двадцать седьмым боем итоговую черту. Сейчас он кончает Институт физкультуры. В прошлом году Шоцикас впервые испытал свои тренерские способности: подготовил команду на первенство ВЦСПС. Его коллектив занял первое место. С зимы этого года он организовал детскую боксерскую школу.

Когда в городе стало известно, что занятиями в этой школе будет руководить сам Альгирдас Шоцикас, от желающих заниматься не стало отбоя. Пришлось ограничить прием двадцатью мальчиками в возрасте четырнадцати — пятнадцати лет. И вот уже полгода три раза в неделю вместе с ними поднимается на ринг их учитель.

— Спортивная школа отнимает у меня сейчас почти все время,— говорит Шоцикас.— Одно дело — готовить самого себя, другое—заниматься с подростками. Ведь у тебя в руках воск. Из него, как известно, можно вылепить все. Но лепить надо умеючи! Этому я и учусь и в институте и у своих товарищей-тренеров. Пытаюсь я использовать и опыт моих друзей по спорту. Самым тщательным образом мною изучена книга известного московского боксера Анатолия Степанова, в которой он рассказывает, как обучать боксу новичков. Очень внимательно я изучил опыт и других московских и ленинградских тренеров, воспитавших немало известных мастеров. Важно прежде всего научить новичков правильной стойке, искусству передвижения, заложить прочный фундамент общей физической подготовки. Применяю также и наглядное обучение. К нам на тренировки приглашаются известные литовские спортсмены: Мураускас, Тамулис и другие. Посещаю я с учениками и соревнования...

Признаться, до сих пор с грустью я поглядываю на ринг. Вот уже три года прошло, а я никак еще не могу примириться с тем, что не выйду больше на середину боевого настила. Но у моих учеников все еще впереди. И многие из них вполне могут рассчитывать на успехи в боксе. Однако это — дело будущего,— улыбаясь, заканчивает свой рассказ Шоцикас.— А пока пора за работу.— И, попрощавшись с нами, Шоцикас начинает тренировку.

Так мы убедились в том, что Шоцикас все же остался на ринге. Пусть сам он больше не наденет боевых перчаток, но разве тренерская широкопалая рукавица плоха? Большой мастер передает свой опыт, все свои знания молодежи. Она продолжит боевой список Альгирдаса Шоцикаса.

Л. В. Туржанский (1875—1945). АПРЕЛЬСКОЕ СОЛНЦЕ. 1913 ГОД

Л. В. Туржанский. ГРОЗА УХОДИТ.

Свердловская картинная галерея.

ЛОШАДЬ НА ПАШНЕ.

После выступления «ОГОНЬКА»

БРАКОНЬЕР — ЭТО ПРЕСТУПНИК!

Письма — гневные, деловые, серьезные. Они со всех концов страны. Это отклик читателей на очерк Василия Титова «В краю перепуганных птиц», напечатанный в № 14 журнала «Огонек». В письмах большая тревога за будущее живой природы нашей Родины.

Вот письмо Н. А. Радченко из поселка Черноморский (Краснодарский край): «Во многих местах, где раньше водилась дичь, теперь у нас уже ничего нет. Если в наш лес забредет дикая коза, то ее гоняют до тех пор, пока не убьют. Теперь уже ходи по лесу хоть неделю — не встретишь даже и зайца».

Велик ли этот лес, мал ли, в данном случае неважно. И читатель В. Н. Раков из-под Воронежа справедливо отмечает, что «лес без птиц и зверей — что дом без людей: в нем все мертво, и он не радует сердца».

«В самом деле,— пишут из Боготольского района, Красноярского края, товарищи Бычков и Соколов,— почему у нас так много говорят и пишут о переделке живой природы и так ненастойчивы, когда речь идет о сохранении того, что есть, и того, что уже сделано человеком? Пятнадцать — двадцать лет назад в нашем Боготольском районе было изобилие промысловой дичи, животных, рыбы. В прудах, давно сооруженных, водилась в изобилии и водоплавающая птица и рыба. Но теперь боровая дичь, зайцы, козы в районе истреблены почти полностью, а прудовое хозяйство в таком забросе, что и говорить стыдно. Существовавший совсем недавно пруд в Малой Косуле, дававший огромное количество рыбы и много дичи, находится в ведении колхоза, а ему до него нет никакого дела, восстанавливать его никто не собирается. И вот пропадает красота земли, и негде прилетной птице встать на гнездовье».

А вот письмо из Подмосковья, из Заболотья, в Загорском районе. Заведующий тамошним охотничьим хозяйством Всеармейского охотничьего общества П. Пришвин сообщает:

«Наше хозяйство занимает пятьдесят тысяч гектаров. У нас много птиц и зверей, завезенных из других мест. Тут и дикий кабан, и олень марал, и бобр, и белая куропатка, и дикая коза косуля, и польский заяц русак, и лось. И вот здесь, под самой Москвою, гремят выстрелы непрошеных «гостей», как под далекой Ленкоранью».

Кто покушается на природу нашей страны? С одной стороны, как пишет М. Сюткин из поселка Песковка, Кировской области, «выпирает мурло человека, равнодушного к красоте жизни и природы, для которого ничего не стоит вырубить рощу, перелесок в безлесном районе, хотя они и стояли там веками, отравить водоем отбросами какой-нибудь дрянной кустарной фабрички», а с другой стороны поднимается отвратительная фигура браконьера. П. Пришвин из Подмосковья указывает, что «за десять лет работниками хозяйства составлено около 150 протоколов на браконьеров».

Письма читателей полны гневных слов в адрес и браконьеров и тех, кто либерально к ним относится.

В. Балабанов из Советской Гавани сетует: «У нас на Дальнем Востоке дичи совсем не стало, ее количество катастрофически уменьшается, просто тает, как сосулька под лучами солнца. Причина? Та же: браконьер». Балабанов пишет о браконьерах всех «рангов»: и о «промысловиках», которые живут за счет природы и безжалостно истребляют ее, и о «любителях», среди которых встречаются люди, призванные по долгу службы бороться с браконьерами.

В каком бы виде, в каком бы «ранге» ни предстал браконьер, «он все равно разбойник в природе, и его надо как разбойника и судить»,— призывает военнослужащий Писарев. К нему присоединяется милиционер 25-го отделения милиции Москвы П. Игнатов. «Вот, например, грабители сняли у девушки наручные часы и продали их за 50—100 рублей. И каждого из них осудят на 10—15 лет. Жестоко наказаны? Жестоко. Но ведь красть, воровать никому не позволено. А за уничтожение, скажем, зубра грабитель отделывается штрафом или шестью месяцами принудительной работы. Не правда ли, странно?»

Да, странностей здесь много.

«Я, например, знаю наперечет всех матерых браконьеров (их единицы, и знает их и население), но подступиться к ним по существующим законам невозможно,— возмущается П. Пришвин.— Они это чувствуют и ведут себя нахально. Скажем, мы узнали, что лося убил браконьер и мясо им увезено на дом. С санкции прокурора и милиции сделали обыск. Нашли это мясо. И свидетели показывают: «Да, он был в лесу и принес оттуда мясо лося». Но стоит только браконьеру сказать: «Я нашел это мясо лося в лесу»,— как меч правосудия бессильно опускается. Его судят за «присвоение находки» — штраф сто рублей. Браконьер почти на ваших глазах выстрелит в животное, бросит ружье в снег — и вы уже бессильны доказать его вину, он опять может сказать: «Нашел». «А ружье?» «Ружье не мое, а зверя я нашел уже убитым». Непонятно, почему человек, пресекающий преступление, поставлен советским законом в более тяжелые условия, чем преступник?»

В самом деле, почему так?

«У нас это происходит потому, что нет настоящего закона по охране природы, а люди, которые поставлены охранять природу, не пользуются почти никакими правами»,— возмущается А. Сабуров из Борисоглебска.

В письмах читателей много предложений, связанных с охраной природы. Одни предлагают создать новые заповедники (Байкальский, Озерный в Псковской и Новгородской областях, Аму-Дарьинский в дельте Аму-Дарьи и другие), различные зональные заказники; другие требуют авторитетного органа, без которого не могло бы идти даже строительство, если оно наносит ущерб богатству и красоте природы. Но все читатели сошлись на одном: надо дать по рукам браконьеру!

Отозвались на выступление «Огонька» Главное управление охотничьего хозяйства и заповедников при Совете Министров РСФСР, Комиссия по охране природы Академии наук СССР, Всероссийское общество содействия охране природы.

«К сожалению, в последние годы из-за браконьерства и неправильного ведения рыбной ловли на заповедной территории Кызыл-Агачский заповедник действительно мало соответствовал своему назначению — охране зимующих птиц,— пишет председатель Комиссии по охране природы Академии наук СССР профессор Г. П. Дементьев.— Правда, с прошлого года в заповеднике сменилось руководство и были приняты энергичные меры к восстановлению его нормальной деятельности... В частности, поставлен вопрос об изменении границ Кызыл-Агачского заповедника, о более эффективной борьбе с браконьерством в районах зимовок и запрещении охоты на водоплавающих птиц в местах их зимовок».

Ответили нам и из Азербайджана. Начальник Управления охотничьего хозяйства и заповедников республики товарищ Я. Ага-заде сообщает, что сейчас предпринимается для охраны заповедной территории и борьбы с браконьерами в районе Кызыл-Агача. Остается пожелать, чтобы намеченные меры осуществлялись более настойчиво, чем это делалось до сих пор.

Пишут нам и из Управления охотничьего хозяйства и заповедников Министерства сельского хозяйства СССР. Принято специальное постановление по охотничьим хозяйствам. Запрещена всякая охота на перелетных птиц в местах их постоянных зимовок с 15 ноября по 1 марта. Но почему только на этот срок?

Читатели в своих письмах отмечают, что настала пора издать более эффективный закон по охране природы, при котором и с браконьерством и с неразумным отношением к богатствам природы будет покончено раз и навсегда. В этой связи очень кстати были бы соображения Прокуратуры СССР.

А ведь Клязьма была рекой

Подмосковные реки Уча, Воря и Клязьма в недавнем прошлом привлекали отдыхающих своими живописными берегами. Акуловский и Куровский обрывы Учи называли русской Швейцарией, Мамонтовский еловый бор славился грибными тропами и ягодниками. В так называемом Казенном лесе старые пеньки весной всегда были в гроздьях сморчков, осенью — в уборе из опят, а опушки осиновых и березовых рощ были лучшими местами для весенней тяги вальдшнепов и для выхода зайца русака. Поля привлекали охотников на перепелов.

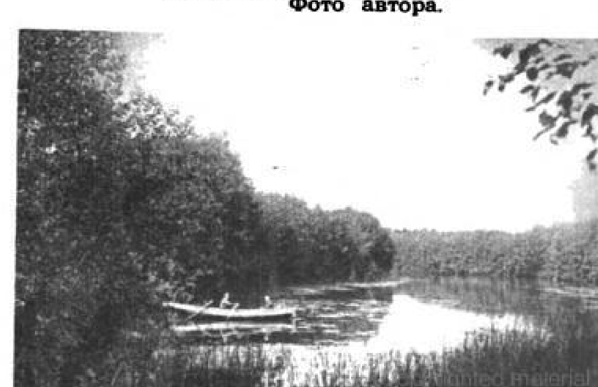
Помнится, несколько десятков лет назад в ясные теплые дни лета можно было наблюдать с купален или с крутого берега «плавление» леща на солнце. Из глубины поднималась сотенная стая рыб и недвижно стояла у поверхности. Лещи едва шевелили плавниками и как бы нежились в лучах солнца. Юный рыболов ловил на удочку плотву, а более опытные прикармливали распаренным овсом лещей, чтобы потом взять хороший улов. Ивы, ольхи, березы и вербы склонялись с берегов к воде, образуя зеленые коридоры. На Уче существовало шесть таких живописных аллей. Рыбак на лодке находил здесь укрытие от зноя, вдыхая аромат цветущей черемухи и шиповника.

Теперь река Воря, на которой находятся парки музея Абрамцева, загрязнена и обмелена, так как плотина разрушена. Спущена вода из Клязьмы; эту некогда полноводную и глубокую реку теперь, как говорится, и курица вброд перейдет. Фабричные отходы и грязь от торфяных разработок обезобразили Клязьму. А Уча? Попробуйте найти хоть кустик на ее берегу...

Московский облисполком должен позаботиться о том, чтобы восстановить красоту и богатства рек Подмосковья.

Б. ЗИМАРЕВ, пенсионер
Москва.

Река Уча в 1910 году. Сейчас ее берега оголены.
Фото автора.

ОТ КРАЯ ДО КРАЯ

Ширма Богова и Борисба Кусов.

КОГДА СЕРДЦЕ МОЛОДО...

К композитору В. И. Мурадели пришли однажды брат и сестра: Борисба Кусов и Ширма Богова — жители села Заманкул.

— Мы хотим танцевать,— сказали они.

Мурадели предложил танцорам показать свое искусство. Пара закружилась в пляске.

Все, кто был при этом, бурно аплодировали замечательным танцорам, которым вместе 191 год: брату — 95, сестре — 96.

Вот уже много лет брат и сестра выступают на всех праздниках в колхозных клубах.

Так сбывается осетинская народная поговорка:

«Когда сердце молодо, ноги сами ходят!»

Ширма Богова получила недавно грамоту на республиканском фестивале, где она с молодым задором исполняла осетинские народные танцы.

Она долго работала бригадиром полеводческой бригады в колхозе имени Цаликова, а недавно назначена заведующей большой птицефермой.

Ее брат Борисба Кусов — народный сказитель, автор множества песен, которые распеваются молодежью в городах и селах Северной Осетии. Кусов работал в колхозе и только недавно ушел на пенсию.

Весело бывает в доме Кусовых, когда собирается вся многочисленная семья. У Борисбы пять сыновей и дочерей и восемь внуков. И все они поют, танцуют, декламируют. Старший сын, Алибек,— профессор химии, двое младших сыновей, Хаджимура и Заурбек,— педагоги. Старшая дочь, Евгения,— врач, дочь Любовь — агроном.

В жизни сестры и брата было много такого, о чем они вспоминают с волнением и теплотой.

Ширма была избрана кандидатом в члены ВЦИК. Удостоверение, подписанное Михаилом Ивановичем Калининым, до сих пор хранится в доме, как самая дорогая семейная реликвия.

Во время войны коммунистка Ширма Богова, рискуя жизнью, помогала партизанам, пробираясь по неприступным кручам. Она доставляла в горы продукты и выполняла поручения командования.

Я. МАРГУНОВ

Квартиру-блок устанавливают на Выставке достижений народного хозяйства СССР.

Дом складывают за неделю

По улице двигается тягач с трейлером, на который погружена... квартира. Настоящая квартира с полом, потолком, стенами, окнами, дверьми. В ней две, а может быть, и три комнаты, кухня, совмещенная ванная — всего 36 квадратных метров. Кажется, входи и живи!

Но пока еще надо подождать.

80 таких квартир, каждая из которых весит 13 тонн, привезут на строительную площадку, двухконсольный козловый кран поставит их в ряд, а затем друг на дружку, и вырастет пятиэтажный дом — всего за одну неделю.

Первую такую блок-квартиру, спроектированную архитектором Е. С. Смирновым, инженерами Б. А. Шафраном, Е. Л. Капланом и другими сотрудниками 13-й мастерской и отдела новой техники института «Моспроект», изготовили на опытном Калибровском заводе. Сейчас блок-квартиру могут видеть посетители Выставки достижений народного хозяйства.

А в этом году уже и москвичи-новоселы в десятом квартале Новых Черемушек скажут свое слово о доме, построенном из квартир, сделанных на заводе.

И. ВЛАДИМИРОВ

ПЕЩЕРА САТАПЛИА

Во время раскопок неподалеку от Кутаиси археолог-любитель Петр Чабукиани неожиданно обнаружил большую пещеру, стены и свод которой украшены причудливыми сталактитами и сталагмитами.

Таких карстовых пещер, образованных деятельностью подземных вод, немало в Западной Грузии.

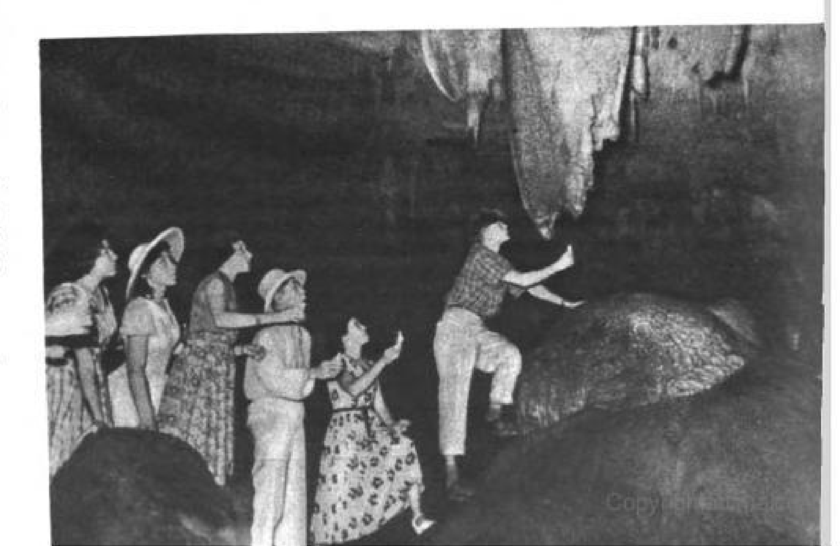
От пещеры, названной Сатаплиа, открывается замечательный вид на снеговые вершины Кавказского хребта. Чтобы надежнее защитить этот памятник природы, вход в пещеру Сатаплиа закрыли железной дверью.

Вскоре поблизости обнаружили еще одну такую пещеру. Для туристов, посещающих эти места, проложена асфальтовая дорога, строятся гостиница, столовая. Пещера будет освещаться электричеством.

Продолжая раскопки, Петр Чабукиани неподалеку от Сатаплиа обнаружил отпечатки следов доисторических животных.

В. ЛАЛИАШВИЛИ

Туристы в пещере Сатаплиа.
Фото Э. Цицишвили.

Яхта «Турист»

Известный конструктор-судостроитель П. Т. Бутте, автор многих проектов великолепных яхт, недавно построил новый швертбот-двойку, назвав его по-эстонски «Пойсу» («Мальчуган»). Это маленькая яхточка, рассчитанная на 2—3 человек. Длина корпуса равна 3 метрам 65 сантиметрам, ширина — 1 метр 32 сантиметра. Весит она всего 53 килограмма. Стоимость такой яхты с парусным вооружением и веслами определена в 1 800—2 000 рублей.

Таллинская верфь спортивного судостроения, где организуется массовый выпуск швертботов по типу «Пойсу», получает уже много заказов на яхты этого нового класса, названного «Турист».

Ю. БАТЮШКОВ

На снимке: новый швертбот конструкции П. Т. Бутте.

Боевая семерка

В альбоме Марии Сергеевны Сараевой-Зубковой со времен революционной подпольной работы хранится фотография молодых рабочих луганского паровозостроительного завода Гартмана. Второй слева — Александр Яковлевич Пархоменко, легендарный герой гражданской войны. Этим-то и дорога Марии Сергеевне поблекшая фотография.

Со своим другом по подпольной работе в Луганске Ильей Ивановичем Дахно она вспоминает веселого, умного, отзывчивого парнишку Сашу Пархоменко. Он сразу как-то пришелся на заводе. Прямой, смелый и решительный его характер нравился рабочим. И когда Климент Ефремович Ворошилов в 1905 году создавал рабочую революционную дружину, в штаб ее вошел 20-летний Пархоменко.

На фотографии — боевая семерка рабочей дружины паровозостроительного завода после одной из массовок, которые проходили летом 1905 года.

А осенью луганская организация РСДРП(б) поручила молодому большевику Саше Пархоменко возглавить демонстрацию протеста против лживого царского манифеста 17 октября 1905 года.

Саша энергично принялся за дело. Заведомо зная, что предстоит схватка с черносотенцами, он устроил напротив сквера засаду, вооружив рабочих «шумовым оружием». Эффект получился больший, чем ожидали демонстранты. При приближении конных полицейских в засаде дружно начали колотить по трубам, крышам, бить в листы жести. С криками «Бомбы!» полицейские поскакали назад. А когда они снова повернули на демонстрантов, Пархоменко скомандовал: «Стаскивай с коней» — и первый бросился к самому рослому полицейскому, стащил его и, быстро расседлав коня, пустил на волю. Перепуганный седок удрал в глубь Успенского сквера. Примеру Пархоменко последовали другие участники демонстрации.

Задание партийной организации Саша Пархоменко выполнил с честью, демонстранты разогнали полицию и прошли по городу.

Г. ЛЕОНОВ

Рабочие-дружинники Луганского паровозостроительного завода. Второй слева — А. Я. Пархоменко. 1905 год.

Марафонский бег в поднебесье

Участником «марафонского бега в поднебесье» самолетом «ИЛ-18» пройдена еще одна новая дистанция, Баку — Москва со скоростью 720 километров в час.

Из Баку до Москвы «ИЛ-18» летит немногим больше трех часов. Можно позавтракать в Баку, пообедать в Москве, а к вечернему чаю вернуться в Баку. Если вы не успели позавтракать дома, не огорчайтесь. В самолете вам подадут вкусный легкий завтрак, а на обратном пути накормят и обедом.

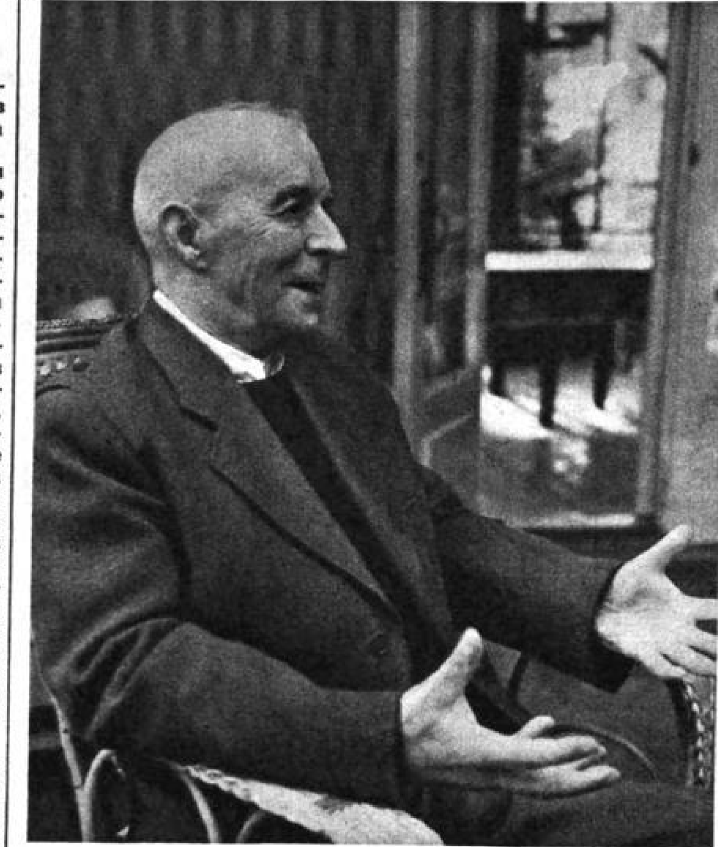

На пути в Баку нашими соседями оказались начальник одного из цехов Сумгаитского завода синтетического каучука инженер Л. Багров и преподаватель физкультуры политехнического института Гаджи Мамедов. Багров возвращался из Тюмени, куда летал в командировку, а Мамедов — из Ленинграда, со всесоюзного совещания по парусному спорту.

— В Тюмень я летел на «ИЛ-14»,— поделился с нами Багров.— Путь занял шестнадцать часов. Обратно — из Тюмени до Москвы — на «ТУ-104», вот теперь — на «ИЛ-18». Сколько я времени сэкономил благодаря новейшей технике!

Еще более красноречиво высказался об открытии новой воздушной линии бакинский художник Г. ОГАНОВ, рисунок которого мы публикуем.

В. БЕЛЕЦКАЯ

Николай Николаевич АСЕЕВ.

Фото Е. Умнова.

«Рассвет — что ни день — моложе...»

Голубые, ясные глаза семидесятилетнего человека. Они темнеют, когда Асеев, хмурясь, хочет резко возразить. Они сияют, когда поэт улыбается, вспомнив что-то очень хорошее.

А в жизни у него было много хорошего.

Поэт Асеев, пожалуй, начинается с того раннего утреннего часа, когда мальчиком он сидел на крыльце деревянного дома на окраине Льгова и вдруг увидел, как над горизонтом взошло сразу несколько солнц — явление в природе известное, но редкое. Мальчик увидел в этом что-то родственное рассказам деда, в которые было трудно поверить, но сейчас он увидел все собственными глазами и затрепетал от восторга. Когда отец попытался объяснить сыну, что это ложные солнца, тот всем своим существом запротестовал:

— Нет, не ложные, нет, не ложные, настоящие, я сам их вижу!

Так и не поверил тогда Асеев отцу, а поверил деду. Поверил в человеческую мечту о чудесной жизни. Поэт пронес эту мечту через десятилетия, чтобы много времени спустя иметь право убежденно сказать:

Как из станка выходит ткань,
как на алмаз ложится грань,
вложи, вложи в созвучья
строк
бессмертный времени росток!
Тогда ничто, и даже смерть,
не помешает нам посметь!

Подлинный Асеев родился вместе с Октябрьской революцией. Она «как стержень тематики... заставила беспредметное новаторство вложить в рамки общего напряжения борьбы за новые формы существования».

Конечно, счастлив поэт, который создавал советскую поэзию вместе, бок о бок с Маяковским. Они встретились еще в 1913 году на одном из московских бульваров. Когда Маяковский узнал, что Асеев тоже пишет стихи, и спросил, про что они, Асеев растерялся. «Да и сказать по правде, — вспоминает поэт,— мне неинтересны стали сразу все мои стихи...

А он шел рядом, такой большой, и отечески осматривал меня своими океанами-глазами. Я чувствовал, что встреча эта для меня неизгладима по своим последствиям...»

Семнадцать лет рядом с Маяковским — это счастье. Но какое нелегкое счастье! Жить рядом с Маяковским, находиться под его постоянным воздействием и сохранить свой голос — для этого нужно много душевной свежести и большой талант.

К десятилетию Великого Октября советские поэты готовили свои подарки. Маяковский писал октябрьскую поэму «Хорошо!». Зная об этом, Асеев искал своего поэтического пути. Уговор друзей был — создать что-нибудь необычное, новое. Возникла мысль об архивах. И в архиве Истпрофа ЦК союза горнорабочих после трехдневных поисков Асеев нашел изумительные автобиографические записки Семена Проскакова, рабочего, партизана, революционера.

Асеев не может спокойно вспоминать о том громадном воздействии, которое он испытал при чтении записок Проскакова: «Каратели издевались над моей семьей, а именно, над моей женой Татьяной Ефимовной Проскаковой, испороли ее в лоскутья и, выстегнув ей глаз, которая в последнее время осталась с половиной свету...»

...Все пережив
и все победив,
с прошлым
будущее сличая,
встань, Проскаков,
и обведи
землю
выцветшими очами.

Обращение поэта к своему герою заканчивается страстными словами:

Это тебе
жить и дышать,
скинув
со счету всякого,
кто осмелится
помешать —
песне и жизни
Проскакова.

Асеев наизусть цитирует целые куски из поэмы. «Ведь помнишь то, что любишь»,— смущенно говорит он.

Критики любят писать об Асееве — поэте неугасающей молодости. Все это так. Однако куда важнее увидеть путь поэта от славянской удали первых стихотворений до пронзительно ясного ощущения вечно обновляющейся жизни в стихотворениях последних лет.

Отвечая на вопрос о его занятиях и планах, Асеев шутит:

— Стараюсь ничего не делать, потому что самые хорошие мысли приходят, когда ничего не делаешь.

На самом деле поэт много пишет, переводит с чешского стихотворную пьесу Витезслава Незвала «Манон Леско» по мотивам романа аббата Прево. Больше всего последнее время Асеев занимается теорией стиха. Впрочем, не только последнее время. Участники асеевского семинара двадцатых годов тепло вспоминают сегодня своего учителя, открывавшего им тайны классического и современного стихосложения.

Недавно «Литературная газета» опубликовала статью Николая Асеева «Зачем и кому нужна поэзия?». Мне вспомнилась старая книжка поэта, вышедшая тридцать лет назад,— «Работа над стихом». В газетной статье было столько же молодого задора, темперамента, сколько и в книге, хотя статью писал человек вдвое старше.

— Все равно поэзия не уйдет из жизни! — восклицает Николай Асеев.— Без нее, без настоящей поэзии, не будет закреплена история наших дней.

Поэзия не уйдет из жизни! Хотя бы потому, что сегодняшний день рождает новых талантливых поэтов. Не один и не два среди них считают Асеева своим «крестным отцом» в литературе.

...К поэту пришли два студента из Литературного института: они опубликовали свои первые стихи и хотели поделиться радостью с учителем. Известный советский литератор рассказывал мне, как лет тридцать назад он пришел к Асееву, полуголодный, плохо одетый беспризорник, в тапочках, и когда Асеев угостил его арбузом, парнишка попросил хлеба. И хотя парень был на добрую четверть века младше Асеева, они подружились. С тех пор они неразлучны.

...Синие сумерки обступили дачу, где живет Николай Николаевич, но света в доме хозяин не зажигал. Забыв об остывшем чае, поэт негромко говорил:

— Народ строит, народ рвется в будущее. Очень хочется пособить... Нужно найти правдивые, сильные слова. Поэты должны найти такие слова.

Мне подумалось, что день своего рождения — 9 июля — поэт встретит, как всегда, на рассвете и напишет свои лучшие стихи. Потому что для него «рассвет — что ни день — моложе...»

В. ВОРОНОВ

ТЕАТРАЛЬНЫЙ РАЗЪЕЗД

И. ВЕРШИНИНА

Фото Р. Лихач.

Спектакль «Навстречу ветру» в Курском театре шел к концу. Зрители вместе с героями пьесы В. Овечкина уже отгуляли День механизатора. В антракте долго спорили: кто первый в области придумал отмечать этот день? Писатель Валентин Овечкин,— он часто в своих произведениях пишет о празднике механизаторов? Или Стрелецкий район, где и проводят его уже не первый год?..

Прошла сцена собрания в МТС, во время которой в зале всегда все так волнуются, словно речь идет не о «личном деле» коммуниста Андрея Глебова, главного героя пьесы, а о кровном деле каждого из зрителей.

Захватив порыжевшую на солнце полевую сумку и застегнув, несмотря на жару, все пуговицы военного кителя, направился в очередной обход пенсионер Лошаков: вынюхивать «проступки» и старательно записывать в свою обширную записную книжку «вольные» мысли и слова окружающих...

Одна ушла домой Вера, расставшись с Андреем, теперь уже навсегда. Горечь и обида в ее душе. Но обида не на себя. Не за то сердится Вера, что не смогла понять честного, прямого характера любимого. Девушке просто досадно: не получилось у нее с Андреем маленькое мещанское счастье, которое она давно искала.

А Андрей?.. Он и тут не пошел на компромисс. Нет, не такой, как Вера, человек — настоящий друг нужен в его беспокойной жизни. И он встретит такого человека, найдет. А пока зовут Андрея поля — вон те, что за домами, за околицей, за перелесками, те, куда ведет этот большой прямой тракт.

Спектакль окончен, но образ молодого инженера МТС надолго остался в памяти зрителей.

Впрочем, не будем говорить за зрителей, лучше послушаем их. Занавес наконец успокоился и замер, зал опустел. А зрители не ушли. Они заполнили фойе, коридоры, вестибюль, даже буфет. У многих дорога домой дальняя, не мешает подкрепиться. Шуршат шелка, стучат тоненькие каблучки по лестницам. Всюду движение, смех, прощания, споры...

Стоит группа зрителей с Курского завода тракторных запасных частей. Слышится голос слесаря Владимира Королева. Очень понравился ему своим упорством, твердостью взглядов главный инженер Андрей Глебов, думающий о колхозной жизни смело, творчески...

— Вот это человек,— восхищается Владимир,— несгибаемый! И секретарь парткома ему советовал: признай ошибки, скажи, что был неправ, и тебя простят. А Андрей не стал фальшивить: убежден был в своей правоте. Настоящий человек!..

Начальник термического цеха завода Василий Иванович Бухтияров замечает:

— Да, правдив без оглядки парень. Говорит, что думает. А думает обо всем по-хозяйски, всерьез. Вот если бы и мы все так, да всегда так...

— А что же, мы, значит, не так, что ли? — запальчиво перебивает Бухтиярова молодая женщина, работница завода. — Мы вот спорим о том, правильно ли одни запчасти к тракторам делать нашему заводу, а другие — везти чуть ли не с другого конца Союза. Не проще ли все делать на одном заводе? Сколько государству экономии будет!..

После горячего обсуждения спектакля «Навстречу ветру» зрители и участники спектакля снялись на память. В центре — автор пьесы В. В. Овечкин.

Вся группа начинает говорить разом. Услышав, о чем спор, подходят и другие. Вскоре они уже забыли, очевидно, и о месте разговора и о начале его... Волнение, шум, реплики... И только все перекрывающий возглас: «Автобус отходит!» — заставляет людей замолчать и устремиться к выходу.

Идет группа студентов — молодежь курских вузов.

— А где происходит действие пьесы? — с любопытством спрашивает девушка.

— Да, наверное, где-нибудь у нас же, в Курске... Как и «Районные будни». Ведь Овечкин наш, местный...

— Раньше чем писателем стать, и трактористом был, и председателем сельхозкоммуны, и избачом, и учителем на селе...

Из буфета с бутербродами в руках выходят двое. Один с полным ртом недовольно бурчит:

— Ну где это писатель увидел таких, как Лошаков?.. Выдуманная фигура! И вообще возмутительно: человека, который был секретарем парткома, взять и высмеять.

Собеседник, одетый в военную форму без погон, помолчав, замечает:

— Оскорбительно, что этот Лошаков носит китель!.. Значит, автор намекает на военных. Хочет сказать, что все, мол, офицеры такие, как Лошаков. Черт знает что!..

Почему знакомыми кажутся эти речи?.. Что-то очень похожее было у Гоголя в «Театральном разъезде».

«Ведь вот вы какие, господа военные! Вы говорите: «это нужно выводить на сцену»; вы готовы вдоволь посмеяться над каким-нибудь статским чиновником; а затронь как-нибудь военных, скажи только, что есть в таком-то полку офицеры, не говоря уже о порочных наклонностях, но просто скажи: есть офицеры дурного тона, с неприличными ухватками — да вы из-за одного этого готовы с жалобой полезть в самый государственный совет».

...Много лет прошло с того времени. Иной стал зритель.

Но иногда встречаются в театральных кулуарах и такие люди, что судят об искусстве точь-в-точь, как гоголевские персонажи. Их волнует больше всего, на кого намекает автор, не бросает ли это тень на них самих...

Иначе подходит к искусству, иначе судит о спектакле большинство зрителей. Все они вовлечены в жизнь героев, захвачены ею, верят в нее.

— Лошаков бесподобен,— говорит секретарь Стрелецкого райкома партии М. Чернышева.— Хорошо, что исполнитель этой роли Яковлев и постановщик Резников сделали образ не утрированным, а простым, жизненным. Так он действенней, убедительнее. Смотришь на него и думаешь: а нет ли рядом с нами таких людей, для которых догма, форма важнее, чем само дело, а нет ли в нас самих отдельных черт Лошакова?

Теперь в Курске про плохих людей так и говорят: «Этот, как Лошаков!»

Вступает в разговор Орлов, директор опытной сельскохозяйственной станции.

— Мне думается,—говорит он,— в пьесе главный разговор о том, как каждый из нас может на своем месте управлять государством. Ведь к любому делу человек наших дней обязан подходить с одной меркой: нужно ли это для народа. Отсюда и схватка Андрея с Лошаковым...

Вновь громкие окрики перекрывают шум голосов в фойе:

— Колхозников сельхозартели имени Кирова ждут машины!

— Товарищи из колхоза «Коммунар», на машины!..

Одна и та же картина предстала перед нами. Слева — на сцене Курского театра, справа — в колхозе имени Калинина, Стрелецкого района, Курской области.

— Колхоз имени XX партсъезда...

И вот уже длинная колонна растянулась по автостраде Москва — Симферополь. Огромные грузовики украшены флагами, ветками, цветами. Среди них, словно путаясь под ногами, пестрят «Волги», «Москвичи». Навьюченные автомобили курортников торопливо соскальзывают с середины шоссе, прижимаются к обочине. Из некоторых машин вылезают пассажиры — посмотреть на проезжающих. А там, на грузовиках, автобусах, уже кто-то растянул баян, девчата завели песню, ее подхватили дружные голоса, и понеслась она над дорогой.

Вот показались новенькие светлые коттеджи рабочего поселка. Над ними, точно присматривая за порядком, возвышается башня телецентра. Здесь заводские машины сворачивают с шоссе: приехали.

А колонна колхозных автомобилей мчится дальше, мимо городского парка, мимо сельхозвыставки, на поля.

И утром театральная дискуссия продолжается в полевых станах, у вагончиков механизаторов и прямо на тракторах, среди ровных квадратов кукурузы...

Зритель говорит о пьесе и спектакле от всего сердца, говорит, что думает.

...Спозаранку выехали в поле тракторист Игнат Александрович Михеев и его прицепщик Гриша Калинин. Игнат Александрович скоро тридцать лет водит трактор. Да и Григорий, несмотря на свои 19 лет, тоже не новичок. Ну, ясно, разговор идет о вчерашнем спектакле. Михеев этот спектакль весной уже видел, но вчера решил сводить еще и Григория.

— Ему жить, ему познавать жизнь. Ведь это про наши дела спектакль да про то, как судьбу строить молодым. Григорий жизнь свою только начинает, вот пусть и поступает всегда так, как Андрей, прямо обо всем говорит, открыто! Мы сами себе хозяева!

Разговор продолжается уже за обедом. Вкусная, горячая, сытная еда, заботливо привезенная к самому месту работы трактора, вся обстановка под открытым необъятным небом располагают к беседе.

Игнат Александрович вспоминает одного председателя колхоза:

— Чистый Лошаков! Слова живого от него, бывало, не добьешься! Чужим умом только и живет. Что ни спросишь, все в бумажки тычет...

Рассказывают нам и о людях деревни, которые, так же как Андрей, горячо, страстно относятся к своему труду, видят будущее, борются за него.

— Сейчас все больше и больше людей работает на совесть! — продолжает Игнат Александрович.— Болеют за работу! Это правильно писатель подметил. Был у нас механизатор Осипов Иван Евдокимович. Тоже тридцать лет за рулем просидел, теперь пенсионер. Сейчас на его комбайн сын Виктор сел. Так дня не проходит, чтобы Иван Осипов у комбайнов не побывал... Да вы поезжайте, он и сейчас, поди, там!

Мы попрощались с Игнатом Александровичем и Гришей. Они направились к своему трактору. Поле расстилалось перед ними, как огромная шаль. Продольные и поперечные зеленые полосы шли ровно расчерченными квадратами.

Подъехав к стану механизаторов, мы поразились: перед нами была декорация первой картины спектакля «Навстречу ветру». Такой же вагончик с вывешенным боевым листком. А вот и техника, которую готовят к предстоящей работе механизаторы. Даже велосипед был тут же, правда, не один и поновее, чем на сцене. Ивана Евдокимовича мы не застали, он уже ушел. Виктор сидел на комбайне. Спросили у него об отце, о делах колхозных. И вновь разговор перешел на вчерашний спектакль.

— Вчера наш главный агроном Евгений Петрович Голиков после спектакля сказал Овечкину: «Теперь бы надо пьесу о том написать, как сегодня живет деревня». Вот и мы хотим, чтобы о сегодняшней деревне больше и чаще писали наши писатели.

Курск.

За обедом в поле тракторист И. А. Михеев (в центре) и его помощники продолжают разговор о спектакле.

Зеленый шум

Борис ЛАСКИН

Рисунки Е. ГУРОВА.

Белоколонный загородный дом стоял в самой глубине парка. В давние времена здесь хозяйничал граф Сумароков, а ныне раскинул свои владения дом отдыха «Зеленый шум». Эта обитель покоя стала излюбленным местом отдыха ученых. Получая сюда путевки, ученые иногда говорили, что их несколько тревожит название дома, но их торопливо успокаивали: зеленый шум — это всего-навсего деликатный шелест вековых лип, птичий гомон, и ничего другого. И в доме и в парке безраздельно властвовала тишина.

Правда, совсем недавно эти благословенные места посетила шумная киноэкспедиция, снимавшая здесь эпизоды нового исторического фильма. В дни съемок по аллеям разгуливали офицеры в мундирах царской гвардии и дамы в длинных платьях. В ожидании солнца они играли в волейбол, читали газету «Советская культура» и оживленно беседовали. В старинном парке звучали слова: «план», «смета», «полезный метраж». Потом экспедиция уехала на двух автобусах, и в парк возвратилась тишина.

Директор «Зеленого шума» говорил так:

— Товарищи, какой у нас в основном контингент? Ученые. Короче говоря, люди умственного труда. Обойдемся уж как-нибудь без танцев и развлечений. Создадим спокойную обстановку. Пусть люди отдыхают в привычной атмосфере. Шахматы, книги, покой — это как раз то, что им нужно.

Однажды случилось так, что ученые возроптали: им было скучно. Тогда директор уехал в город и вернулся с человеком, именуемым затейником. Ошеломленный составом отдыхающих, затейник попытался было начать с популярной лекции на тему «Гипертония и меры ее предупреждения», но лекция никакого успеха не имела, и многоопытный затейник резко изменил курс. Он сколотил группу желающих участвовать в увлекательном соревновании «бег в мешках». В этом игрище приняли участие член-корреспондент Академии наук Ярцев, профессор Вахромеев и кандидат искусствоведения Фроленко. Пропрыгав половину дистанции, профессор Вахромеев стыдливо вылез из мешка и, не глядя на присутствующих, скрылся в библиотеке.

Затейнику было трудно. Его инициатива не находила поддержки. Через неделю он подал заявление об уходе и тут же устроился в дом отдыха текстильного комбината, где с успехом трудится и по сей день.

С уходом затейника жизнь в «Зеленом шуме» вернулась в свою колею. Иронические замечания в адрес профессора Вахромеева, публично скакавшего в мешке, были уже исчерпаны, и в доме отдыха опять стало скучно.

И вот как-то раз среди бела дня в аллее парка появился молодой человек. Высокий, рыжеволосый, в синем тренировочном костюме и спортивных туфлях-кедах, молодой человек быстро обошел парк. Проводив любопытным взором группы гуляющих, он обратился к старику, с книгой в руках сидящему на скамье:

— Извините за беспокойство. Можно вас потревожить?

— Слушаю вас,— ответил старик. Это был академик Пухов.

— Вы здесь отдыхаете?

— Да. Я здесь отдыхаю.

— Небось, скучаете?

— Простите... С кем имею честь?

— Рыбаков Алексей,— представился молодой человек,— или просто Леша.

— Что же вам угодно, Леша? — строго спросил академик.

Леша улыбнулся.

— Мне кажется, здесь бы не помешал человек, который, так сказать, организовал бы культурный досуг...

— Вы имеете в виду бег в мешках? — усмехнулся Пухов.

— Это неплохая штука. Ловкость развивает, прыгучесть.

— Вы полагаете, что мне необходимо развивать прыгучесть?..

— Ну, лично для вас мы подберем что-нибудь другое.

— Знаете что, Леша, вы пройдите к директору и побеседуйте с ним.

— Был. Уехал в город директор.— Леша озабоченно потер переносицу.— Можете вы дать команду, чтобы ваши отдыхающие собрались в одно место, вон хотя бы в ту беседку? А?..

— Нет, молодой человек, вы уж, пожалуйста, сами командуйте.

— Ну что ж, ладно,— согласился Леша,— попробую.

Не прошло и десяти минут, как в открытой беседке над прудом собрались люди. Усевшись в кресла и на соломенные диванчики, отдыхающие с любопытством смотрели на рыжеволосого незнакомца в спортивном костюме.

— Дорогие товарищи!.. Попрошу минуточку внимания! — с интонацией балаганного зазывалы начал Леша.— Будем культурно отдыхать!..

Аудитория настороженно молчала.

— Перво-наперво давайте познакомимся. Меня звать Леша. Перед тем, как начать игры и развлечения, хочу узнать ваш культурный уровень, кто где работает, кто какие книги читал. Начнем с вас, папаша...— Он обратился к одному из отдыхающих.— Вы где работаете?

Вопрос этот был задан профессору Мальцеву, известному специалисту в области ядерной физики. Мальцев сочувственно посмотрел на Лешу, вздохнул и ответил:

— Я работаю в артели. По переплетной части.

— Ясно, товарищ переплетчик. А вы? — Он указал на сурового вида мужчину.

— А я... Я учитель арифметики в начальной школе. Фамилия моя Лосев.

— Понятно,— бодро сказал Леша,— шестью восемь — сорок восемь. Пятью пять — двадцать пять.

Лосев сказал правду. Он действительно преподавал арифметику. В молодости. А сейчас он заведовал кафедрой высшей математики в университете и являлся автором монументального труда по теории чисел, переведенного на десятки языков.

Леша продолжал задавать вопросы, и люди охотно отвечали ему. Затея Мальцева показалась им забавной, и вслед за Лосевым отдыхающие по очереди представлялись Леше. Академик Пухов назвался театральным гардеробщиком. Биолог профессор Михайлов отрекомендовался бухгалтером общества «Рыболов-спортсмен». Видный астроном Добродеев предстал перед Лешей как продавец магазина «Гастроном».

Бегло опросив всех присутствующих, Леша подвел итог:

— Ну что ж, товарищи, картина ясна. Люди вы все простые, как говорится, не шибко интеллигентные. Но ничего, постараюсь приподнять вашу культуру.

— Ну, вот что...— начал было Мальцев. Он слыл человеком несдержанным, все это знали. Возмущенный развязностью Леши, он уже готов был ее достойным образом пресечь, но, встретив умоляющий взгляд Добродеева, сдержался.

— Послушаем переплетчика,— сказал Леша,— вы, кажется, что-то хотели спросить...

— Нет... Я ничего...— замялся Мальцев,— у меня это так... чисто рефлекторно.

Леша удивленно поднял брови.

— Вы смотрите, граждане, как человек культурно выражается! А почему это? Сейчас скажу. Переплетчик, он, когда книгу переплетает, он в нее нет-нет да и заглянет. Верно?

— Верно,— сухо сказал Мальцев.

— Молодец!.. Так и надо. А вот возьмем, к примеру, вас.— Он указал на Добродеева.— Стоите вы за прилавком, режете любительскую колбаску, и вам уж тут, как говорится, не до книг. А вот вы, папаша,— он обернулся к академику Пухову,— вы гардеробщик. У вас положение все же получше. Пока люди сидят в зрительном зале, у вас получается культурный дóсуг. (Он сделал ударение на первом слоге. Пухова передернуло.) Вы сидите и читаете по разным вопросам.

— Да,— кивнул Пухов,— сижу, как схимник.

— Вы это слово неправильно сказали. Не схимник, а схимик.

Михайлов и Добродеев отвернулись. Их душил смех, но Леша этого не видел. Он вдохновенно продолжал беседу.

— Теперь возьмем вас.— Он кивнул старику в пенсне.— Я не спросил, вы где работаете?

Старик снял пенсне и несколько игриво ответил:

— Я выступаю в оперетте.

— Ясно. Простак или комик?

— Скорее комик.

— В своем деле вы, безусловно, смекаете, а, к примеру говоря, в медицине разбираетесь мало.

Леша был прав. В медицине старик решительно ничего не понимал. Значительно лучше он разбирался в гуманитарных науках. Месяц назад он прилетел из командировки. Он был в Англии, где прочитал курс лекций по древней истории студентам Оксфорда.

— В общем, так, товарищи. Провернем сейчас с вами ряд культурных мероприятий,— заявил Леша,— отгрохаем вечер вопросов и ответов.

— Ну что ж, отгрохаем,— весело согласился академик Пухов.

— Вопросы будут на темы литературы, науки и техники,— уточнил Леша.— Задавать вопросы по очереди. Я вам, вы мне.

Леша оглянулся. Просторная беседка была уже полна до отказа. Подходили все новые и новые люди.

— Начнем,— сказал Леша.— Внимание!.. Вопрос первый. У ка-

кого русского писателя три романа начинаются на одну букву?.. Отвечает работник «Гастронома».

— Гончаров. «Обломов», «Обрыв», «Обыкновенная история».

— Молодец!.. Поаплодируем товарищу,— одобрительно сказал Леша.— Теперь задавайте мне вопрос.

— Кто написал «Мертвые души»? — спросил профессор Михайлов.

— За кого вы меня принимаете? — обиделся Леша.— Гоголь. Вы задавайте вопросы потрудней. Культурки хватает!

Мальцев в изнеможении посмотрел на соседей: не пора ли уже осадить этого бойкого малого?

— Кто открыл Америку? — строго спросил Мальцев.

— Илья Ильф и Евгений Петров! — ответил Леша.

Зрители засмеялись.

— Слышу здоровый смех. Это уже неплохо,— с удовлетворением отметил Леша.— Пошли дальше. Что такое полупроводник?

Поднял руку Пухов.

— Слово имеет работник гардероба.

Пухов откашлялся и, весело сверкнув глазами, ответил:

— Полупроводником, по-видимому, называется проводник, который один обслуживает два вагона.

— Точно! — подтвердил Леша.— Игра продолжается!..

Спустя полчаса вернувшийся из города директор услышал громкие голоса и взрывы хохота, доносившиеся из беседки. Подойдя ближе, директор увидел незнакомого парня, окруженного отдыхающими.

— Играем в профессии-рифмы!— Леша громогласно объяснял правила игры.— Я называю профессию. Задача — назвать другую профессию обязательно в рифму. Начали!.. Ткач!

Не годится! Братья — это не профессия!..

— Позвольте, но они же писатели!

— Правильно. Писатель — это профессия!..

— Точно,— сказал Леша.— Пошли дальше. Летчик!

— Переплетчик! — неожиданно для самого себя крикнул Мальцев.

Директор «Зеленого шума» в недоумении оглядывался. Но его никто не замечал. Взрослые, почтенные люди, ученые, известные всей стране, вели себя, как мальчишки. Смеясь и перебивая друг друга, они кричали и азартно спорили.

Директор взял под руку профессора Вахромеева.

— Иван Антонович, прошу вас, объясните, ради бога, что здесь происходит!..

Вахромеев ответил не сразу.

— Слушайте, дорогой мой...— Он смеялся, глядя на Лешу.— Его спросили: что такое идеализм? Он ответил: идеализм, говорит, это когда идеализируешь любимую девушку и думаешь, что она лучше, чем она есть на самом деле. Вы слышите? Аристофана он спутал с целлофаном...

Пожав плечами, директор отправился в служебный корпус. Уже издали он услышал новый взрыв смеха из беседки.

Но вот над парком прозвенел звонок, приглашающий к ужину. Идя в столовую, академик Пухов увидел Лешу. Он стоял в застекленной телефонной будке и, прикрыв ладонью микрофон, улыбаясь, говорил:

— Люся!.. Я был уверен, что ты с отцом еще здесь. Выходной, делать нечего, прошелся я по аллеям и увидел, как скучают люди. Тогда я затеял дикую авантюру. Изобразил воспетого сатириками культурника образца «Три притопа, три прихлопа» и сделал вид,

— Врач! — крикнул кандидат наук Рыжков.

— Лекарь!

— Пекарь! — крикнул академик Пухов.

— Вахтер!

— Шахтер! — бойко срифмовал историк Семенов.

— Штукатур!

— Братья Тур! — ответил в рифму член-корреспондент Пащенко.

В беседке зашумели.

— Не годится! — кричал доктор медицинских наук Пономарев.—

что понятия не имею, кто здесь отдыхает. Слышишь?.. Я тут провел викторину. Когда профессор Мальцев,— знаешь, знаменитый атомник, который будет у нас читать на четвертом курсе,— спросил, что такое нейтрон, я ответил такое, что просвещенный старик буквально зашатался. Что?.. Да уверяю тебя, никто на меня не обиделся!.. Это веселые и очень милые люди!..

Академик Пухов всплеснул руками и быстро ушел.

Из подвалов на площади

А. БУДНИКОВ,

кандидат искусствоведения, доцент Киевского художественного института

Прекрасны парки Киева. Они не уступают по красоте лучшим паркам многих городов Европы. Знаменитая Владимирская горка с памятником Владимиру, Первомайский парк с его вековыми липами близ старинного дворца работы Растрелли. Парк Т. Г. Шевченко напротив старейшего университета тоже его имени, рядом с Шевченковским бульваром и музеем Шевченко...

В общем, что и говорить, чудеснейший город наш Киев! Перечислить его красоты — слов не хватит. И до чего же обидно, что изумительные его ансамбли порой резко нарушаются вопиющей безвкусицей!

Дело в том, что в наших парках, да и не только в них, а и на вокзалах, площадях, стадионах там и сям расставлены всяческие плохонькие, антихудожественные скульптуры, статуэтки, фонтаны и прочие украшения, отталкивающие своим однообразием, а часто и безобразием.

Нередко эти «украшения» вместо воспитания эстетического вкуса либо раздражают, либо, что еще страшнее, способствуют развитию дурного вкуса, особенно у молодых людей.

В парке имени Шевченко, неподалеку от памятника Тарасу Григорьевичу, на той же центральной аллее, у фонтана, который чаще ремонтируется, чем работает, установлена скульптура обнаженной женщины весьма жалкого вида, расчесывающей ниспадающую косу. Эта всегда облезлая и часто подкрашиваемая скульптура, вылепленная наскоро в первые послевоенные годы, производит гнетущее впечатление. Но к ней, видимо, привыкли благоустроители города, и она продолжает неуклюже расчесываться у всех на виду. Кстати сказать, подобного рода «художественно» оформленные фонтаны можно в изрядном количестве встретить в разных городах.

А вот один примечательный разговор двух приезжих:

— Зачем они здесь стоят?

— Кто «они»?

— Да эти девочка и мальчик?

Разговор происходил на улице Репина в Киеве. Здесь у дверей скромного дома с крылечком в три ступени установлены без всякого постамента, почти на земле, коротышки, не больше метра высотой, цементные пионер и пионерка.

Хотя в доме когда-то был пионерский клуб, все равно ясно, что скульптуры поставлены не к месту, они не связаны гармонически с общим ансамблем и вызывают справедливый вопрос: зачем они здесь? Благой порыв украсить вход в здание не достиг цели.

Из всех этих и подобных им случаев явствует одно: нельзя превращать декоративную скульптуру в штамп. Декоративная скульптура постоянно на виду у массы людей, она играет огромную роль в воспитании художественного вкуса. Нельзя выпускать тысячные тиражи одинаковых, как гривенники, фигурок, да к тому же низкого художественного качества. Нельзя расставлять их где попало, не сообразуясь с местом. Ведь если руководствоваться только коммерческими соображениями — массовостью выпуска, стоимостью,— то главное, для чего все это делается,— красота, эстетическое наслаждение — неминуемо исчезает, украшения не привлекают ничьего внимания.

Нужно добиться, чтобы каждая скульптура была оригинальна, чтобы она была настоящим украшением.

Где же выход? Разве нельзя наши парки, улицы и площади, великолепные набережные украсить произведениями подлинного искусства?

А. Олейник. ТРИПОЛЬСКАЯ ТРАГЕДИЯ.

Давайте заглянем в хранилища музеев страны, и мы найдем десятки, а может быть, сотни замечательных работ, скульптур, которые годами не видят света только по той причине, что нет в музеях достаточной экспозиционной площади, или же экспонируются плохо. Почему же мы не можем такие произведения, которым по их характеру место в парках, на улицах, извлечь из музейных подвалов или из совершенно неудобных выставочных мест в музеях? Почему надо считать обязательным, что экспозиционная площадь для произведений искусства должна предоставляться исключительно в музейных помещениях?

Автор этой статьи видел в городах Европы — в Афинах, Риме, Париже — множество произведений искусства, отличные скульптуры, скульптурные портреты людей науки и культуры на площадях, в парках — на воздухе. Они прекрасно сохраняются и доставляют много радости людям. В нашей стране богатство великолепных парков, лесопарков, городских садов и скверов, и их надо превращать в парки-музеи.

Какой же простор открывается перед нами в новых великолепнейших ансамблях городского и сельского строительства!

Но надо преодолеть известную робость.

Вот характерный пример: в селе Триполье, Киевской области, открыт музей, на крутом берегу Днепра поставлен обелиск героям Трипольской трагедии. Чтя память киевских комсомольцев гражданской войны, героически погибших в борьбе с бандами, в украинское село Триполье приезжает отовсюду много молодежи. А в Киевском музее украинского искусства давно хранится большая бронзовая скульптура «Трипольская трагедия» А. Олейника. За неимением экспозиционной площади она стоит в вестибюле в невыгодном окружении и не оказывает того воздействия, которое могла бы оказать, если бы ее поставить на площади у домика-музея в селе Триполье.

Я спросил у директора музея: мог бы он отдать эту скульптуру?

— Я согласен. Это правильно.

— Так в чем же дело?

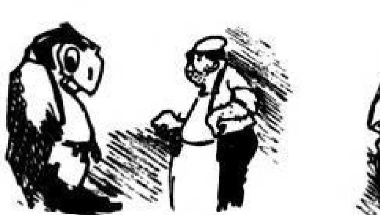
Оказывается, возражают в управлении, которому подчинены музеи. И все на том основании, что это — произведение художественное и его надо беречь.

Нет, нужно смело идти на «жертвы» и больше выносить на воздух то, что могло бы сыграть свою благородную роль в воспитании духовных качеств и вкусов народа!

Сатирические строки

А. МАЛИН

Рисунки Б. Жутовского.

ПУГАТЕЛЬНОЕ КАЧЕСТВО

Своим изделием любуясь
попугаем.
Сказал кустарь:
— Ребяток попугаем!

ГРАФИКОМАН

Зачем ему живые лица,
Когда есть график и таблица?

НА СВОЕЙ ТОЧКЕ

Обычно у людей бывает
точка зрения.
А у него — лишь точка
подозрения.

ОКИСЛИТЕЛЮ

И чувства пылкие на взлете
И день весенний золотой —
Вы все на свете обольете
Скептическою кислотой.
Эх, применить таланты б
ваши
Для производства
простоквашн!

ФАНЕРНАЯ МАНЕРА

Бездаркин породил
произведенье —
Ни чувств, ни мыслей...
Дерево. Фанера.
Но все-таки во время
обсужденья
Отметил кто-то: «Что ж...
Своя манера!»

РЕШИЛ ЗАДАЧУ

Козел терзался, ерзая
на стуле:
«Что написать в характеристике о Муле?
Зачем она
Нужна?
Решили Мула выдвинуть?
А может, снять?
Придумал! Чтобы мне не
сесть в галошу,
Два текста сразу выложу
на стол.
На выдвиженье?
Вот: «Трудолюбив, как
Лошадь».
На снятие?
«Бездарен, как Осел».

Дом, освещенный солнцем

Вот новый дом. Он вырос за три минуты, на наших глазах. Вслед за ударами гонга на сцену пришли каменщики и воздвигли стены. Потом явились маляры. А когда дом был готов, какой-то человек, до тех пор презрительно наблюдавший за строительством со стороны, понес к подъезду, не торопясь, свой фикус. Но живая стена протестующе всколыхнулась. Взмах рук — и испуганный мещанин исчез...

Осмеянию мещанства и приспособленчества, утверждению чистоты и счастья прямых дорог жизни посвятил коллектив Эстрадного студенческого театра МГУ свое представление «Мы строим наш дом».

Полгода назад собрались впервые создатели этого спектакля. «То, что нами задумано, не должно стать студенческим капустником. Хочется делать большое искусство»,— сказали они.

Темы эстрадного спектакля были подсмотрены авторами в жизни: и в своей студенческой среде и вокруг... Эти темы постепенно обрастали сюжетом, множеством остроумных и точных деталей. А пока создавался литературный сценарий, уже шли занятия по актерскому мастерству: изучались пластика, танец, речь, пение... Двадцать четыре репетиции понадобилось, чтобы «запел» мужской квинтет, состоящий из людей, которые не знали ни одной ноты. Зато теперь музыкальное обозрение «Сегодня выходной» воспринимается как номер не только вполне профессиональный, но один из лучших в программе.

К премьере готовились по ночам, домой разъезжались утром, хотя один из наиболее занятых исполнителей, Володя Точилин, защищал в это время диплом, а у остальных была экзаменационная сессия... Но, может быть, именно такая обстановка, трудная и ответственная, и нужна была, чтобы создать спектакль большого подъема и остроты, спектакль, чуждый всякой успокоенности, эстрадного «академизма».

Привлекает новизна форм студенческой эстрады. Здесь все броско, отточено: пантомима, обыгрывание воображаемых предметов, эффектные бутафорские детали, свет, музыка...

Авторы населили новый дом хорошими и красивыми людьми. Но проникли в дом — с черного хода — и те, кого не хотелось бы видеть в нашей жизни. Это определило многообразие юмористических и сатирических приемов спектакля: от сочувственной улыбки до гневного, саркастического обличения...

«Мы хотим, чтобы все стены нашего дома были обращены к солнцу!» Вот тема, которую утверждает первый спектакль нового студенческого Эстрадного театра МГУ, родившегося нынешней весной.

В. ГРИГОРЬЕВ,
студент МГУ

Сцена «В парке». Фото Ю. Кривоносова.

РАННИЕ ЛИМОНЫ

Три года назад мы с женой взяли от плодоносящего комнатного лимонного дерева черенок и вырастили из него замечательное деревцо. Я подкармливал его два раза в месяц сульфатом аммония (одна столовая ложка удобрения на ведро воды). И вот на двухлетнем деревце раскрылись цветки и завязались плоды. В ноябре прошлого года я снял уже первый крупный плод весом в 650 граммов, а сейчас созревают на нем такие же новые плоды.

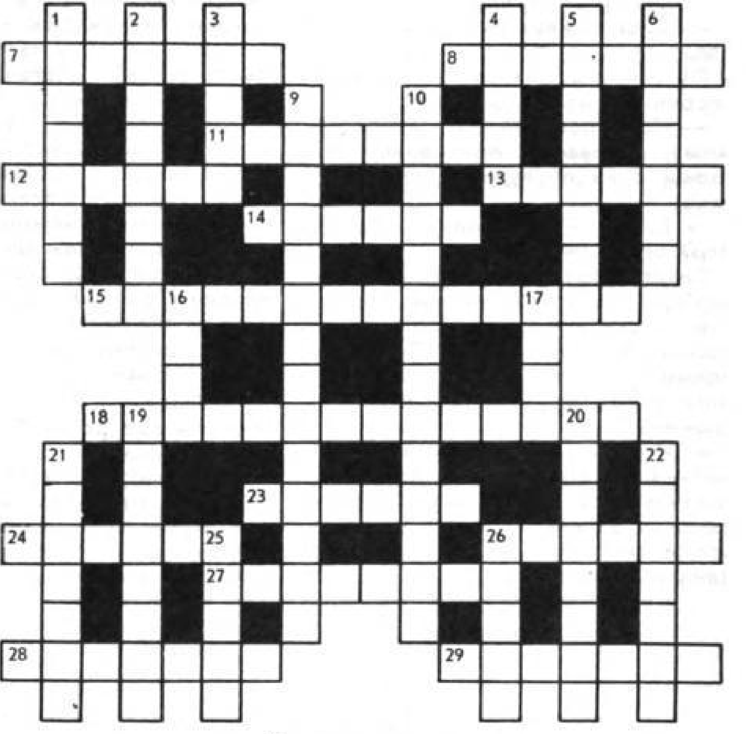
В. Сысолетин
поселок Мизур,
Северо-Осетинская АССР.

В беседе с нашим корреспондентом доктор сельскохозяйственных наук профессор Венедикт Андреевич Колесников сказал:

— Опыт читателя В. Сысолетина заслуживает широкого распространения среди любителей комнатного цитрусоводства. Деревцо, выращенное из черенка от плодоносящего дерева лимона, всегда вступает в раннее плодоношение. Можно также ускорить получение плодов ежегодной обрезкой деревцев.

КРОССВОРД

По горизонтали:

7. Изобретатель в пьесе В. Маяковского «Баня». 8. Низкий буфет. 11. Внешняя часть порта. 12. Пресноводная рыба. 13. Река в Румынии. 14. Автор рассказа «Красный цветок». 15. Медицинское учреждение. 18. Объективность в оценке, в суждениях. 23. Орнамент из цветного стекла. 24. Скопление водных масс. 26. Австрийский композитор. 27. Представитель литературного жанра. 28. Вид городского транспорта. 29. Остров, на котором расположен вулкан Этна.

По вертикали:

1. Угломерный прибор. 2. Порт в Канаде. 3. Овощное растение. 4. Малая планета, видимая невооруженным глазом. 5. Военнослужащий части, отличившейся в боях. 6. Трехсложная стихотворная стопа. 9. Геометрическая фигура. 10. Развитие технических знаний в школе. 16. Животное, ведущее ночной образ жизни. 17. Сорт конфет. 19. Вид живописи. 20. Название бубна. 21. Небольшая книжка. 22. Течение в Тихом океане. 25. Кормовая культура. 26. Черта, линия.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 27

По горизонтали:

5. Метафора. 7. Гаспарян. 12. Косилка. 13. Глобус. 14. Планер. 15. «Торпедо». 18. Ильм. 22. Тамм. 24. Толстолобов. 27. Величина. 28. Черемных. 29. Руссо. 31. Пяндж. 34. Валка. 35. «Искусство». 36. Договор. 37. Сфен. 38. Трек. 39. Кафаров.

По вертикали:

1. Резвость. 2. Ариозо. 3. Каскад. 4. «Лявониха». 6. Арбуз. 8. Атолл. 9. Жигули. 10. Лимпопо. 11. Боржом. 16. Профиль. 17. Биограф. 19. Лотерея. 20. Астара. 21. Волчок. 23. Мотылек. 25. Фильдекос. 26. Емуранчик. 30. Свисток. 32. Всадник. 33. Швартов.

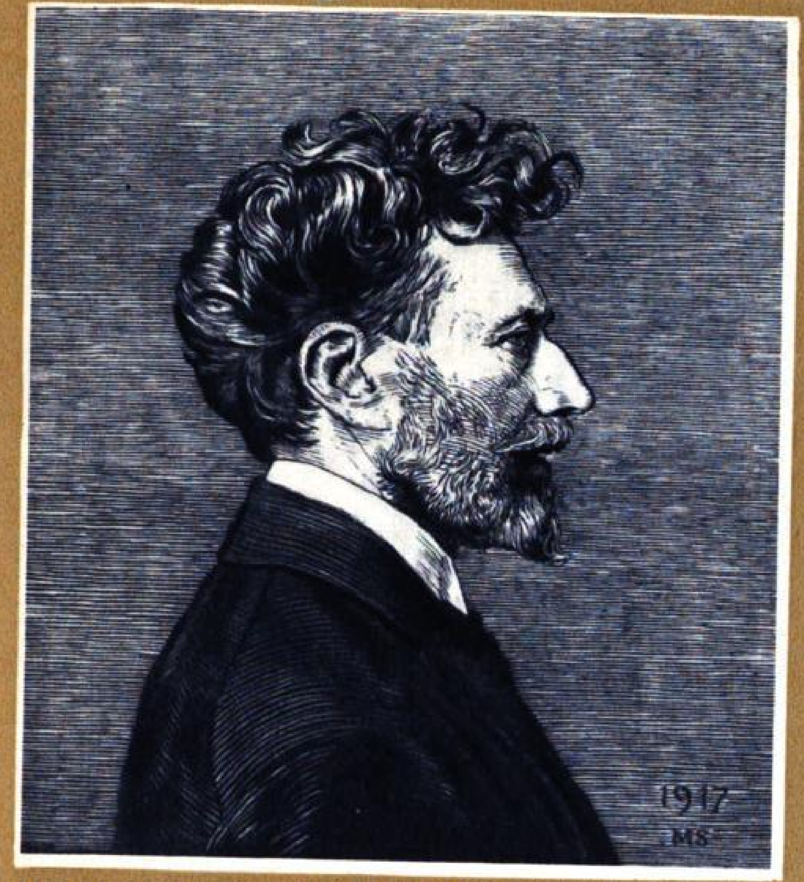
Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: Б. В. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. А. КУДРЕВАТЫХ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, Д. Т. ЛОБАНОВ, И. Ф. ТИТОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Рукописи не возвращаются. Оформление В. Епанешникова.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33, Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67, Фото — Д 3-35-48, Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 04100. Подписано к печати 1/VII 1959 г. Формат бум. 70×108⅛. 2,5 бум. л.— 6,85 печ. л. Тираж 1 500 000. Изд. № 1005. Заказ № 1497.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина, Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Макс Швабинский. АВТОПОРТРЕТ. Гравюра на дереве. 1917 год.

МАСТЕР ТОЧНОЙ РУКИ

БЕДРЖИХ СМЕТАНА. Литография: перо, кисть, игла. 1923 год.

ГОВОРЯЩАЯ МУЗА. Гравюра на дереве. 1931 год.

Народный художник Макс Швабинский — один из крупнейших представителей старшего поколения мастеров чехословацкого искусства. Швабинский пишет картины маслом, создает монументальные росписи, витражи и мозаики. На выставке, которая недавно состоялась в Музее имени А. С. Пушкина в Москве, были показаны только его графические работы.

Художник родился в 1873 году. На выставке экспонировалось около 400 его работ, созданных более чем за 60 лет. Гравюры сухой иглой и гравюры на дереве, карандашные зарисовки и рисунки пером, эстампы меццо-тинто и литографии — какое разнообразие техники, какое великолепное, подчас виртуозное исполнение, какая точность глаза и руки!

Шестьдесят лет — большой срок. Поэтому рисунки Швабинского разных периодов различаются по стилю, по тематике, по задачам. Но всегда его рисунки жизненны и одухотворенны. Швабинский умеет передать прозрачный воздух, колебания теней, сумрак и ослепительный солнечный свет.

Швабинский любит гравировать и рисовать портреты.

Перед нами возникала целая галерея портретов деятелей культуры и искусства Чехословакии: композиторы Дворжак и Сметана, художник Манес, историк Палацкий...

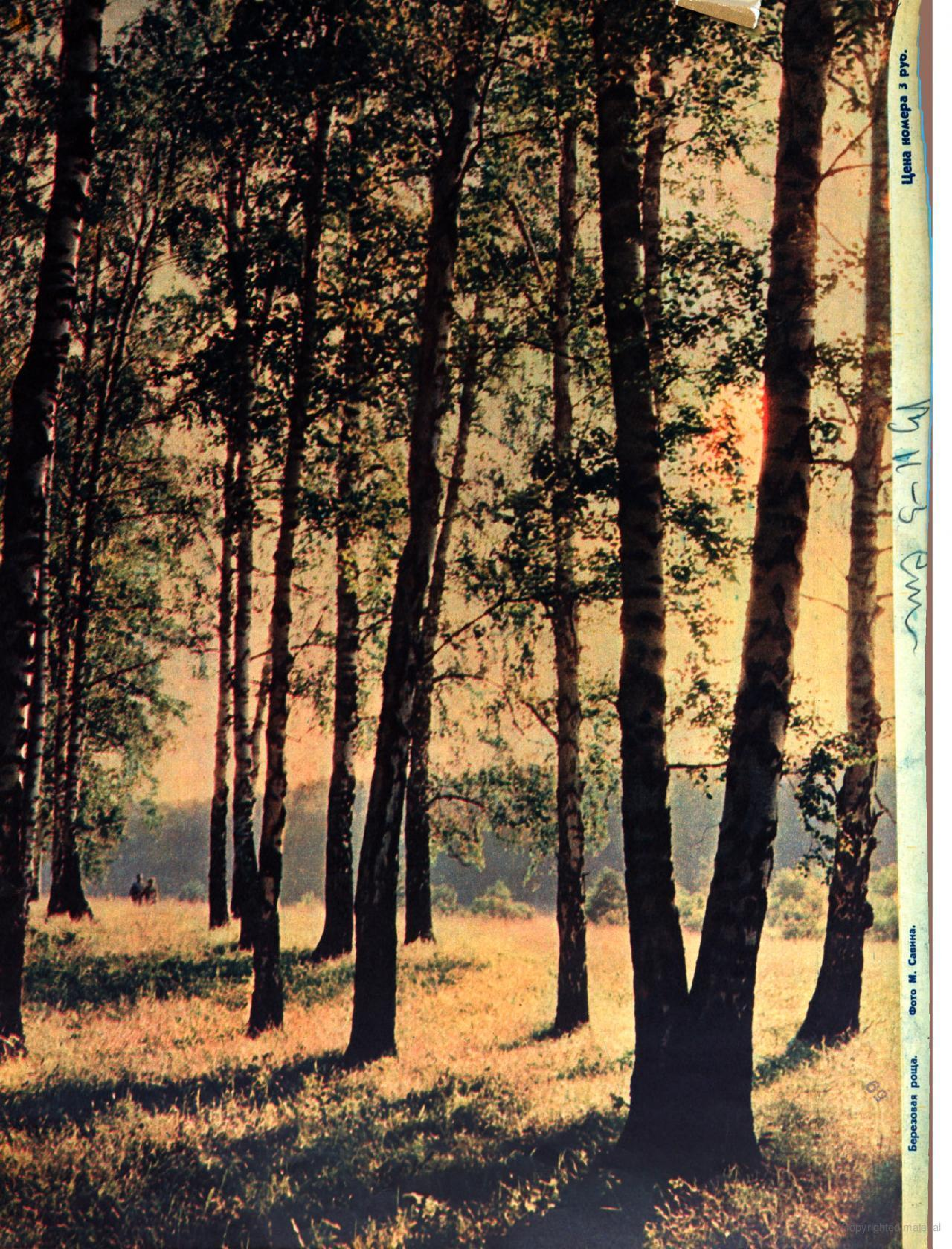
Есть у него серия «Гении нашей эпохи»: А. Эйнштейн, С. Прокофьев, Т. Манн; серия «Портреты чешских поэтов»: И. Гора, К. Томан, Ф. Галас, С. Чех...

Это не простые зарисовки с удивительным сходством. В портретах Швабинского глубина психологической характеристики. Это рассказ о человеке.

Мы помним портрет Фучика, показанный на одной из предыдущих выставок. Какое одухотворенное лицо, сколько воли и любви к людям! Теперь мы увидели, что и другие портреты Швабинского полны мысли и чувства.

Мы мало знали о Швабинском. Выставка познакомила нас с замечательным графиком Чехословакии.

И. УРАЗОВ

Березовая роща. Фото М. Савина.

Цена номера 3 руб.